

МАРИНА ЦВЕТАЕВА

ВАДИМ РУДНЕВ

Надеюсь – сговоримся легко

ВАНДЫ ЖАРОВИЧ — РАУН

ВАГРИУС

МАРИНА ЦВЕТАЕВА
ВАДИМ РУДНЕВ
Надеюсь – сговоримся легко

Письма 1933–1937 годов

Издание подготовлено
Л.А.Мнухиным

«Вагриус»
Москва 2005

УДК 882-94

ББК 84Р7

Ц 27

*Издательство благодарит
Русский архив при Лидском университете (Великобритания)
за предоставленные материалы и Музей М.Цветаевой (Болшево)
за помощь в подготовке издания*

Художник А.Рыбаков

Цветаева М., Руднев В.

Ц 27 Надеюсь ~ сговоримся легко: Письма 1933–1937 годов /
Издание подготовлено Л.А.Мнухиным. Предисл. В.К.Лосской. –
М.: Вагриус, 2005. – 208 с.

ISBN 5-9697-0049-5

Настоящую книгу составила переписка М.Цветаевой и В.Руднева, редактора издававшегося в Париже самого известного эмигрантского журнала первой половины XX века «Современные Записки», где произведения Цветаевой публиковались с первых номеров. Несмотря на внешне деловой характер писем, в них раскрывается история отношений двух сложных противоречивых людей, оказавшихся в непростых жизненных ситуациях, но умеющих поддержать друг друга, понять и... «легко сговориться».

Большая часть текстов публикуется впервые. В раздел «Приложения» вошли воспоминания современников о В.Рудневе, человеке незаурядном, талантливом, много сделавшем для сохранения русской культуры в эмиграции.

УДК 882-94

ББК 84Р7

Охраняется Законом РФ об авторском праве

ISBN 5-9697-0049-5

© Л.А.Мнухин, составление, подготовка текста, примечания, 2005

© В.К.Лосская, предисловие, 2005

© А.Рыбаков, оформление, 2005

Предисловие

Переписка Марины Ивановны Цветаевой с Вадимом Викторовичем Рудневым (1879–1940), издателем «Современных записок», до настоящего времени была известна только частично*. Недавно в архиве Лидского университета (Англия) были обнаружены еще пятьдесят четыре письма Цветаевой к Рудневу, а также десять его писем, обращенных к ней. Полностью переписка охватывает период почти четырех лет: январь 1933 – февраль 1937 годов. До сих пор были напечатаны лишь письма, относящиеся к 1933–1934 годам. Настоящая, расширенная, публикация стала возможной благодаря любезному разрешению хранителя архива г-на Ричарда Дэвиса, за что выражаем ему глубокую благодарность.

Появление полной переписки Цветаевой представляет собой важный этап в изучении творческого наследия поэта, вводит в литературный оборот новые авторские тексты. Эти письма раскрывают отношения между поэтом и журналом, печатающим его произведения, а также между издателем и творцом – двумя сложными людьми, попавшими в трудные жизненные обстоятельства.

Журнал «Современные записки» был наиболее влиятельным органом печати русского зарубежья, да, пожалуй,

* *Цветаева М.И.* Собр. соч.: В 7 т. М.: Эллис Лак, 1995. Т. 7: Письма. С. 443–461 / Сост., подгот. текста и коммент. Л.Миухина.

Здесь опубликованы 29 письма Цветаевой к Рудневу.

и всей парижской прессы. Основанный в 1920 году пятью эсерами, но считавший себя внепартийным*, журнал продержался до 1940 года. За двадцать лет его существования вышло семьдесят номеров.

До того как отправить первое письмо Рудневу, Цветаева уже была автором «Современных записок»: ее стихи, пьесы, проза публиковались с первых номеров**. Часто появлялись на страницах журнала и критические отзывы на ее произведения.

К середине 30-х годов Цветаева переживает серьезный моральный кризис. Усиливается давно начавшееся разобщение с мужем, и не только в плане личных отношений, но и на почве идущих все больше врозь политических взглядов обоих. Сергей Яковлевич всеми силами стремился восстановить в сердце и в жизни образ своей родины, он получил советский паспорт и собирался ехать обратно в Россию. Как раз в интересующие нас годы он поступил на секретную службу в советские органы. Марина Ивановна же очень болезненно воспринимала неминуемое возвращение домой. Она понимала, что ей грозит потеря свободы творчества, а сыну — «советская уравниловка». Но разбивать семью она считала себя не вправе и терзалась этим. Дочь Ариадна все больше удалялась от нее, уезжала подолгу жить к друзьям — отношения становились все более и более напряженными.

Что касается В.В.Руднева, он долгие годы боролся за то, чтобы «Современные записки» сохраняли свой высокий литературный и общественный уровень. В этом ему помогали И.И.Фондаминский, М.О.Цетлин, М.В.Вишняк — они также входили в руководство журнала.

Начиная с 1930-х годов, когда Руднев остался практически единственным редактором «Современных записок», изда-

* См. о «Современных записках» в кн.: *Струве Г.* Русская литература в изгнании. Нью-Йорк, 1956. С. 51–57.

** См.: Марина Цветаева. Библиография / Сост. Т.Гладкова, Л.Мнухин. М.: Париж, 1993. С. 502–504.

нию почти постоянно грозило закрытие, и все труднее становилось — из-за нехватки денег — выпустить каждый следующий номер. Поэтому большая часть времени Руднева уходила на то, чтобы доставать средства для журнала и обеспечивать выход очередного номера.

Но не легче жилось и русским эмигрантам-писателям — Цветаева тоже билась изо всех сил, чтобы решить свои бытовые проблемы...

Основная тема переписки — публикация в «Современных записках» крупных прозаических произведений Цветаевой. В журнале появляются ее воспоминания о М.А.Волошине («Живое о живом»), М.А.Кузmine («Нездешний вечер»), А.Белом («Пленный дух»), автобиографическая проза («Дом у Старого Пимена», «Мать и музыка»), эссе «Искусство при свете совести». Печатаются здесь и ее новые стихи — эмоциональное, но в то же время несущее в себе весьма трезвую жизненную оценку «Не быть тебе нулем...» (из цикла «Стихи к сыну»), глубокие, содержащие раздумья о своем месте в мире стихотворения «Евреям», «Отцам» («Поколенью с сиренью...» и «В мире ревущем...»), «Дом», «Родина», «Куст» и др.

В письмах ясно прослеживаются разногласия Цветаевой с Рудневым по поводу необходимых — с его точки зрения — купюр в ее прозаических текстах. Об этом подробно рассказано в статье В.Крейда*, где приводится черновик письма Руднева, в котором тот оправдывается перед рассерженной Цветаевой за сокращения в ее очерке «Живое о живом». Впрочем, свое недовольство Рудневу по поводу редакционных изъятий из их текстов выражали и В.В.Набоков, и Н.Н.Берберова, и М.Осоргин... Так, Осоргин писал редактору: «Вас, Вадим Викторович, вероятно, удивляет, что я столько воюю и столько говорю из-за пустяка. Но для меня это не пустяк. Я — профессионал дикий и злобный, ни в ка-

* См.: Крейд В. Марина Цветаева и «Современные записки» // Новый журнал. 1990. № 178. С. 268–269.

кой мелочи не уступающий». Он возмущался по поводу незаконных вычетов за правку в корректуре: «Признать Ваш расчет я никак не могу — мне это запрещает профессиональная этика, а я профессионал такой же строгий и неумолимый, как Вы — редактор» (из письма от 12 декабря 1935 г.).

И тем не менее, если ранее, когда была известна лишь часть писем, казалось, что отношения поэта и издателя были сплошь неприязненными, то настоящая, более полная, публикация доказывает, что на самом деле Цветаева гораздо менее была обижена на Руднева, чем на других редакторов журнала — М.О.Цетлина и М.В.Вишняка. «Мне жаль (Вам — нет, конечно), что моя корректура идет к Вишняку, а не к Вам; мы с Вами хотя и ссоримся — но в конце концов миримся, а с Вишняком у меня никакой давности», — признавалась она Рудневу (письмо от 19 июля 1933 г.).

Но редактор редактором, а человек человеком. Известный современникам своей холодностью, Руднев в ответных письмах к Цветаевой выражает заботу о ней и ее семье, пытается вникнуть в подробности материальных проблем Марины Ивановны и, будучи членом исполнительного комитета Земгора, всячески способствует тому, чтобы она получила помощь. Он даже предлагает заплатить ей гонорар из своих собственных денег, заботится о покупке подарка — русской книги — для Мура, беспокоится о его здоровье. В ответ со страниц писем Цветаевой не сходят слова благодарности: «Вы меня авансом страшно выручили!», «спасибо за помощь», «бесконечно-тронута» и т.д.

Видимо, было что-то, что объединяло и роднило этих двух столь разных людей. Возможно, в основе их далеко не простых отношений лежала любовь к главному делу их жизни. И хотя Руднев был по профессии врачом, «бывшим московским городским головой», в эмиграции он стал издателем, причем издателем талантливым. Он обладал хорошим литературным вкусом, прекрасно чувствовал язык. Конечно, Цветаева не могла не отметить и не оценить этого: «...даже при несогласии с Вашей оценкой М.Волошина, она мне

нравится...» (15 мая 1933 г.), «а корректор Вы чудный, после Вас почти ничего не остается делать» (13 декабря 1934 г.). Когда журналу грозило закрытие из-за недостатка средств, Цветаева всячески поддерживала своего редактора: – Неужели эмиграция даст погибнуть своему *единственному* журналу?! Какой позор. На *все* есть деньги (– у богатых, а они – *есть!*) – на картеж, на меха, на виллы, на рулетку, на издание идиотских романов – все это *есть* и *будет* – а журналу дают сдохнуть.

Это – *настоящий* позор: исторический.

Во всяком случае, у Вас должно быть чувство полного удовлетворения: Вы, своими силами, делали все, что могли – до конца» (7 Октября <ноября> 1934 г.).

Безусловно, Марина Ивановна всегда отстаивала то, что считала важным в своем творчестве, но иногда шла и на компромиссы, понимая, что предъявляемые к ней требования вызваны не просто прихотями издателя, а серьезными причинами, «ограниченностями... журнальных возможностей», заставляющими его идти на такой шаг. Руднев же со своей стороны, там, где другие видели только болезненную обидчивость и капризы, разгадал в Цветаевой настоящий талант.

Таким образом, публикуемая переписка существенно меняет устоявшееся мнение о взаимоотношениях Цветаевой и Руднева и в то же время развеивает миф о том, что парижская пресса не принимала Цветаеву и не хотела ее печатать*. Общение с Цветаевой было действительно очень сложным, и не только из-за ее характера, но, главное, из-за того, что ее стихи были для многих современников трудны и непривычны – она всегда обгоняла свое время. И то, что

* См. на эту тему данные о публикациях произведений Цветаевой в журналах, приведенные в моей статье «Марина Цветаева и парижская пресса» (Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 32. 1992. S. 29–41). Интересно по этому поводу вспомнить, как Адамович ценил Цветаеву вопреки известному его предпочтению Ахматовой. См. кн.: *Марина Цветаева – Георгий Адамович: Хроника противостояния*. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2000.

Вероника Лосская

в лице Руднева Цветаевой попался деликатный и умный издатель, было и для нее, и для всей русской литературы большой удачей.

О том, каким видели и воспринимали современники Руднева, свидетельствуют их воспоминания о нем, помещенные в разделе «Приложения».

Вероника Лосская

Надеюсь – сговоримся легко

Письма 1933–1937 годов

1
ЦВЕТАЕВА — РУДНЕВУ
7²⁰ янв<аря> 1933 г.

Милый Вадим Викторович,

Очень жаль, но других стихов у меня сейчас нет, а волошинские рознить не хочу. Я поняла, что Вы просите еще 2—3 стихотворения, кроме Дома, а за вычетом Дома так и получается. Большая просьба, верните мне те волошинские, много времени ушло на переписку.

Вторая просьба: передайте, пожалуйста, прилагаемое прошение в Союз Журналистов.

Всего доброго

М.Цветаева

*Адрес до 15 прежний, с 15²⁰
тот же Clamart
10, Rue Lazare Carnot*

2

ЦВЕТАЕВА — РУДНЕВУ

Clamart (Seine)

101, Rue Condorcet

12²⁰ янв<аря> 1933 г.

Милый Вадим Викторович,

Вот корректура, а вот и I ч<асть> Волошина. (Вторая — Коктебель. Она еще не переписана, ибо писала все это время статью для Нового Града, а сейчас, вот уже 5 дней, переезжаем на руках).

В стихах я заменила одно слово, вместо НАСЕДАЮЩИХ — ОБСТУПАЮЩИХ.

Дико изведена всяческой работой, нынче целый день правила Волошина, в машинке не было К, всюду пришлось вставить. Пишу в 2^{1/2} ч<аса> ночи.

С 15²⁰ наш адр<ес>:

10, Rue Lazare Carnot

До свидания, если кого-нибудь увидите ведающего Писательским балом попросите, очень прошу, чтобы мне выдали СКОРЕЕ.

Всего доброго

МЦ.

3

ЦВЕТАЕВА — РУДНЕВУ

Clamart (Seine)

10, Rue Lazare Carnot

31²⁰ янв<аря> 1933 г.

Милый Вадим Викторович,

Прочли ли Волошина и что скажете? От Вас давно ни слуху ни духу. Говорят, что вышел январский №, я еще не получила.

От Писателей, с вечера, пока ничего. Нужда страшная. Не напомните ли Вы им о моем существовании? Кого просить? (кроме прошения).

Сердечный привет

МЦ.

4

ЦВЕТАЕВА — РУДНЕВУ

<Февраль 1933 г.>

Милый Вадим Викторович,

Очень рада, что подошли, а видите — недавние стихи: 1928 г., как и эти, что посылаю.

Горячая просьба о корректуре: *не задержу ни на час*. И другая: о гонораре, если можно сейчас же. Я сейчас наскребаю на терм — что могу, и на жизнь не остается.

Сердечный привет. Есть еще несколько подлинных стихов, если когда-нибудь понадобятся — известите.

М.Цветаева

5

ЦВЕТАЕВА — РУДНЕВУ

Среда, 22²⁰ фев<аля> 1933 г.

Милый Вадим Викторович,

Спасибо за гонорар. Увы, почти весь (258 — 217 <подчеркнуто дважды> фр<анков>) ушел на уплату мёдонских, 2 года назад, налогов. Накануне получения, т.е. третьего дня, приходили описывать, но увидя «*mobilier*» (ящики и столы) написали нам бумагу, где предлагают либо платить 217 фр<анков> в течение 24 час<ов>, либо *expulsion** — ни более ни менее. Вчера внесли. Дайте мне совет, как мне, по моему писательству и ни

* выселение (фр.). — Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. сост.

Марина Цветаева. Вадим Руднев

щенству, добыть себе охранную грамоту, ибо это — только *хвост* мёдонских налогов и за нами еще 700 фр<анков> всяческих кламарских. Мы же *буквально* подышаем, у Али все лицо в нарывах от худосочия. Ремизов где-то (но у *кого?*?) добыл *отсрочку* (на неопред<еленный> срок) всех налогов. Но мне нужно письмо от кого-нибудь, я не могу говор<ить>, что я «известная писательница», никто не поверит.

Посылаю почти всего Макса, осталось еще 15 *стр<аниц>*, в *к<отор>*ых не успела вставить К. Доставлю на днях.

Сердечный привет, спасибо и

S.O.S.!

С налогами

МЦ.

6

ЦВЕТАЕВА — РУДНЕВУ

Clamart (Seine)

10, Rue Lazare Carnot

2²² марта 1933 г.

Милый Вадим Викторович,

Только что получила оттиски, — самое сердечное спасибо! Страшно тронута, что Вы об этом подумали. Читали ли, кстати, отзыв Адамовича? По-моему — милостиво.

И большое спасибо за налоговые советы — Вы правы (и Ремизов прав!) — проще всего и дешевле всего — платить.

Конец Макса, надеюсь, получили. С Вашей оценкой («раболепство») не согласна, это — чистейшая моя ему за себя и *за многих* и заслуженнейшая им — БЛАГОДАРНОСТЬ. Но спорить не будем — как никогда не спорил Макс.

Очень рада буду когда-нибудь повидаться с Вами лично, скоро весна, — Вы наверное любите лес? Мы близко, — приедете на целый день, погуляем и побеседуем — в *мире*.

Сердечный привет и еще раз спасибо

МЦ.

7

РУДНЕВ — ЦВЕТАЕВОЙ

15 марта 1933 г.

Дорогая Марина Ивановна!

Наконец могу говорить конкретно о наших планах насчет «Живого о живом».

Перечитывал еще раз всю вещь целиком, и по-прежнему, даже при <нрзб> <первоначально было «частичном», потом зачеркнуто> несогласии с Вашей оценкой М.Волошина, она мне очень нравится. Не распространяюсь перед Вами об ограниченности наших журнальных возможностей, мешающих принять вещь к напечатанию целиком, а прямо перехожу к реальному Вам предложению.

В рукописи приблизительно 75 печ<атных> страниц нашего формата. Как ни тесно в «С<овременных> З<аписках>», мы могли бы все же напечатать в двух книгах журнала (52 и 53 или, в кр<айнем> случае, 53 и 54) около 50 стр<аниц>.

Сокращения мне намечаются по преимуществу во второй части, их мы произвели бы, разумеется, по взаимному соглашению.

Очень <зачеркнуто> прошу — о *скором* ответе; сейчас составляется план ближ<айшей> книги (и мне *очень* важно в это время иметь уже Ваше принцип<иальное> согласие, чтобы маневрировать в наших общих интересах).

8

РУДНЕВ — ЦВЕТАЕВОЙ

18.III.1933 г.

Дорогая Марина Ивановна!

Спасибо за скорый ответ, — но по содержанию его, видимо, требуется договориться кое о чем. Надеюсь — споримся легко. На днях этих лучше повидаться, а не переписываться. Будете ли Вы в один из ближайших дней (на этой неделе) в Париже? Не согласились ли бы Вы встретиться со мною в один из дней: понедельник и вторник, пятница и суббота (суб<бота> — только с утра). Буду в эти дни в Земгоре-редакции, 6, Rue Daviel, метро Cogisant, тел<ефон> Gob<elins> 48—47. Можем, если Вы предпочтете уйти оттуда, в ближайшем кафе переговорить.

9

РУДНЕВ — ЦВЕТАЕВОЙ

16.V.<1933 г.>

Дорогая Марина Ивановна!

Посылаю Вам письмо М.Сабашниковой-Волошиной, которое переслано нам получившей его М.С.Цетлиной.

Поскорее *верните* его по прочтении, я его должен сообщить редакции.

Вы, конечно, легко можете себе представить, насколько мне важно знать, что думаете *Вы* по поводу данной в этом письме квалификации поведения редакции в отношении Вас, как автора «Живого о живом».

Буду ждать Вашего ответа в надежде, что он рассеет неуютную атмосферу, созданную интервенцией М.Сабашниковой, и избавит от необходимости искать какие-то экстренные выходы из непривычного для «С<овременных> З<аписок>» положения.

10

ЦВЕТАЕВА — РУДНЕВУ

Clamart (Seine)

10, Rue Lazare Carnot

19го мая 1933 г.

Милый Вадим Викторович,

Мое отношение к Максимилиану Волошину Вам известно из моей рукописи.

Мое отношение к изъятию из моей рукописи самого ценного: Макса в Революцию, *его* конца и *всего* конца, Вам известно из моего устранения от всякого соучастия.

Причины, заставившие меня моей рукописи не взять обратно, Вам не могут *не* быть известны.

И, наконец, моя оценка письма Маргариты Сабашниковой для Вас несомненна.

Чего же Вы от меня хотите — и ждете??

А насчет «экстренных мер» — автор человек бесправный и ничего (внешне) не может, особенно в наши дни.

Прилагаю письмо М.В.Сабашниковой.

Всего доброго

Марина Цветаева

11

РУДНЕВ — ЦВЕТАЕВОЙ

22.V.<1933 г.>

Нет, дорогая Марина Ивановна, Ваше письмо не дало мне *прямого* ответа на беспокоящий меня вопрос.

Вы предпочитаете оставаться на почве формальных недоговоренностей, позволяющих не вскрывать существа той моральной проблемы, о наличии которой

я впервые узнал только из письма Сабашниковой. Это — Ваше право, и настоящим своим письмом я вовсе не собираюсь вынуждать Вас на откровенное объяснение, раз Вы его определенно не хотите.

Но уж мое право — за себя говорить по существу и с полной определенностью. Следую положениям Вашего письма.

1. «Мое отношение к М<аксимилиану> Вол<ошину> Вам известно из моей рукописи». — Разумеется, было известно, и хотя лично его не разделяю, это обстоятельство, конечно, ни в коей мере не могло служить ни препятствием к помещению Вашей прозы в «С<овременных> З<аписках>», ни основанием для каких-либо «изъятий» из нее. Я вынужден был сокращать рукопись по соображениям чисто внешним (размера), и конечно, при этом добросовестно старался, поскольку мог, сохранить в неприкосновенности даваемый Вами облик М<аксимилиана> Вол<ошина> и Вашу личную его оценку. Насколько мне это удалось, не мне, разумеется, судить, хотя кое-какой редакторский опыт за мной известен. Но, признаюсь, я был очень далек от мысли, что Вами может быть заподозрена моя редакционная корректность.

2. «Мое отношение к изъятию из моей рукописи *самого ценного*. М<акса> в революции, его конца и всего конца, Вам известно из моего устранения от всякого соучастия».

3. «Причины, заставившие моей рукописи не взять обратно, Вам не могут не быть известны».

Эти Ваши строчки меня очень огорчают и задевают. До этого Вашего письма я и не подозревал, что в Ваших глазах намеченные мною сокращения уничтожают «самое ценное» в характеристике М<аксимилиана> В<олошина>. Вы теперь утверждаете (без всяких к тому оснований), что я «знал», принимая рукопись в «С<овременные> З<аписки>», и Ваше мнение, и что

из нее изъято «самое ценное», и причины, не позволившие Вам взять рукопись обратно. Иными словами, Вы полагаете, что я, пользуясь Вашей материальной нуждой, вынудил Вас пойти на опубликование заведомо изуродованного и обесмысленного в самом главном очерка о столь дорогом для Вас писателе и друге...

Не собираюсь защищаться от такого дикого обвинения, не могу только оставить его без самого решительного протеста. И не ссылайтесь на Ваше давнишнее письмо, которым Вы давали согласие на печатание статьи: в нем, утверждаю по памяти, нет даже намека на то, что предположительные сокращения настолько обесмысливают Вашу рукопись. Вы писали только, что ввиду коренного расхождения со мною и в оценке личности М<аксимилиана> Вол<ошина>, и в понимании интересов читателей, Вы предоставляете сделать все необходимые сокращения мне самому. Можете, если угодно, считать меня недогадливым, но в своей чистой в отношении Вас совести я в этих Ваших словах увидел тогда как раз обратное тому, что узнаю теперь: я понимал так, что Вы сами убедились, что намеченные сокращения не затрагивают главного в характеристике М<аксимилиана> Вол<ошина>, а в частности, расходясь со мною, Вы доверяетесь моему такту. Видите, насколько я ошибся. Если бы не ошибся, — разумеется, не принял бы на очень важных для Вас и унижительных для «С<овременных> З<аписок>» условиях рукописи к печати.

Что же делать теперь? Вы понимаете отлично, насколько неприятно пребывать, после разоблачений г<оспо>жи Саб<ашниковой>, с кот<орой> Вы очевидно солидаризируетесь, в положении невежественного <нрзб>. <...>

P.S. а на будущее — не забыть урока и быть осторожнее.

12

ЦВЕТАЕВА — РУДНЕВУ

Clamart (Seine)

10, Rue Lazare Carnot

27го мая 1933 г.

Дорогой Вадим Викторович,

Я сочту себя совершенно удовлетворенной и неприятное недоразумение вполне исчерпанным, если «Современные» Записки» напечатают весь конец Живого о живом — с 86 стр<аницы> до конца — полностью. Это шесть машинных страниц — 3½ Ваших?

Если Вам (вам) по каким-либо причинам неприятен факт перепечатки из «Последних Новостей» — снимем «Последние Новости, № такой-то», оставив *только* текст. За него редакция отвечать не может.

Мне этот отрывок необходим трижды: 1) как свидетельство отношения «новых поколений» к поэту и старости. Картина ПРАВОВ. 2) как *последнее* сохраненное нам видение Волошина. 3) как повод моим *последним*, окончательным, собирательным словам: слову.

Голубчик, поймите меня, вся моя рукопись с первого слова и до последнего — дружеское и поэтическое видение явления, нельзя от поэта ждать «объективной оценки», за этим идите к другим, поэт есть *усиленное эхо, окрашивающее* отражение, *вещь* плюс я, т.е. плюс — страсть. В этой рукописи *двое* живых: М<акс> В<олошин> и я, и вещь так же могла бы называться «Живая о живом». А я — без конца рукописи, без итога, без апофеоза — НЕ Я. Когда я в 1924 г. в Праге писала о С.М.Волконском («КЕДР»), я слышала от редактора (сборника «Записки наблюдателя») те же упреки: — «Вы о Волконском пишете как об абсолюте, — как о Гёте» и т.д., мне этот упрек «преувеличений» ведом с колыбели (NB! Подпись под одним моим детским сочинением в Швейцарии:

«Trop d'imagination, trop peu de logique»*. Аттестация характера была: *violente***).

Но есть у меня, в одних моих стихах, на него – раз навсегда ответ, а именно:

ПРЕУВЕЛИЧЕННО, ТО ЕСТЬ:
ВО – ВЕСЬ – РОСТ.

Разъяснять *это* утверждение – возводить целое мирозерцание, поверьте, да просто увидите, что такая вся моя природа – и *природа всякого поэта*. Сущность его. Зерно зерна. Без «преувеличения» не было бы не только ни одной поэмы – ни одной строки.

И еще одно: для меня, когда люблю и *благодарна*, все слова малы, не только «для меня», а всякое слово, даже «Бог», безмерно-меньше чувства, его вызывающего, и явления, это чувство рождающего.

Не перехвалишь. Не переславишь.

Пальцев одной руки хватит, чтобы перечислить людей, которым я в жизни *так* благодарна, как Волошину. Я *не могу* неполной хвалы. Опять-таки: делайте пометку, *какую угодно*, сражайтесь своими средствами, опровергайте, но *дайте мне сказать*. ДОсказать.

Если этот мой вопль до Вас дойдет, давайте следующее. *Моя* просьба, чтобы с 86 стр<аницы> до конца, не пропуская ни одной строки, ибо конец для меня – главное: конец Макса и конец рукописи.

– Простите за огорчение с письмом Сабашниковой, я в нем неповинна, ни в огорчении ни в письме. В искренности Вашей защиты интересов читателя никогда не сомневалась, так же как в искренности Вашей попытки, ныне, со мной сближения. Только Вы тогда переоценили мою уступчивость – как я Вашу настойчивость, окончательность Вашего неприятия мо-

* «Слишком много воображения, слишком мало логики» (фр.).

** буйная (фр.).

его Макса в Революцию — я убеждена была, что стою перед неколебимым решением, — что же мне оставалось?

Моя уступчивость была только столбняком отчаяния.

Итак, попробуем — по-настоящему.

Я всё сказала.

Всего доброго

МЦ.

13

ЦВЕТАЕВА — РУДНЕВУ

Clamart (Seine)

10, Rue Lazare Carnot

10²⁰ июня 1933 г.

Милый Вадим Викторович,

Большое спасибо за деньги.

С сокращением второй части рукописи — устроится, мне важен был конец. Недоразумений не будет, когда надо будет — окликнете.

Спасибо за предложение аванса, и вот, большая просьба: во-первых, в возможно-большем размере, во-вторых — поберегите у себя до 10²⁰ июля, ибо 15го — роковое число: терм, на этот раз без обычной помощи вечера.

Я очень рада, что мы помирились.

До свидания! Еще раз спасибо.

М.Цветаева

Если не трудно — известите, на сколько я могу рассчитывать (постарайтесь — побольше!)

14

ЦВЕТАЕВА — РУДНЕВУ

Clamart (Seine)

10, Rue Lazare Carnot

6²⁰ июля 1933 г.

Дорогой Вадим Викторович,

Вы просили мне во-время напомнить Вам о «термовом» авансе, и вот — напоминаю, с большой, большой просьбой выслать по возможности — больше. Мы совершенно разорены старыми налогами, — еще два года назад, — вся малость, вырабатываемая, идет на затычку.

Скоро получите от меня вопросное письмо насчет Булонь'а, куда мы, из-за Муриной гимназии, твердо переезжаем к 1^{му} Октябрю — как и на что — один Бог знает.

Ныне 6⁰⁰, терм — 15⁰⁰, но очень попросила бы Вас выслать не позже 10⁰⁰.

Сердечный привет

М.Цветаева

15

ЦВЕТАЕВА — РУДНЕВУ

Clamart (Seine)

10, Rue Lazar Carnot 11²⁰ июля 1933 г.

Дорогой Вадим Викторович,

Спасибо за деньги и за корректуру, но подлинника еще (11⁰⁰ июля) не получила. Пока сличаю без.

Если Вы не очень торопитесь с корректурой, я сама запрошу Ходасевича, послав ему текст (не из корректуры, конечно!) По-моему — у него «le beau rôle»* — терпения и, даже, мученичества, но... Бог его знает!

* «прекрасная роль» (фр.).

(Если бы знали как *цинически врет* <подчеркнуто два раза> Георгий Иванов в своих «воспоминаниях», *всё* искажая! И как все ему сходит с рук! Но раз он на меня нарвался — и ему досталось по заслугам.)

Ответьте, пожалуйста, *когда* крайний срок корректуры. Если тотчас — разоритесь на *фпчу**, я тогда заменю «Ходасевича» просто «поэтом».

До свидания. Спасибо. Скоро будем соседи, тогда придете в гости.

МЦ.

Вы меня авансом страшно выручили!

16

ЦВЕТАЕВА — РУДНЕВУ

Clamart (Seine)

10, Rue Lazare Carnot

19²⁰ июля 1933 г.

Милый Вадим Викторович,

Полное разрешение Ходасевича проставлять его имя: он мне вполне доверяет. Письмо его храню как оправдательный документ.

Я не знаю, кто правил корректуру, — Вы или М.Вишняк, но там предложены (карандашом) некоторые замены (мужской род на женский, знаки), которые я, в случае несогласия, восстанавливаю в прежнем виде. (Речь о *пустяках*, упоминаю для очистки совести!) Мне очень жаль (Вам — нет, конечно!), что моя корректура идет к Вишняку, а не к Вам, мы с Вами хотя и ссоримся — но в конце концов миримся, а с Вишняком у меня никакой давности...

Ходасевич отлично помнит Марию Паппер и, вдохновленный мною, сам хочет о ней писать воспомина-

* пневматическая почта (*фр.*).

ния. Видите, какой у этих одиночек (поэтов) — esprit de corps* и имя дал — и сам вдохновился!

Написал мне, кстати, милейшее письмо, на которое я совершенно не рассчитывала — были какие-то косвенные ссоры из-за «Верст», и т.д.

Все это потому, что нашего полку — убывает, что поколение — уходит, и меньше возрастное, чем духовное, что мы все-таки, с Ходасевичем, несмотря на его монархизм (??) и мой аполитизм: гуманизм: МАКСИЗМ в политике, а проще: полный отворот (от газет) спины — что мы все-таки, с Ходасевичем, по слову Ростана в переводе Щепкиной-Куперник: — Мы из одной семьи, Monsieur de Bergerac. Так же у меня со всеми моими «политическими» врагами — лишь бы они были поэты или — любили поэтов.

А в общем (Мария Паппер — Ходасевич — я) еще один акт Максиного миротворчества. Я его, кстати, нынче видела во сне всю ночь, в его парижской мастерской, где я никогда не была, и сама раскрывала окно и дверь от его астмы.

Рукопись получила. Корректуру Вишняку — самое позднее — завтра. Я сейчас, после всей прозы, дорвалась до стихов и с величайшим трудом отрываюсь.

Всего лучшего! Спасибо еще раз за деньги к терму.

А в Булонь нам нужно непременно — хоть под булоньские каштаны — ибо Мур с 1го Октяб^{ря} начнет ходить в гимназию, к котор^{ой} мне, кстати, очень понравилась. (Была на акте.)

Желаю Вам, милый Вадим Викторович, хорошего лета и полного отдыха от рукописей. Пускай Вишняк почитает!

МЦ.

* корпоративный дух (фр.).

17

ЦВЕТАЕВА — РУДНЕВУ

Clamart (Seine)

10, Rue Lazare Carnot

9^е сент<ября> 1933 г.

Милый Вадим Викторович,

Посылаю Вам своего «Дедушку Иловайского», которого не приняли в «Последних Новостях», как *запретную* (запрещенную Милюковым) *тему*. «Высокохудожественно, очень ценно, как материал, но <подчеркнуто три раза>...» — вот *точный* отзыв Милюкова. Если эта тема у Вас *не* запрещена, что Вы скажете об этой вещи для «С<овременных> З<аписок>»? Это только I-ая ч<асть>, к ней приросла бы II, где бы я дала арест, допрос и конец старика (1918 г. — 1919 г.) и очень страшный конец его жены — как в страшном сне.

Вообще, мне бы для маленькой, но исчерпывающей повести — и даже *были*, которую я бы хотела написать об этом страшном *доме*, нужно было бы 2 листа. Дала бы судьбы детей, жен, — комнаты, жившие в таких домах не менее сильно, чем *люди*, дала бы огромный сырой (смертный!) сад, многое бы дала, чего здесь и не затронула. (Для газеты писать — одно горе! Все время считаешь строки и каждый раз — неверно! Но очень приятны растроганные отзывы (даже Бунина!) о моем «Музее», напр<имер>. Значит этот мир кому-то нужен.)

Если бы *имя* Иловайского кого-нибудь из Редакции устроило или оттолкнуло (не думаю: вы все *другого* поколения, а Милюков с ним, очевидно, повздорил *лично!* Кстати, Иловайскому бы сейчас было больше ста лет!) Итак, если дело в имени, готова назвать вещь «У Старого Пимена» — по названию московского тупика, в котором он жил.

Мне очень жаль было бы, если бы эта вещь пропала, я над ней очень старалась, и тема, по-моему, стоящая. Ведь раз вещь *кончилась*, неужели она не вправе была *быть*? Раз она *была* <подчеркнуто два раза>.

Не понимаю политического подхода Милюкова к явлению, данному явно в области жизненной, человеческой и даже мистической. (Ведь мой Иловайский — жуток! Эту жуть, в истории его жен и детей, в их смертях — усилю.)

Очень жду Вашего ответа. Если были бы маленькие, чисто-словесные, загвоздки (там есть одно место насчет «*либеральных гимназий*») — отметьте сразу, если дело в *словах* и этих слов немного — пошла бы на уступки. Но на *мой* взгляд — все приемлемо, если только не оттолкнет *имя*, которого ни изменить, ни заменить не могу.

Рукопись посылаю только на просмотр и очень прошу, милый Вадим Викторович, вернуть *заказным* — в том или ином случае.

Сердечный привет. Довольны ли Вы своим летом? Я писательским — да, человеческим — нет: до тоски хочется новых мест, и не столько новых, как — просторных!

МЦ.

М.б. скоро будем соседями.

18

РУДНЕВ — ЦВЕТАЕВОЙ

<Не позднее 12²⁰ сент<ября> 1933 г.>

Дорогая М<арина> И<вановна>,

Письмо Ваше получил вчера утром, а рукописи еще нет. А м.б. и к лучшему — написать Вам в порядке *предварительном*, до ознакомления с рукописью,

о тех сомнениях, какие у меня есть а priori, по поводу *темы*.

Не сомневаюсь, что рукопись — интересна и талантлива, как всё, что Вы пишете. И о Музее читал с большим интересом в «Последних» Новостях».

Все это так, — и все же чувствую или предчувствую одно «но». Не в имени Иловайского, поверьте, в смысле его «одиозности», а в смысле его значительности. Мы когда-то собирались поместить статью бывшей Е.Ю.Кузьминой-Караваевой (а ныне матери Марии...) о Победоносцеве: казалось бы, чего уж одиознее, — но фигура в истории русской культуры. А Иловайский? Думаю, что весь несомненный интерес Вашей статьи будет, вероятно, в описании старого московского интеллигентского быта.

Хорошо, — но мы — жадные и от Вас ждем Вашего *лучшего*. На мой *личный* вкус — таковыми могли бы быть Ваши *чисто-литературные* воспоминания и характеристики.

Но это — о том, чего у Вас нет в руках, а Вы спрашиваете о том, что имеется. Получу, прочту — скажу свое личное впечатление. Переберетесь ли Вы, наконец, в Булонь? У меня такое чувство: мы с Вами можем переписываться, но не сумеем разговаривать.

Всего доброго и не сердитесь за предварительный скептицизм.

Преданный Вам
В.Руднев

P.S. А нет ли у Вас стихов 1) новых и 2) понятных для простого смертного. Чувствую, что это задание противоречиво для Вас.

19

ЦВЕТАЕВА — РУДНЕВУ

Clamart (Seine)

10, Rue Lazare Carnot

19²⁰ сент<ября> 1933 г.

Милый Вадим Викторович,

Очень рада, что мой Иловайский Вас не устрасил, т.е. м.б. и устрасил, но иначе. (Он, по-моему, *должен* устрасать, и мой, семейный, еще больше, чем тот, общественный.) Вторая часть будет куда сильнее: антитеза с цветущими умирающими детьми, жизнь *вещей* в доме... Особенно страшна смерть жены, когда-то — красавицы, — одной, с сундуками в полуподвальной комнате, где день и ночь горел свет... Ее зверски убили, надеясь на «миллионы» и унеся 64 руб<ля> с копейками... (1929 г.) Словом, напишу хорошо, потому что *очень* увлечена. А когда-нибудь (не сейчас, сейчас я вся в семейном) с удовольствием дам в «С<овременные> З<аписки>» весь свой материал о Блоке — много и интересно.

Итак, скоро примусь за Дедушку. Сейчас кончаю Музей и отца.

Всего лучшего.

МЦ.

20

ЦВЕТАЕВА — РУДНЕВУ

10, Rue Lazare Carnot Clamart (Seine)

3²⁰ Окт<ября> 1933 г.

Милый Вадим Викторович,

Большая просьба: об авансе на терм. Надеялась, что обойдусь сама, но только что получила (очень позднее) предупреждение от Е.А.Извольской, что комитет

помощи мне свое существование прекратил и что у нее нет для меня ни франка. Поэтому совершенно не знаю, что мне делать: нынче уже третье, а срок — пятнадцатого, а предупредила меня Е.А.Извольская только сейчас. На прошлые термы она, с помощью других моих друзей, все-таки собирала по несколько сотен, и я, не предупрежденная, естественно на *что-то* рассчитывала. А сейчас — ничего.

В Булонь из-за того же безденежья не переехали, и сын мой, пока, во франц<узской> школе, но мечты своей о русской не оставляю, ибо не могу и не хочу видеть, как ребенок на моих глазах, неотвратно и неудержимо, превращается в нечто чуждое — не только мне, а всем своим корням.

Слава Богу — время еще не упущено, но что делать, чтобы в *будущем* году переехать? Я бы с наслаждением запрдала всю свою работу на пять лет вперед, а работаю я — когда дает жизнь, верней: быт — за пятерых.

Итак, милый Вадим Викторович, сделайте, что можете с авансом. Мечтала бы о 300 фр<анках>, чтобы было с чего начать. Ведь я непременно отработаю, мой Иловайский у меня почти кончен, и II ч<асть> *лучше* первой, лиричнее, с большей силой тоски. Почти вся она о его чудных детях, именно чудных, — прекрасных как из мифа. Их молодость и смерть на фоне *его* старости и долголетия.

Думаю, что из всего пока написанного это будет моя лучшая проза. Кроме того, в более отдаленном будущем, предстоит Блок, моя встреча с ним и его окружением. Убеждена, что 300 фр<анков>, о которых прошу, отработаю.

Очень прошу, милый Вадим Викторович, откликнуться возможно скорее.

Идет зима, т.е. уголь, *но* — не хочу походить на Ремизова, которого уже больше никто не слушает и к<ото-

ро>го (между нами!) я недавно встретила здесь в Клармаре, в гостях, в очень подавленном состоянии, за *десятой* чашкой чернейшего чая (адского!), ибо, по его словам, напивался *впрок*.

До свидания!

МЦ.

21

ЦВЕТАЕВА — РУДНЕВУ

8²² Окт<ября> 1933 г.

Дорогой Вадим Викторович,

Самое глубокое и растроганное спасибо за помощь. Адр<ес> Ремизовых попытаюсь нынче же достать у Евгении Ивановны (быв<шей> Савинковой), она о ремизовских делах очень печется и, наверное, знает.

О рукописи. В черновике она у меня очень большая и, конечно, вся не поместится.

Теперь, очень прошу Вас, милый Вадим Викторович, определить мне ее *предельный размер в печатных буквах* <подчеркнуто карандашом>. <Приписка карандашом:> (Я научилась считать.)

Моя мечта была бы — 2 полных печатных листа (лист — 40.000 букв?) на всё, с уже у Вас имеющимся, которое (I-ая ч<асть>) очень прошу мне выслать возможно скорее — у меня там ряд неточностей.

Еще раз спасибо за подмогу.

Сердечный привет

МЦ.

<Приписка на полях:>

P.S. Можно мне будет попросить об *отдельных оттисках* Макса: 2-го, а по возможности и 1-го? (если еще не разбит шрифт).

22

ЦВЕТАЕВА — РУДНЕВУ

Clamart (Seine)

10, Rue Lazare Carnot

12²⁰ Окт<ября> 1933 г.

Дорогой Вадим Викторович,

Все получила: аванс, доплату, журнал, оттиски. Бесконечно-тронута. Обе расписки прилагаю.

Иловайского (цельного) вышлю не позже как через две недели, может быть — раньше. Как Вы думаете, не лучше ли назвать вещь (по названию II-ой ч<асти>) Дом у старого Пимена, что́, отчасти, избавляет ее от излишней «историчности» (ассоциации с учебником истории), Ваш журнал — от нареканий либеральных читателей и прибавляет ей человечности: вечности.

Мне такое название больше нравится: оно глубже, шире, внутреннее и больше соответствует *теме* истории дома, не самогó Иловайского.

Итак, еще раз спасибо. Убеждена, что II-ая ч<асть> Вам понравится, т.е. Вас взволнует. Мне ее, иными поздними часами, даже жутко писать.

Всего лучшего
МЦ.

23

ЦВЕТАЕВА — РУДНЕВУ

Clamart (Seine) 10, Rue Lazare Carnot

4²⁰ ноября 1933 г.

Милый Вадим Викторович,

Во-первых, очень огорчена Вашей болезнью (хотя не знаю — что́, «маршаковское лечение» звучит загадочно, ибо кроме как *режущим* его не вижу) и сердечно желаю скорого выздоровления.

Во-вторых, спешу сообщить, что ничем, кроме рукописи с самого того письма к Вам, не занята. Переписываю ее в четвертый раз и очень хотела бы еще и еще вплоть до седьмого, — и долго рассказывать, но метод писания прозы у поэта всегда *поэтический*, т.е. стремление к абсолюту каждого слова, и, пока этого нет, полная неудовлетворенность, как бы окружающим ни нравилось. (Тайное знание всех изъянов.)

Другая же причина такой задержки — тема, мстящая за себя: дом у Старого Пимена, всей своей тяжестью севший мне на плечи и даже на голову, — живу как под горой. Нельзя даром тревожить иных вещей, а вещи, в «Пимене» тревожимые, — страшные.

Решила следующее: вышлю Вам (надеюсь, нынче же, а нет — не позже понедельника) первую часть второй, чтобы сбыть — хоть часть горы. Хорошо, что Вы меня окликнули, иначе бы я никогда не кончила. Я вдруг в один прекрасный день поняла, что «Пимена» вообще нельзя кончить, что дело — в нем, что так в жизни и буду ходить кругом да около — той церкви в том переулочке. Кстати, недавно удостоверилась на плане новой Москвы (так и называется), что оба переулка — и мой Трехпрудный и иловайский Старо-Пименовский — целы, т.е. не переименованы, чему бурно обрадовалась.

Итак, сбыв первую часть второй, к середине недели сбуду и вторую. Мне *очень* интересно Ваше впечатление.

Пока же всего доброго, желаю поправки и простите за задержку.

МЦ.

<Приписки на полях:>

Живем в совершенном холоде с дымящимися, чадающими и гаснущими печами, *всё* истратив на терм,

у сына сильное малокровие и болезнь печени, нужна диета и лекарства, кроме всего — нечем платить за школу.

P.S. Перечтя письмо, обнаружила карбункул и поняла маршаковское «лечение» (НОЖ).

24

ЦВЕТАЕВА — РУДНЕВУ

Clamart (Seine) 10, Rue Lazare Carnot

*11²⁰ ноября, Armistice**

(а у нас война *никогда* не кончилась!..)

Милый Вадим Викторович,

— Вот. —

Остается еще хвост, который не позже четверга.

Про Мура подробно — тогда же. Спасибо за добрый помысел.

Поздравляю с Буниным. (С Верой Муромцевой мы — почти родня: через Иловайских.)

Исписала все чернила.

До свидания!

МЦ.

Хвост — 20 страниц.

<Приписка на обороте:>

Вставку на 11 стр<анице> (цитата с глазом Митрида-та) пришлю с четверговым.

И Дедушку пришлось переписать — очень затаскался и выглядел не древностью, а ветошкой.

На Пимене потеряла три фельетона в Посл<едних> Нов<остях>, т.е. 600 фр<анков>, — но двух вещей зараз писать никогда не могла, — лучше ни одной (чего никогда не было!). Последние дни у нас перегорело всё электричество, писала как Д<митрий> И<ванович>

* Перемирие (*фр.*).

при свече, в дыму гаснущей печки. Но все это — но и *это* пройдет (Соломонов перстень).

25

ЦВЕТАЕВА — РУДНЕВУ

<Около 16²⁰ ноября 1933 г.>

Милый Вадим Викторович,

Наконец — конец.

Вписку про глаз — прилагаю.

Мой сын Мур учится в Ecole secondaire de Clamart*, в 9 кл<ассе> за плату 75 руб<лей> в месяц. Если нужно будет свидетельство от директора — пришлю. Платить мне не вмоготу, а переехать в Булонь (русс<кая> гимназия) не могла по той же причине. Надеюсь — будущей осенью. Вообще — надеюсь. (??)

Всего доброго.

МЦ.

P.S. У меня есть две квитанции за его учение. Октябрь и Ноябрь.

26

РУДНЕВ — ЦВЕТАЕВОЙ

7 декабря 1933 г.

Дорогая Марина Ивановна!

Сегодня было собрание редакции. Ваш «Дом у Старого Пимена» принят к печатанию, — с теми оговорками, которые я и предвидел. Мы просим Вас просмотреть рукопись с точки зрения приведения ее к условному размеру — не более 65.000 печ<атных> знаков (в рукописи сейчас приблизительно 83.000 знаков).

* Средняя школа в Клармаре (фр.).

Вы вольны сами искать наименее болезненных сокращений. Как сделаете, так и будет.

Простите за несвязное письмо. Пишу его в разных заседаниях, мечусь по городу.

Преданный Вам В.Руднев

P.S. КАК МОЖНО СКОРЕЕ верните рукопись!! Личный штифт мрачен...

27

ЦВЕТАЕВА — РУДНЕВУ

Clamart (Seine) 10, Rue Lazare Carnot

9²⁹ декабря 1933 г.

Милый Вадим Викторович,

(Обращаюсь одновременно ко всей Редакции)

Я слишком долго, страстно и подробно работала над Старым Пименом, чтобы идти на какие бы то ни было сокращения. Проза поэта — другая работа, чем проза прозаика, в ней единица усилия (*усердия*) — не фраза, а слово, и даже часто — слог. Это Вам подтвердят мои черновики, и это Вам подтвердит каждый поэт. И каждый *серьезный* критик: Ходасевич, например, если Вы ему верите.

Не могу разбивать художественного и живого единства, как не могла бы, из *внешних* соображений, приписать, по окончании, ни одной лишней строки. Пусть лучше лежит до другого, более счастливого случая, либо идет — в посмертное, т.е. в наследство тому же Муру (он будет **БОГАТ ВСЕЙ МОЕЙ НИЩЕТОЙ И СВОБОДЕН ВСЕЙ МОЕЙ НЕВОЛЕЙ**) — итак, пусть идет в наследство моему *богачу* наследнику, как добрая половина написанного мною в эмиграции

и эмиграции, в лице ее редакторов, *не* понадобившегося, хотя все время и плачется, что нет хорошей прозы и стихов.

За эти годы я объелась и опилась горечью. Печатаюсь я с 1910 г (моя первая книга имеется в Тургеневской библиотеке), а ныне — 1933 г., и меня всё еще *здесь* считают либо начинающимся, либо любителем, — каким-то гастролером. Говорю *здесь*, ибо в России мои стихи имеются в хрестоматиях, как образцы краткой речи, — сама держала в руках и радовалась, ибо не только ничего для такого признания не сделала, а, кажется, *всё — против*.

Но и здесь мои дела не так безнадежны: за меня здесь — лучший читатель и *все* писатели, которые *все*: будь то Ходасевич, Бальмонт, Бунин или любой из молодых, единогласно подтвердят мое, за 23 года печатания (а пишу я — дольше) заработанное, право на существование без уреза.

Не в моих нравах говорить о своих правах и преимуществах, как не в моих нравах переводить их на монету — зная своей работы цену — цены никогда не набавляла, всегда брала что дают, — и если я нынче, впервые за всю жизнь, об этих своих правах и преимуществах заявляю, то только потому, что дело идет о *существовании* моей работы и о дальнейших ее возможностях.

Вот мой ответ *по существу и раз-навсегда*.

Конечно — Вы меня предупреждали о 65.000 знаках, но перешла я их всего на 18.000, т.е. на 8 печатных страниц, т.е. всего только на 4 листка. Вам — прибавить 4 листка, мне — уродовать вещь. Сократив когда-то мое «Искусство при свете совести», Вы сделали его непонятным, ибо лишили его связи, превратили в отрывки. Выбросив детство Макса и юность его матери,

Вы урезали образ поэта на всю его колыбель, и в первую голову — урезали читателя.

То же самое Вы, моею рукой, сделаете, выбросив середину Пимена, т.е. детей Иловайского, без которых, — Иловайский он или нет, — образ старика-ученого не целен, не полон. Вы не страницы урезываете, Вы урезываете образ. Чтоб на 8 стр<аницах> сказать ВСЁ об этой сложной семейственности, сколько мне самой нужно было ОТЖАТЬ, а Вы и это отжатое хотите уничтожить?!

Ведь из моего «Пимена» мог бы выйти целый роман, я даю — краткое лирическое живописание: *ПОЭМУ*. Вещь уже сокращена, и силой бóльшей, чем редакторская: силой внутренней необходимости, художественного чутья.

Если дело только в трате — выход есть: не оплачивайте мне этих 8 стр<аниц>, пусть идут на оплату типогр<афских> расходов: денежному недочету я всегда сочувствую: *это* для меня не урез, не это — урез.

Если же Вы находите, что вещь внутренне-длинна, неоправданно-растянута и эти 8 стр<аниц> для читателя лишние — Старый Пимен остается при мне (я при нем), а Вам я пишу что-нибудь на те 300 фр<анков> прошло-термового авансу, которым Вы меня когда-то выручили, за что сердечно-благодарна. Чему они в печатных знаках равняются?

Сердечный привет

Марина Цветаева

28

РУДНЕВ — ЦВЕТАЕВОЙ

14. XII. 1933 <2.>

Дорогая Марина Ивановна!

Присылайте рукопись Вашего «Домика у Старого Пимена»: согласно Вашему желанию она будет напечатана полностью.

Мне не хочется сейчас говорить относительно содержащихся в Вашем письме упреков и обвинений по адресу редакции «С<овременных> З<аписок>». Я не считаю их справедливыми. Но во всяком случае на будущее нам соверш<енно> необходимо договориться так, чтобы исключить самую возможность повторения весьма тягостных и для Вас, и для нас положений.

Преданный Вам
В. Руднев

29

РУДНЕВ — ЦВЕТАЕВОЙ

31. XII. 1933 2.>

Дорогая Марина Ивановна!

Вчера Вам была отправлена корректура (в ней оказалось даже не 85, 95.000 знаков), и я обаялся написать Вам вот о чем.

На 8 и 9 гранках у Вас имеются выражения, которые, вопреки установленной Вашей «филосемитской» репутации, способны, как оказалось, задеть повышенную чувствительность подлинных семитов. Это — там, где Вы говорите об «изуверском» сердце Иловайского, об «убийственном» ветхозаветном Боге и что «ненавидящий христианин — это иудей».

Просьба — убрать что можно, а что убрать нельзя — как-нибудь смягчить.

30

ЦВЕТАЕВА — РУДНЕВУ

Clamart (Seine)

10, Rue Lazare Carnot

4²⁰ янв<аря> 1933 <1934> г.

Милый Вадим Викторович,

И письмо и корректуру получила.

Из иудея-Иловайского уберу подчеркнутые Вами места, т.е. два слова: *изуверское сердце* и *убийственного* Бога, которого заменю ГУБИТЕЛЬНЫМ, с чем уже никто не сможет спорить. А над фразой: ненавидящий иудей есть христианин и ее естественным обратным заключением подумаю, хотя трудно заменить формулу.

Но что с наборщиком, набиравшим? ОН СОШЕЛ С УМА. Где это видано, чтобы в тексте рукописи наборщик вставлял свои *домыслы*? Если его мое «ГНЕЛИ» так уж схватило заживо, он бы мог мне написать, приложив отдельный листок. Но читать мне наставления в моем же тексте — это просто неслыханная НАГЛОСТЬ, дальше которой идти некуда. Теперь *вчитайтесь*, пожалуйста, в его примечание:

!! Я ДУМАЮ, ЧТО НЕТ ГЛАГОЛА «ГНЕТЬ», А ЕСТЬ БЫТЬ ГНЕТОМЫМ, ПОЭТОМУ СПРЯГАТЬ ЕГО МОЖНО ТОЛЬКО С ВОСПОМОГАТЕЛЬНЫМ ГЛАГОЛОМ «БЫТЬ»!! НАБОРЩИК.

А ведь если нет глагола, то нет и означаемого им действия, т.е. по мнению этого идиота: есть гнетомые, гнетущих — нет.

Хочется ответить ему в рифму:

ГЛАГОЛА ГНЕТЬ – НЕТ,

ГЛАГОЛ ЖЕ ГНЕСТЬ – ЕСТЬ.

ГНЕСТЬ: ГНЕСТИ. Я ГНЕТУ, ТЫ ГНЕТЕШЬ и т.д.
Я ГНЕЛ, МЫ ГНЕЛИ и т.д. Я БУДУ ГНЕСТИ (или
ГНЕСТЬ) и т.д.

Т.е. полная параллель с ВЕСТЬ (ВЕСТИ), с той только разницей, что там *веду*, а здесь *гнету*.

И такая филологическая бездарь (от ГНЕЛИ произвести ГНЕТЬ!!!) осмеливается поучать, да еще в тексте, да еще «я думаю». Кто этот – я? *Не* профессионал, ибо у профессионалов есть честь ремесла, устав, закон. Так профессионал не поступит.

Во всяком случае интеллигент, вернее «пóлу-», и во всяком случае бесконечно-далекий от корней народного языка.

И во всяком случае – редкостный НАХАЛ.

Но *сейчас* его отчитывать не буду, ибо боюсь, что он мне нарочно изгадит рукопись. Наглецы обыкновенно НИЗКО-мстительны.

Вот так подарок на Новый Год!

Милый Вадим Викторович, не забудьте меня с термовым гонораром, – можно высылать уже сейчас, и хорошо бы, чтобы я приблизительно могла знать, чего мне ждать и чего ждать «жерану»*, к<отор>ый у нас женского рода.

До свидания! Почему Вы (вы) никогда не берете моих стихов? Вот «Встречи» взяли – и такие ли уж непонятные?

Я ведь *все-таки* – поэт!

С Новым Годом!

МЦ.

* Управляющий (от *фр.* – *gérant*).

31

ЦВЕТАЕВА — РУДНЕВУ

<5го января 1934 г.>

Милый В<адим> В<икторович>,
(Страшно спешу.) Вчера не ответила на ряд вещей,
п.ч. не знала, что в моем тексте — письмо.

О кавычках и тире. Кавычки у меня *только* в таких
случаях:

«...это тебя не касается». Тогда я, обиженная...
если же

...это тебя не касается, сказала мать — то *без* кавычек.
Кавычки только, чтобы не сливалось, а во 2-ом случае
слиться не может. Это у меня проведено строжайшим
образом, проверьте в любом месте.

Прилагаемые 2 листочка — наборщику, там все *основ-*
ное выписано, ему будет легче, а нам с Вами — спокой-

нее.
Если Аля Вас застанет, передайте ей, пожалуйста, бу-

нинские деньги, за к<отор>ые — спасибо.
Да! А Муру книжку очень хотела бы какую-нибудь
русскую — посерьезнее и потолще, не детскую, какого-
нибудь классика. И был бы подарок на Рождество. Нет
ли, случайно, Жуковского?

Но — всякое даяние — благо, и вообще — спасибо.

Желаю удачи с №. А что — если бы устроить вечер
в пользу С<овременных> Э<аписок> и притянуть Буни-
на. Я бы охотно и бескорыстно выступила (но не од-
на). *Подумайте!*

МЦ.
Пятница

32

ЦВЕТАЕВА — РУДНЕВУ

Clamart (Seine) 10, Rue Lazare Carnot

8²⁰ янв<аря> 1934 г.

Милый Вадим Викторович,

Спасибо за «терм». Корректуру отправила Вам, чтобы Вы увидели отрывок «об иудее-Иловойском» в его окончательном виде (стр<аницы> 8 и 9). Достаточно ли я ясно для наборщика зачеркнула и вписала? Сделала как можно яснее. Переменила посвящение В.Муромцевой и вставила два или три места, *пропущенные наборщиком*. Полуинтеллигент? Так и думала (т.е. оторвавшийся (от корней народности) и непроставший). Но рада, что без злого умысла. Для меня умысел — ВСЁ <подчеркнуто три раза>. Прилагаю ему в корректуру объяснительную записочку, пусть знает, что ГНЕСТЬ — ЕСТЬ.

Очень рада, что понравился Стол. Я ни Встреч, ни Стола, ни гонорара не видела (увиджу ли??).

Всего доброго на русские праздники и всегда.

МЦ.

33

РУДНЕВ — ЦВЕТАЕВОЙ

Пятница 16.Шл.<1934 г.>

Дорогая Марина Ивановна!

Поздравляю Вас! Вечер Ваш был очень удачен, — вещь чудесная, и чтница Вы, надо сказать, тоже неотразимая. По своей собственной вине — опоздал только к началу. Очень, очень рад за Вас и за «нас», читателей.

Не думали ли Вы о том, что, б<ыть> м<ожет>, когда Вы напишете еще о Блоке, — из Ваших вещей, ес-

ли их напечатать вместе, вышла бы *очень* интересная книга?

Но сейчас — к делам сегодняшнего дня. Надеюсь, Ваши воспоминания о Белом (как Вы их назвали?) дадите нам, в «Совр<еменные> Записки»? Прошу Вас об этом, и чем скорее пришлете рукопись, тем лучше: 55-ая книжка уже набирается и должна выйти в конце апреля.

Спасибо за «дружеский» билет. Мне ужасно стыдно, но эти дни я был неотрывно [связан] работой (разборка архива Земгора!), — из трех билетов успел прод<ать> только один. Деньги сдал в кассе.

Жду Вашего ответа, рукописи, если можно — скоро.

Пред<анный> Вам В.Руднев

34

ЦВЕТАЕВА — РУДНЕВУ

Clamart (Seine) 10, Rue Lazare Carnot

18²⁰ марта 1934 г., понедельник

Милый Вадим Викторович,

Во-первых, самое сердечное спасибо за проданные билеты: знаю, как это трудно, при обилии вечеров.

И в такое же *первых* — спасибо за привет, и отклик, и оклик.

Теперь. Посылаю ОДУ ПЕШЕМУ ХОДУ, но, увы, в ней 96 СТРОК и она не делится, п.ч. это не три отдельных стихотворения, а одно в трех частях. Коротких стихов у меня сейчас нет.

Но что будет с Белым? В нем, всё, как я Вам уже писала, пять листов с небольшим, раньше как через 2 недели я с перепиской *всей* вещи не справлюсь: немислимо, — ведь я пишу ПЕЧАТНЫМ, и «ОДУ», напр<имер>, переписывала — ЧАС. А мой черновик, по к<оторо>му

читала, *не читаем*. Ведь писала я своего Белого при труднейших обстоятельствах: у Мура была корь, нужно было особенно следить за печами, вообще домашняя работа — удвоилась, утроилась, — я на вечере еле сама разбирала, что написала.

Можете ли Вы (вы) ждать две недели для получения *всей* вещи, или удовлетворитесь первой частью, к *которой* Вы *не* слышали, и к *которую* представляю в следующий понедельник. Ответьте!

Рукопись распадается на две *равных* части. Если вторая больше, то всего на несколько страниц.

Название вещи: ПЛЕННЫЙ ДУХ
(МОЯ ВСТРЕЧА С АНДРЕЕМ БЕЛЫМ)

Эпиграф будет из Фауста:

(Geister auf dem Gange)
Drinnen gefangen ist Einer!*

а эпиграф к последней главке (смерть)

Und er hat sich losgemacht!**

(тоже из Фауста)

Очень жду ответа о стихах и сроках.
До свидания! Сажусь за переписку.

МЦ.

Очень хорошо бы — книгу встреч. (Брюсов (к *который* у меня уже есть), Макс, Белый и Блок, материалы к к *которому* у меня все уже есть.) Живых бы я не брала — только ушедших. Можно было бы и Есени-

* (Духи в сенах)

Один из нас в ловушке! (нем.)

** И он освободился! (нем.)

на, хотя, как человека, я его не любила, была совсем к нему равнодушна и лучше, так относясь — не писать. Только — любя.

Еще раз спасибо за привет и помощь. Жду.

МЦ.

<Приписка на полях:>

Умоляю сохранить в Оде мои знаки: они *все* продуманы!

35

ЦВЕТАЕВА — РУДНЕВУ.

Clamart (Seine) 10, Rue Lazare Carnot

22^ю марта 1934 г., четверг

Милый Вадим Викторович,

На этот раз — вот какое дело: Посл<едние> Новости просят у меня два отрывка из моего Белого, один из I ч<асти>, другой из II ч<асти> (по 300 газет<ных> строк). Меня бы это нельзя более устроило, у Али со вчерашнего дня тоже объявилась корь (только что отболел Мур), и у нее, видно, серьезнее, как всегда у взрослых (ей уже 20 лет!) Д<октор> должен бывать через день, п.ч. главная опасность — легкие. И всякие лекарства и, потом, усиленное питание. Поэтому я страшно обрадовалась лишнему заработку. Надеюсь, что редакция ничего не будет иметь против? Ответьте, пожалуйста, поскорее и объясните соредакторам мое положение с болезнями детей.

Белого переписываю и в понедельник представлю I ч<асть>. — Как понравилась Ода пешему ходу?

Сердечный привет

МЦ.

Дорогая Марина Ивановна!

Отвечаю на Ваше письмо относительно печатания отрывков из рукописи о Белом в «Последних» Новостях».

Вот какое у нас правило насчет этого. Из вещи, печатающейся в «Современных» Записках», автор может поместить *один* отрывок в любой газете, — «Последние» Новости», «Возрождение» или «Сегодня», размером не больше *одного двойного фельетона*, но уже *по* выходе «Современных» Записок» или *незадолго* до выхода книжки «Современных» Записок», с обычной ссылкой — «печатается с разрешения редакции «Современных» Записок» отрывок из вещи, помещенной целиком в таком-то № журнала».

Из этого в данном случае, если думать о печатании «Белого» у нас в «Современных» Записках», следует: 1) что Вы *можете* дать в «Последние» Новостях» отрывок указанного Вами размера, — лучше, если бы только чтобы это не было из обеих частей; и 2) что печатать в «Последних» Новостях» можно *не раньше* числа 20 апреля.

Но как же быть до этого с Вашими очередными бедами семейными? Выход вижу один и очень прошу Вас им воспользоваться: как и в прошлый раз, возьмите у меня лично нужную Вам сумму, сочтемся тогда, когда Ваша вещь будет формально принята. Жду Вашего знака, чтобы немедленно перевести Вам франков 300. А заработок от напечатания в будущем отрывка в «Последних» Новостях» от Вас тоже не уйдет. Ладно?

Очень жду от Вас, с большим интересом, рукопись. Если 1-ая часть уже переписана, м.б. все же пришлете,

не дожидаясь второй? Только со стороны редакции ответ смогу дать лишь по получении всего.

Не был, по болезни, на чтении Ремизова. Слышал, однако, что публики было много. Дай Бог.

Привет и всего доброго, прежде всего здоровья детям.

Ваш В.Руднев

37

ЦВЕТАЕВА — РУДНЕВУ

<Апрель 1934 г.>

Милый Вадим Викторович,

Вчера, уже на полдороге от Daviel'a, мне вдруг показалось (м.б. воздействие надвигающейся грозы!) что в наборе пропущено:

(после последнего письма Белого, где он просит комнату и извещения в «Руле»: **ОТБЫЛ В СОВ<ЕТСКОЮ> РОССИЮ ПИСАТЕЛЬ АНДРЕЙ БЕЛЫЙ**).

ТАКОЕ-ТО НОЯБРЯ БЫЛО ТАКИМ-ТО НОЯБРЯ ЕГО ВОПЛЯ КО МНЕ. ТО ЕСТЬ УЕХАЛ ОН ИМЕННО В ТОТ ДЕНЬ, КОГДА ПИСАЛ КО МНЕ ТО ПИСЬМО В ПРАГУ. МОЖЕТ БЫТЬ, В ВЕЧЕР ТОГО ЖЕ ДНЯ.

Умоляю проверить, и, если не поздно, вписать. (А м.б. только жара и авторские страхи!)

До свидания! Спасибо за перевязочный материал, — уже пошел в дело!

МЦ.
Вторник

38

ЦВЕТАЕВА — РУДНЕВУ

Clamart (Seine) 10, Rue Lazare Carnot

19²⁰ апр<еля> 1934 г.

Милый Вадим Викторович,

Давайте — сноску:

* Kaufhaus des Westens — универсальный берлинский магазин.

Так — все ясно.

Сердечный привет

МЦ.

39

ЦВЕТАЕВА — РУДНЕВУ

Clamart (Seine) 10, Rue Lazare Carnot

2²⁰ мая 1934 г.

Милый Вадим Викторович,

Большая просьба:

так как, очевидно, мои стихи «Ода пешему ходу» в С<овременных> З<аписках> не пойдут, верните мне их, пожалуйста, чтобы не пропала работа по переписке, — м.б. еще куда-нибудь пристрою, а нет — отправлю кому-нибудь из моих далёких корреспондентов (есть в Харбине, есть в Эстонии) которому это будет — радость. А у меня в П<оследних> Нов<остях> сидит враг, могущественный, к<отор>ый не пропускает моего отрывка из «Пленного Духа», горячо прошенного у меня *рядом членов редакции*, и этим лишает меня 300 фр<анков> — жизни.

Я даже подозреваю — кто: по личному своему к нему отвращению — вернее: *от него* (отвращаться *от*).

Сердечный привет и *очень* жду «Оды», если еще не погибла в корзине.

МЦ.

ЦВЕТАЕВА — РУДНЕВУ

Clamart (Seine) 10, Rue Lazare Carnot

9го мая 1934 г., среда

Дорогой Вадим Викторович,

Спасибо за заботу. Деньги очень нужны, хорошо бы — 300 фр<анков> (режет Мурина школа!). До последней минуты я надеялась на Посл<едние> Нов<ос-ти>, но они моего Белого явно похоронили, хотя сами же просили и даже торопили (Сами — да не *те!*). Дело, думаю, в Милюкове, которому, как материалисту, все д^ухи, а особенно «пленный», вроде Белого, *ничего* на земле не умеющие — должны претить, как мне — все обратное, т.е. вс^еумение.

Это гораздо глубже, чем вражда личная (да ее и нет!), это вражда — рас, двух особей, и *мая, конечно, побита — везде, всегда.*

И это мне еще наказание за отвращение к газете — ко всякой, всем! *Вид ненавижу, лист ненавижу.* Брезгую.

Такая роскошь — оплачивается.

Если увидите Демидова, запросите — в чем дело? Хотя уверена, что — *в том.*

Сердечный привет и еще раз спасибо.

МЦ.

<Приписка на полях:>

Будут мне оттиски Белого? Впрочем, Вы всегда даете, а как это меня выручает! Идут по всему свету, даже завидно.

41

ЦВЕТАЕВА — РУДНЕВУ

17²⁰ мая 1934 г.

Clamart (Seine)

10, Rue Lazare Carnot

Милый Вадим Викторович,

Спасибо за аванс (300 фр<анков>) и книгу. Страшно рада, что рядом с письмами. Их прочла в первую голову — потрясающий документ: целый обвинительный акт — БИГУ. Себя еще не читала, — листала, и, пока, опечаток нет.

Спасибо!

МЦ.

<Приписка на полях:>

А Ода ушла в

Tallin Kopli

Estonie —

И явно — ПЕШКОМ!

42

ЦВЕТАЕВА — РУДНЕВУ

28²⁰ мая 1934 г.

Clamart (Seine) 10, Rue Lazare Carnot

Милый Вадим Викторович,

Дошлите мне, пожалуйста то, что мне еще причитается за Белого. Присмотрели квартиру и нужно внести задаток.

С садом опять не вышло — дешевле 6-ти тыс<яч> [франков] нет, а если есть — ужас, так что залезли за 4¹/₂ т<ысячи> на шестой этаж, но зато с отоплением.

Сердечный привет. Спасибо за оттиски

МЦ.

43

РУДНЕВ — ЦВЕТАЕВОЙ

30.V.1934 <г.>

Дорогая Марина Ивановна!

Получил Ваш pneumatique*, и, на этот раз, должен Вас огорчить: денег выслать не могу. Дело в том, что авторского гонорара Вашего за Белого остались самые пустяки что-то 30 fr<анс>, кажется... Стоит ли высылать? Во всяком случае для разрешения Ваших квартирных проблем это — ничто.

Объяснение такого, вероятно неожиданного для Вас, положения с Вашим счетом в «Современных Записках»: начиная с прошлой книжки мы, за отсутствием средств, вынуждены были еще раз сократить гонорары на 20% всем сотрудникам без исключения.

Не могу, увы, и предложить Вам аванс: ввиду полной неопределенности перспектив журнала, мы можем авансировать лишь под то, что появится в самой ближайшей (56-ой) книжке журнала. А ни мы, ни Вы пока еще не знаем, будет ли наверное что-либо Ваше в этой книжке.

Таковы грустные обстоятельства. Очень жалею, что никак не могу на этот раз Вас выручить.

44

ЦВЕТАЕВА — РУДНЕВУ

Clamart (Seine)

10, Rue Lazare Carnot

31²² мая 1934 г.

Милый Вадим Викторович,

Из Вашего письма выходит, что мне за 3½ листа полагается 630 фр<анков> гонорару (600 я получила

* пневматическая почта (фр.).

в два приема, а 30 фр<анков> у Вас), т.е. за печатный лист художественной прозы вы платите 180 фр<анков>, тогда как у меня хранится Ваше письмо перед началом напечатания Волошина, где Вы напоминаете мне условия: стихи – 1 фр<анк> 35 с<антимов> строка, лист художественной прозы – 300 фр<анков>.

Вы пишете – «еще раз сбавили 20% с прошлой книги». Что значит – еще раз? Ни о первой сбавке, ни о второй Вы меня, при нашем постоянном письменном обращении, не предупредили, и вот неожиданно, вместо 300 фр<анков>, на которые я, непредупрежденная, естественно рассчитывала, предлагаете мне 180 фр<анков>, разбивая этим все мои планы. Как же сбавлять *post-factum*, да еще, как Вы пишете, дважды? Во всяком случае я второй сбавки принять не могу, ибо я на гонорары живу и других источников у меня нет.

Итак, даже принимая *одну* *post-fact'*ную сбавку, мне еще надлежит дополучить с редакции:

300 фр<анков> – 20% = 240 фр<анков>

240 x 3½ = 840 фр<анков>, я же получила 600 фр<анков>.

Итого, мне надлежит дополучить 240 фр<анков>.

Думаю, что Вы и вся редакция не сможет [не] признать моей абсолютной правоты, и моральной, и юридической.

МЦ.

Первую сбавку, очевидно, уже произведенную на Старом Пимене, я могла *не* заметить только потому, что, полагаясь на редакцию, никогда гонорара полистно не проверяю, нынче в первый раз – из-за удивительности суммы: столько работы (хотя бы по переписке!) 3½ печатных листа *густого шрифта* (не алдановской пещеры или шмелевской няни), почти без пропусков и вдруг – 630 фр<анков>!

Но раз я тогда, в Старом Пимене, не заметив — не оспорила, значит — приняла. Нынче же я заметила и, сердитесь не сердитесь, несмотря на всю мою скромность и неприязнительность и внешнюю, жизнью, униженность, новой *post-fact'*ной сбавки принять не могу: мне нужно платить за сына в школу, мне 1го нужно переезжать и, наконец, мне нужно сделать шесть *платных* прививок, ибо я уже два месяца серьезно больна (нарывы), и у меня затронуты железы и жилы левой руки. Может быть всё это *редакции* не касается, но я и не упоминала бы об этом, если бы не знала за собой и юридической правоты.

Просить о помощи, иногда, бестактно, но просить *своего* — только разумно. «240 фр<анков> не спасут». Никакие сотни не спасут, но всякий франк выручит.

Если нужно, милый Вадим Викторович, сообщите мое письмо редакции, и если она найдет нужным доплатить причитающуюся мне сумму, *очень* прошу — поскорее: на мне висит школьный долг и мне не на что начать лечение.

Всего доброго

М.Цветаева

45

РУДНЕВ — ЦВЕТАЕВОЙ

Воскресенье 3 мая <июня> 1934 <г.>

Дорогая Марина Ивановна!

С большой неохотой сажусь за письмо по поводу наших гонорарных «разногласий»: и тема сама по себе не увлекательная, да и, боюсь, так до конца друг друга мы и не поймем. Одно только — практически значения это все равно не имеет, — я [поторопился] выслать Вам те 240 ф<ранков>, на которые Вы считаете себя вправе «юридически» и «морально».

Готов тотчас же и без спора признать Ваше *формальное* право требовать расплаты по прежней ставке, раз Вы заблаговременно не были предупреждены о ее понижении. Не склонен даже оспаривать и морального Вашего права, особенно в Вашем трудном положении, добиваться восстановления нарушенной, по Вашему мнению, справедливости. Но не могу никак, признавая Вас морально правой, тем самым как бы согласиться и признать морально неправой редакцию. Только поэтому, и только в этих пределах и пишу, чтобы разъяснить Вам поведение редакции в данном и в будущих аналогичных случаях Вашего сотрудничества.

Что материальное положение журнала отчаянное — об этом Вы, как и все сотрудники журнала, хорошо осведомлены. И, насколько я Вас знаю, вряд ли Вы способны отнестись к этому формально, сказать «какое мне дело, мой товар, Ваши деньги». Сами мы, по крайней мере, никогда не смотрели на «С*современные*» З*аписки*», как на частное наше литературное предприятие, связанное с сотрудниками только юридическими отношениями. Пусть даже нам свойственно преувеличивать общественное и культурное значение журнала, но только поэтому мы последние два года затрачиваем такое невероятное количество усилий, нищенствуем, т.е. буквально ходим с протянутой рукой, терпя немалые унижения, чтобы протянуть «С*современные*» З*аписки*» еще на одну-другую книжку. В этом, кажется нам, кровно заинтересованы прежде всего *сами писатели, сотрудники журнала*, и на некоторое понимание с их стороны мы чувствовали себя вправе рассчитывать.

К сокращению авторских гонораров мы прибегли лишь в самую последнюю очередь, исчерпав все возможности для привлечения средств, произведя все

иные мыслимые сокращения в бюджете журнала. И, когда мы в прошлом году были вынуждены в первый раз уменьшить гонорары, мы ставили себе вопрос, — не следует ли об этом, в порядке общего циркуляра, предупредить всех сотрудников. Отказались мы от этого потому, что такая мера при наличии установившихся уже механизмов связи и взаимности с постоянными сотрудниками отдавала что-то слишком уж «формальным». Мы только решили тогда же: всякому сотруднику, который все же счел бы нужным встать на формальную почву, немедленно и без спора доплатить гонорар на этот раз — по прежней норме. Должен сказать, что, при дважды уже произведенном сокращении гонорара, такое требование нам теперь предъявлено впервые.

Поставим, милая Марина Ивановна, поскорее на этом точку. Зная каторжное Ваше положение и постоянные Ваши материальные мучения, мне тяжело давать Вам эти жесткие объяснения. При случае, при свидании, я разъясню Вам и ошибку Ваших арифметических расчетов. Ваш авторский гонорар был понижен не до 180 <далее зачеркнуто: а до 225 фр.>, — Вы только неверно считаете $3\frac{1}{2}$ печатных листа текста. Печатный лист для расчетов всегда берется условный (причем *одинаковый* и для рыхлых «пещер» и для плотных «Белых») в 40.000 знаков. <Далее зачеркнуто: Во всяком случае, на будущее Вы теперь предупреждены — 225 фр<анков> за печатный лист и 1 фр<анк> за строку стихотворения.>

Предупрежу, во избежание недоразумений, когда будет нов<ое> <нрзб>. <Не окончено>

46

ЦВЕТАЕВА — РУДНЕВУ

Clamart (Seine)

10, Rue Lazare Carnot (до 15²²)

потом: 33, Rue Jean-Baptiste Potin

3²² июля 1934 г.

Милый Вадим Викторович,

Не написала Вам не по небрежности, а из-за ряда бед, свалившихся: сняли квартиру на 6 эт<аже> без лифта, д<окто>р из-за сердца такуюю наотрез запретил, а денег не вернули, судиться же (*правы* были — мы, есть ряд подробностей, которые опускаю) не могли из-за того, что расписку нам дали *без марки*, и нас бы наравне с хозяином оштрафовали на «des sommes incalculables»* — так мне сказали в комиссариате, куда я ходила советоваться.

Так и ухнули денежки, т.е. половина термина: 500 фр<анков>, т.е. остались в кармане у домохозяина — дома, в к<отор>ый мы никогда не въедем. (Въезжать на 3 месяца, по закону, нельзя, ибо въезд был бы одновременно с отказом, и хозяин бы не впустил.)

Это («кляузы») заняло у меня целый месяц. Кончилось тем, что сняли развалину, не только без ванны, но без *всех* удобств (помните Zossen Белого??), но дешевую, и у меня даже дерево в окне.

Но была и крупная удача: Мур кончил свой первый школьный год первым учеником *всей школы*: первым по всем предметам, кроме арифметики: 16 fois nommé, 15 fois couronné**, с отдельным *для него созданным* («Il a été créé pour l'élève Georges Efron...»***) — prix d'honneur**** — за небывалое,

* «огромные суммы» (*фр.*).

** 16 раз называли, 15 раз награждали (*фр.*).

*** «Он был создан для ученика Георгия Эфрона...» (*фр.*).

**** почетным призом (*фр.*).

в стенах школы, рвение. Ему надавали столько красных книг и таких веских, что — еле дотащили. Словом, был полный триумф, такой, какого *в моей жизни* — не было.

О бедах: сейчас надо мной висит 1) срочный (сдать до 7го) огромный анонимный и абсолютно-гадательный мопассановский сценарий: — негрский: за другого, с абсолютным вопросительным знаком в виде гонорара — 2) с 10го — переезд — перевоз — перенос с квартиры на новую (ту, «на лоно природы», «где угодно») 3) разборка и устройство. После 25го вздохну впервые (если не сдохну).

Но до этого известите: сколько (максимум) места Вы можете мне дать в следующем №, у меня ряд замыслов, один другого соблазнительнее. Хотите — из детства? Я сейчас в *этой* полосе (если читали моих «Хлыстовок»), но Хлыстовки — отрывок, могу дать законченную вещь.

Пришлите мне слова ободрения и одобрения, ибо — издыхаю.

Да! Вылечилась без пропидона (вылечивающего, по мбему, — *от жизни*) какими-то другими впрыскиваниями, доктор КРЕССОНА, от *которых* хромала, но не умирала. Очень послужил Ваш перевязочный материал, за *который*, часто, мысленно Вас благодарила. Сейчас же у меня разлитое малокровие, от *которого* весь день в ушах звенит, как от хины.

<Приписка на полях:>

Сердечный привет, жду весточки. До 15го по стар*ому* адресу.

МЦ.

ЦВЕТАЕВА — РУДНЕВУ.

5²⁰ июля 1934 г.

Милый В<адим> В<икторович>,

Не диффамация Л<юбови> Д<митриевны>, а прославление Блока (оплакивать чужого, как своего) — на этом буду строить свою «защиту», если понадобится.

Упомянула же — со слов Андрея Белого («от него я впервые узнала, что тот “Митька”, к<оторо>го оплакивал Блок, не блоковский и не беловский, а ее» ...в этом роде, перечтите) — и с утверждения в Берлине 1922 г. издателя *Альконоста*, при Эренбурге и еще ком-то (не помню, ах, да — А.Г.Вишняке) что у Блока *никогда не было детей*. Я, в полной невинности, думала, что это *давно известно*. (Знали, конечно, все, но не знаю — писали ли.)

Вам (С<овременным> З<апискам>) мой Блок *не подойдет*, ибо там много о втором его мнимом сыне, в к<оторо>го я так поверила, что посвятила ему целый цикл стихов («Стихи к Блоку», Берлин, <19>22 г.) и рассорилась из-за него с «Альконостом» — тогда же.

Безумно спешу, ибо последний срок сценарию. Посоветуюсь еще с Х<одасеви>чем, он знает *всё* вышедшее о Блоке и, м.б., выручит и документом.

До свидания до 18-го, 20-го (письма)

МЦ.

Не бойтесь! «Защищаясь» — и Вас выручу, т.е. все свалю на себя, мне все равно, у меня совесть чиста.

За гнев — МЕЛОК!

ЦВЕТАЕВА — РУДНЕВУ

Vanves (Seine) 33, Rue Jean Baptiste Polin

24th июля 1934 г.

Милый Вадим Викторович,

Наконец вновь обрела дар письменной речи, и перо, и чернила. Пишу после ужасающего переезда и в еще очень несовершенном устройстве: совершенном расстройстве. Газа нет, света нет и когда будут — неизвестно, ибо денег — нет.

Но Бог с моими делами (Вы все равно помочь не можете!) и обратимся к нашему *делу*, а м.б. и *делам*.

Итак:

С Люб<овью> Дим<итриевной> история не страшна. В моем тексте, по словам знатоков: *адвокатов* — ничего порочащего — нет: всё во славу Блока, а не в поругание ее. Во-вторых же — это пересказ, что уже сильно ослабляет всякую могшую бы быть виновность. Явный пересказ слов Белого. В третьих: ведь это — *СЛУХ*. Кто-то сказал Алданову. А м.б. — не сказал, не то сказал, не так сказал. Как же мне на этот анонимат — отзываться, да еще — публично? Да что, в конце концов, я могла бы сказать? Отказаться от факта, от к<оторо>го не может отказаться сама Любовь Дим<итриевна>, я не могу — смешно — да и низко. А от порочащего умысла, — да у меня же его и нет!

И откуда бы она подала в суд?? Да если бы и подала, разбор дела был бы не раньше чем через два года. (Последнее мне говорило лицо *сведущее*, юрист.)

Итак, давайте успокоимся. Впрочем, если лицо, предавшее якобы обиду Л<юбови> Д<митриевны>, назовется, охотно *ему* отвечу: когда услышу в точности — что я такого, якобы, сделала и что она, в точности, сказала.

Второе дело. Нужна ли вещь для С<овременных> З<аписок>, и *когда*, и *максимальный размер*. О Блоке писать не могу. Вся *мая* встреча с ним по поводу его другого сына и кажется такого же не-его, как «Митька». А мать — весьма жива и очень когтиста, кроме того ежеледно ездит за границу — и эта уж непременно засудит!

Предлагаю вещь из детства, то, о чем я Вам уже писала, она уже вчерне написана, но доканчивать я ее буду только, если будет *надежда* на помещение, иначе придется взяться за какой-нибудь солидный перевод — жить не на что.

Очень прошу Вас, милый Вадим Викторович, *поскорей* ответьте: нужна ли, размер, и сообщите новые *условия*, которых я так и не знаю.

Всего доброго, жду весточки

МЦ.

49

ЦВЕТАЕВА — РУДНЕВУ

Vanves (Seine)

33, Rue Jean Baptiste Potin

23го сент<ября> 1934 г.

Милый Вадим Викторович,

Узнала — по слухам — будто Вы запрашивали обо мне Сосинского: где я и что я — и что с рукописью.

Перед отъездом, т.е. в конце июля, я получила от Вас письмо, на *которое ответила*. Летом неопределенно ждала от Вас оклика, но так как Вы не окликали, я и не торопилась.

Рукопись есть: — Мать и музыка — но, кажется, велика: по моему расчету *62.220 знаков*.

Хотела ее *для вечера*, но если Вы возьмете — дам Вам. Другого у меня ничего нет.

Марина Цветаева. Вадим Руднев

Когда нужно сдать? Она почти переписана.
Жду ответа. Были с Муром на ферме возле Trappes*
и только что вернулись.

МЦ.

<Приписка на полях:>

Когда выходит №? Мне важно — для вечера.

50

ЦВЕТАЕВА — РУДНЕВУ

Vanves (Seine)

33, Rue Jean Baptiste Potin

26²⁹ сент<ября> 1934 г.

Милый Вадим Викторович,

— Ничего. —

Во-первых, я сама виновата, что еще раз Вас не окликнула — для верности.

Во-вторых, пойдись вещь *сейчас*, у меня бы ничего не было для вечера, который мне нужен до зарезу.

Итак — до следующего номера!

А в Посл<едние> Нов<ости> я и не собиралась давать отрывков, тогда дала только потому что они просили, а просили из-за Белого (имени). В данной же вещи ничего именного и злободневного нет, — мое младенчество и молодость моей матери.

Сердечный привет

МЦ.

— А стихов Вам не нужно? Или № уже отпечатан?

* Люк, подъемное окно (фр.).

51

ЦВЕТАЕВА — РУДНЕВУ

Vanves (Seine)

33, Rue Jean Baptiste Potin

7²⁰ Октября <ноября> 1934 г.

Милый Вадим Викторович,

Очень жаль, что не были — вечер прошел очень хорошо, и было даже уютно — от взаимной дружественности.

А та вещь, которую вы просите прислать на просмотр — пустячок, на 10 мин<ут> чтения вслух — и никакого отношения к «Мать и Музыка» не имеет: просто диалог, верней *триалог*, а успех имела, потому что — веселая.

Кроме того, она сразу была предназначена для Последних> Новостей — на небольшой фельетон.

«Мать и Музыка» вышлю на днях, кто-н<и>б<удь> завезет на Rue Daviel. М.б. и стихи какие-нибудь присоединю, хотя мало верю, что вы (множеств<енное> число!) — поместите: из-за ЛЕГЕНДЫ, что мои стихи — темны.

Пока до свидания — в рукописи!

— Неужели эмиграция даст погибнуть своему *единственному* журналу?! Какой позор. На *всё* есть деньги (— у богатых, а они — *есть*!) — на картеж, на меха, на виллы, на рулетку, на издание идиотских романов — все это *есть* и *будет* — а журналу дают сдохнуть.

Это — *настоящий* позор: исторический.

Во всяком случае, у Вас должно быть чувство полного удовлетворения: Вы, своими силами, делали все, что могли — до конца. Но что «силы» перед — КАРМАНАМИ: ПОРТФЕЛЯМИ.

Какая все это — мерзость! И как хочется об этом сказать — открыто: в лица тем, у которых на лице вместо своей кожи — КОЖАНАЯ (нет, *лучше* нашла!) — СВИНАЯ.

Итак — до свидания: может быть — последнего.

МЦ.

52

ЦВЕТАЕВА — РУДНЕВУ

Vanves (Seine)

33, Rue Jean Baptiste Potin

27²² ноября 1934 г.

Милый Вадим Викторович,

А у меня случилось горе: гибель молодого Гронского, бывшего моим большим другом. Но вчера, сгорюбив, — в том самом мёдонском лесу (новое кладбище), где мы с ним так много ходили — п.ч. он был пешеход, как я — сразу села за рукопись, хотя так не хотелось, — ничего не хотелось!

Она совсем готова, только, местами, сокращаю — для ее же цельности. Надеюсь доставить ее Вам в четверг. Мурин свободный день, а то не с кем оставить, меня никогда нет дома, а в доме вечный утар — и соседи жутковатые.

Есть и стихи, м.б., подойдут.

Длина рукописи — приблизительно 52.000 печатных знаков, но это уже в сокращенном виде.

До скорого свидания!

МЦ.

Жаль твердого знака, не люблю нецельности, но это уже вопрос моего максимализма, а конечно, прочтут и без твердого.

Вообще, жить — сдавать: одну за другой — все *твердыни*. (Я лично твердый знак люблю как человека, действующее лицо своей жизни, так же, как Ъ.)

ЦВЕТАЕВА — РУДНЕВУ

Vanves (Seine) 33, J. B. Potin

13²⁰ дек<абр>, четверг <1934 г.>

Милый Вадим Викторович,

Корректуру — самое позднее — получите завтра, в пятницу. Не сердитесь, но два подсомненных для Вас места (о нотах и, позже, о «правой» и «левой») я отставляю, ибо и так уж рукопись сокращена до предела. Кроме того, *первого* еще никто не отмечал, а второе — вообще показательно для ребенка (невозможность представить себе вещь с другой стороны) — и кроме всего — ведь это такое маленькое!

(А какая грязная была рукопись! У—жас—ная! Отсылала ее с отвращением...)

А почему Вы против «УМОЛКШЕЙ птице». Ведь *две* формы: умолкший и умолкнувший. Я беру короткую. Я там, выскребая Вашу поправку, до дыры проскребла и теперь не знаю, что делать. (Мне УМОЛКШЕЙ — милее ритмически.) Да, в подтверждение мне: несмолчность — несмолкаемость, тоже две формы, — немолчность — немолкаемость. Это уж — корень такой?

Приложу отдельный листок особенно опасных опечаток. А корректор Вы — чудный, после Вас почти ничего не остается делать.

Всего доброго!

МЦ.

Читали в Посл<едних> Нов<остях> поэму Гронского? Погиб настоящий поэт.

54

ЦВЕТАЕВА — РУДНЕВУ

Vanves (Seine)

33, Rue Jean Baptiste Potin

31го декабря 1934 г.

С Новым Годом, дорогой Вадим Викторович!

Дай Бог — Вам и журналу...

А пока, как новогодний Вам подарок — 4 артистически урезанные, в самом конце, строки — переверстывать придется самую малость.

Новый Год встречаю одна, как большевики пишут: — «Цветаева все более и более дичает».

Алю наверное увидите на вечере Красного креста.

Большая просьба: я давным-давно должна А.И.Андреевой деньги, и всё не могу вернуть из-за месяцами тянущейся канители с «Посл<едними> Новостями». Если можно, вышлите ей из моего гонорара 60 фр<анков> по адр<есу>

Mme Anna Andreief

24, Rue de la Tourelle

Boulogne (Seine)

— она в кровной нужде: стирает белье, и т.д., и я уже не могу ей на глаза показаться.

Сердечный привет и лучшие пожелания.

МЦ.

Выпуск отчеркнут красным: ровно 4 строки в конце последней стр<аницы>.

55

ЦВЕТАЕВА — РУДНЕВУ

Vanves (Seine)

33, Rue J.B.Potin

4²⁰ января 1934 <1935> г.

Милый Вадим Викторович,

Оказывается — 15⁰⁰ терм. Умоляю прислать мне, если только возможно, мой гонорар — полностью, — он, наверное, маленький? «П<оследние> Нов<ости>» одну мою рукопись заваляли и за три месяца не напечатали ни одной моей строки, у них — свои, и перебороть я этого не могу. Доколе буду сопротивляться очевидно-сти невозможности здешнего существования — не знаю. Одним здесь духовно нечем жить, а мне — физически.

Написала для «П<оследних> Н<овостей>» о поэме молодого Гронского «Белла-Донна», но не знаю точки зрения другого П.Н. (редактора) на происхождение поэта, к<оторо>го я веду помимо общества: эмиграции, революции, и т.д. — от природы.

Временами впадаю в отчаяние, ибо какая-н<и>б<удь> удача быть должна: либо духовная, либо материальная, а у меня — никакой.

И, возвращаясь к терму: умоляю выцарапать мой гонорар. Живу в нетопленной комнате, но мне совершенно все равно, п.ч. это мое дело с собой, а терм — мое с хозяином, и здесь конец покою.

Новый Год не встречала, но елка была. Спасибо за Мурину книгу, пока что читаю и услаждаюсь — я.

Всего доброго. Простите за просьбу. Но 60 фр<анков> Андреевой — в первую голову!

МЦ.

<Приписка на полях карандашом:>

Рукопись с письмом занесла 31го — никого не было — опустила в ящик.

56

РУДНЕВ — ЦВЕТАЕВОЙ

<Бланк «Современных Записок»>

6, Rue Daviel-Paris (XIIIe)

9.1.1935<г.>

С Новым Годом, дорогая Марина Ивановна!

Получил Ваш термовый S.O.S. Выскреб до дна тощую кассу «С<овременных> З<аписок>», и посылаю Вам — что могу, но конечно меньше того, что Вам надо и на что Вы, вероятно, рассчитывали: всего 200 f<ranc>, — да раньше, в Ваш счет послал Андреевой 60, — всего 260. Остальные придется — ждать, и б<ыть> м<ожет>, на этот раз дольше, чем обычно. В поисках денег «С<овременные> З<аписки>» пускаются во все тяжкие: не только до «бриджей», но и до «блинов», «состай-парту» и пр<очее>, пр<очее>, чем только можно прельстить пресыщенное воображение имеющих солидные кошельки. Поучительная картина...

Ваше письмо такое грустное. И ободрить нечем. Действительно, жестокие времена и подлые. Но куда денешься? Всюду то же. В Россию — пути заказаны, а и были б свободны, — там, убежден, было бы тысячекрат невыносимее. Просто дышать негде.

Одно только: лестница нужды, нищеты и унижений от каждого из нас еще и др<угих> беспредельно вниз. По сравнению с Вами даже стыдно как я — крез, буржуй, баловень судьбы, имею возможность возиться с таким милым делом, как журнал. Но вот все же: пе-

ред праздниками уволили с работы в Maison de couture* мою жену.

Сомнительно, чтобы при теперешнем отношении к иностранцам, русская почти старуха (56 лет!) могла вновь попасть на работу. Уже полная и непоправимая катастрофа наступит, когда исчезнет и мой заработок, а это возможно. Но глядя на Вас и на других, чувствую себя пока бессовестным счастливецом. Вероятно, Вы, в свою очередь, видите вокруг себя людей в еще более тяжелых условиях.

Наша беда еще, что мы — или вовсе не верующие или плохие, по-интеллигентски верующие люди. Тем — легче. Они покорны воле Божией, — «так надо», стало быть. И в этом — источник сил и мира душевного. Мне приходится таких почвенных встречать, — больше среди людей или вовсе простых, или больших (бывших <зачеркнуто>) духом аристократов. Всегда с радостью и невольной завистью с такими встречаюсь. Как сказал известный русский подвижник благополучному обывателю: Жаль мне тебя, несчастный счастливец! — ? — Тем, что не посещен ты Божьим наказанием, которое верный знак любви Бога к нам; а ведь ты не малый грешник...

Кончаю, чтобы письмо мое окончательно не стало походить на воскресную проповедь. Я сам невероятно малодушный человек, очень плохой верующий, и не мне, находящемуся в лучшем положении, проповедовать Вам.

Простите за болтовню.

Ваш В. Руднев

<Приписка на полях:>

P.S. К Пасхе — для Мура (или для его мамы) найдется еще какая-нибудь хорошая книга.

* Дом моды (фр.).

57

ЦВЕТАЕВА — РУДНЕВУ

Vanves (Seine)

33, Rue J.B.Potin

15^е января 1935 г.

Милый Вадим Викторович,

Спасибо за присланное, — *очень* помогло. И спасибо также за андреевское, — она глазам своим не поверила, ибо давно считает на франки, а не на десятки. Словом, всё хорошо. И блины (в пользу С<овременных> З<аписок>) — хорошо. (Почему люди не могут дать *без* блинов? Неужели — такой уж соблазн??)

Бесконечно хуже у меня с *Последними* Нов<остями>: они уже четвертый месяц не напечатали ни одной моей строки, т.е. у них не заработала ни франка, и угробливают уже вторую мою вещь («Посмертный подарок» — о поэме Н. Гронского, — а отец в *редакции* и в восторге от статьи, кроме того личный друг Демидова.) — Все меня посылают к Милюкову, но, боюсь, при моем нраве такой разговор — разрыв. Ибо не просительницей приду — на бедность, это особ-статья, а с простым запросом: почему всех, кроме меня?

Переписываю сейчас *на*чисто I ч<асть> воспоминаний о Блоке, к<отор>ую буду читать на совместном выступлении с Ходасевичем. — Придете?

Еще раз спасибо и, если не трудно, милый Вадим Викторович, наведите справки, *в чем* дело с *Последними* Нов<остями>. *Ибо здесь что-то есть.*

— И вовсе Вы передо мной не «буржуй». Буржуй начинается за чертой полной обеспеченности, т.е. безнаказанности.

А немножко лучше, немножко хуже — je n'y regarde pas de si près* — и все там будем.

* мне это не важно (*фр.*).

Вот, ниже меня (этажом) живут русские — в *настоящей* трущобе: *советской*: несказанной. И еще какого-то слепого с улицы у себя поселили. Так что Вы правы: все — относительно.

Сердечный привет.

МЦ.

58

ЦВЕТАЕВА — РУДНЕВУ

Vanves (Seine)

33, Rue J.B.Potin

22nd марта 1935 г., пятница

Милый Вадим Викторович,

Отлично сознаю свою вину перед Вами, о которой Вы имели деликатность и не упомянуть: не отозвалась ни на книгу *Современных* *Записок*, ни на оттиски (а м.б. и на гонорар??)

Сейчас объясню: сначала спешно писала статью о молодом Гронском, чтобы *первой* сказать о нем. Статью (600 столбцовых газетных строк, — ровно два маленьких «подвала») пришлось разрубить пополам: под 300-ой газетной строкой — подпись. И же часть должна была идти обманом, под другим названием, с ввинченной вводной фразой. Я на всё согласилась — из-за отца и матери, которые живут памятью сына. Дни шли, недели, месяцы. О Гронском успели написать? Бем — в «Мече» и Ю.Иваск — в «Нови», я же была обречена на молчание. Когда этому молчанию: валинию моей статьи в демидовском ящике — стукнуло 3½ месяца (за *которые* я у них не напечатала *ни строки*), я изъехала ее оттуда, и вот, ныне, дополненную и расширенную, буду читать на своем вечере памяти Н.Гронского. Это все, что мне осталось — глотка, *которой* мне *не могут* заткнуть.

Еще — писала стихи его памяти. Посылаю три. Всего 52 строки. *Очень* прошу — не разъединять. Понятные:

Еще — уже подневольное! — переводила бездарные немецкие революционные песни для какого-то хора. Но пока не заплатили.

Еще — Аля отделилась, живет самостоятельно, и весь дом — на мне, окончательно.

И наверное — *еще* найдется...

— Может быть *Вы* возьмете статью о Гронском — для *следующей* книги?? (Далеко загадано!) Приходите на чтение, когда — *извещу*. Статья не только о Гронском, — о судьбе *поэта*, корнях *поэзии*, поэтических жизнях и смертях... О страсти к *горам* (Гронский был альпинист.) — О многом. О — всем.

Отзовитесь на стихи! Мне *очень* важно — для отца и матери. Отец сейчас издает в Ревеле I том его стихов, мать по *памяти* лепит лицо (она — скульптор, и очень даровитый, известна во французских кругах.) Их горем жила и живу. Так что просьба о всех трех стихотворениях целиком — *вовсе не авторская, а человеческая*, личная, в порядке сочувствия.

П.П.Гронский каждые 5 дней (3½ месяца!) напоминает Демидову о статье. — «Да, да, как-нибудь пустим!» А сам вел его за гробом.

Дико — для христианина. И вообще для человека. А чего только не печатают!

Итак, жду отзыва.

И еще раз прошу простить за немоту.

Всего лучшего. Спасибо за все.

МЦ.

Стихи пошлю в понедельник, — сейчас не успею переписать, а хочется поскорее снять с себя зуд неотвечания.

Получите во вторник. Наверное.

59

ЦВЕТАЕВА — РУДНЕВУ

Vanves (Seine)

33, Rue J.B.Potin

28го марта 1935 г., четверг

— А обещала — во вторник! И даже — в понедельник. Но были хлопоты по съемке зала и с теми переводами для хора.

О стихах. Если <зачеркнуто> Очень хотелось бы — поскорее ответ. (Еще ничего не говорила родителям, а то — обрадуются, а вдруг — не подойдут?)

Чтение мое о Н.П.Гронском будет в Salle Géographique, 11го апреля, в через следующий четверг. — Будет в газетах. — Очень хотелось бы, чтобы Вы пришли

Пока до свидания, всего доброго, жду весточки.

МЦ.

«Белла-Донна» Гронского — настоящее событие в поэзии, это поняли уже и Бем (руководитель пражского «Скита поэтов») написавший о ней большую статью в «Мече», а сейчас пишет в ревельской «Нови» — Ю.Иваск, выдающийся филолог и один из лучших знатоков поэзии.

60

ЦВЕТАЕВА — РУДНЕВУ

Vanves (Seine)

33, Rue J.B.Potin

в глупую дату 1го апреля

Дорогой Вадим Викторович,

Если у Вас случайно сохранилось мое последнее письмо, там есть зачеркнутое слово. Оно: — *Если <слово подчеркнуто>*

Продолжение: ...Вас огорчат или смутят (за читателей) «попы», можете упразднить всё четверостишие.

Потом я подумала: — Зачем наводить на мысль? — и зачеркнула.

А все-таки вышло — «по-мбему».

Итак, упраздняйте всё четверостишие, — мне, лично, жаль — из-за последней строки, но именно она была бы тяжела — для родителей (ЧЕРВЬ — СЛИШКОМ ЧЕРВЬ!)

Обойдемся без червя.

Пока до свидания — надеюсь, 11го.

Сердечный привет

МЦ.

61

ЦВЕТАЕВА — РУДНЕВУ

Vanves (Seine)

33, Rue J.B.Potin

14го мая 1935 г., вторник

Милый Вадим Викторович,

Вот — корректура, кроме Ваших — поправок нет, только бы не забыли вставить в последнем четверостишии строку!

А письмо Вами пересланное — письмо сумасшедшего математика, всё в алгебре и геометрии, которых я не знаю. Но что сумасшедший — знаю, уже хотя бы потому, что идет со своей «новой математикой» — ко мне, явно не знающей и старой.

— Все-таки неприятно: старый человек и старался: 12 стр-<аниц> мельчайшего почерка.

А моего *родного*, однопородного и, даже, земляка — сумасшедшего (мой отец — того же Шуйского уезда Владимирской губ<ернии>, откуда и он) встретила

дней пять назад в Кламаре, с невероятным глазом, который ему подбил «большевик» в кафе — в ответ на пощечину. (Разъяснения Елены: «они говорили о выборах, он приставал к ним, приставал — они отшучивались, очень мило себя вели. Наконец, я его увела. Но он вдруг заметил, что забыл папиросы. Подкрался к столу — и дал одному пощечину. Тот ответил — в глаз»).

— Звал меня в кафе — знаем мы эти кафе! — я, упорно: нет, злостно ломал мне руку, я — ничего, и в конце концов трижды меня проклял — по французски: — «Je te maudis, je te maudis, je te maudis»*.

Кончится S<ain>te Anne — вне всякого сомнения, удивляюсь, что еще на свободе.

— Ну, вот.

Не нужно ли прозы для следующего №, хотя бы — предположительно. У меня есть: «Встреча с Блоком», которой Вы, кажется, не слышали (читала совместно с Х<одасеви>чем). И есть о Гронском «Поэт-альпинист» — которую бы *сократила*. При случае, отзовитесь.

До свидания! Спасибо за хорошую корректуру

МЦ.

P.S. Встреча с Б<локом> совершенно невинная, без всяких незаконных детей и законных жен, — история моих стихов к нему.

* «Я тебя проклинаяю, я тебя проклинаяю, я тебя проклинаяю» (фр.).

62

ЦВЕТАЕВА — РУДНЕВУ

Vanves (Seine)

33, Rue J. B. Potin

22го мая 1935 г.

Милый Вадим Викторович,

Обращаюсь к Вам с большой заблаговременной просьбой: не могли бы Вы добыть мне в <современных> <записках> 300 фр<анков> авансу к 15^{му} — 20^{му} июня? Под какую-нибудь очередную прозу. Твердо решила этим летом увезти Мура на море, нашла дешевое помещение в Фавьере и уже часть платы — внесла. Но необходимо достать на 2 билета aller-et-retour* в льготном поезде, т.е. 430 фр<анков>, которые нужно внести сразу. Касса на поезд, отходящий 2[8] июня, открывается 21го, поэтому и пишу о 15^{том}. (Сколько цифр!)

Все дело в дороге, ибо стоимость помещения в Фавьере (Средиземное) только на 25 фр<анков> в месяц дороже нашей прошлолетней деревни с запретным (маркизиным!) лесом и загороженным (бычьим) полем.

А там — горы, сосновый лес, песчаный пляж, все в один голос говорят: рай.

Как Вы думаете — есть надежда?

И, если — да, напишите мне, какую из трех вещей Вы хотите? Встречу с Блоком? (никого не компрометирующую), Поэта-альпиниста (сокращенного) — или Чорта (из книги моего детства). Я бы тогда стала переписывать — сейчас, чтобы не везти с собой толстых черновых тетрадей. Напишите — предпочтительно, а то всех трех мне сразу не одолеть.

* туда и обратно (фр.).

С большим волнением жду ответа. 15го думаю устроить еще чтение, — ведь помимо дороги и комнаты на что-то еще нужно — жить. Комната — мансарда, но зато можно стирать и готовить, чего в «хороших» комнатах — не разрешают.

Итак — до письма!

МЦ.

<Поздняя приписка рукой В.В.Руднева:>

1) аванс невозможен под 59 книгу, — пока не обеспечена еще 58-я.

2) Из предлагаемых вещей прошу показать «Чорта», без обязательств пока для меня, размер — не больше 20 стр<аниц>.

63

ЦВЕТАЕВА — РУДНЕВУ

Vanves (Seine)

33, Rue J.B.Potin

21го июня 1935 г.

Дорогой Вадим Викторович,

Мне вчера не удалось подойти к Вам, потому что Вас всю «большую перемену» загораживала г<оспо>жа Федотова. — Я несколько раз пыталась.

Две просьбы:

1) Выслать мне гонорар за стихи (я ведь наскребаю на *train de vacances**)

2) Написать Ваше впечатление о Чорте, применительно к Совр<еменным> Запискам. И что бы Вам — *не* хотелось (ибо *весь* Чорт — велик.)

* поезд во время каникул (*фр.*)

Ну, вот.

Простите, что не послала билета, но совсем заматалась с ежедневными поездками к Муру — на край света, и ежедневно на 3 часа, ибо скучает. Переписку рукописи кончила в последнюю минуту, но дать ее — на прочтение не могла бы, ибо опять оказалась — черновиком.

Сердечный привет

МЦ.

64

ЦВЕТАЕВА — РУДНЕВУ

La Favière, par Bormes (Var)

Villa Wrangel

6²² июля 1935 г.

Милый Вадим Викторович!

Ваше письмо я получила за́ день или два до отъезда — очень трудного — так что при всем желании не могла ответить.

Сейчас нашему Фавьеру уже седьмой день, — обжились: знаем, что на той ферме бывают огурцы, а на той вилле — яйца (чаще не бывает ничего), знаем — впрочем, это я одна знаю, ибо Мур еще не ходок — как идти в Лаванду, т.е. на почту и в кооператив за всем, знаем, что море — всегда на том же месте (не как Океан!), а что змеи иногда появляются — непосредственно под ногой и от испуга — тан[цу]ют: вчера еле успела удержать ногу, с судорожным криком: — Мур! Змея! Назад! — а так как здесь только желтобрюхи в два метра — или гадюки, а змейка была светло-серая и очень остренькая, то ясно, что это — не желтобрюх. (Желтобрюхи подползают к самым дачам и жрут цыплят. Это мне рассказывают

хозяйки пансионов, очень в цыплятах заинтересованные.)

Мур не купается, ибо операции его — всего 20-ый день (поехали на 14-ый — на волю Божию, предварительно еще, в один день, запломбировав три зуба и вырвав — один: бедный мальчик!) — Мур не купается, но полощется и плещется, как само Средиземное море. Жизнь трудна, но окружение — чудесно: сосны (седые, метелками), мирт, бесконечное разнообразие кустов, которых не знаю по имени, море — в 5 мин<утах> спуску, пока — пустынное: только собаки прибегают купаться, или *famille reu-pombrouse**: отец, мать, дитя (сопротивляющееся купанию) — с неперменной собакой.

Живем мы на вышке у Л.С.Врангель, рожд<енной> Елпатьевской, а Елпатьевский и мой отец были двоюродные братья — росли через поле. (Село Талицы, Шуйского уезда, Владимирской губ<ернии>. Лет 70 — назад!) Хозяев еще нет, мы с Муром одни царствуем, к чердачной жаре уже привыкли. Зато — просторно.

Завтра начну переписывать Чорта — Вам на просмотр. Отошлю, примерно, через неделю. Здесь — негде писать (большое), внутри — пёкло, на воле только крохотная площадка от лестницы, на к<отор>ой и примостилась.

Шлю Вам самый сердечный привет

МЦ.

* малочисленная семья (*фр.*).

65

РУДНЕВ — ЦВЕТАЕВОЙ

<Бланк «Современных Записок»>

6, Rue Daviel-Paris (XIII-e)

7.VIII.1935 <г>

Дорогая Марина Ивановна!

Поджидал и письмо вслед за рукописью, но письма так и не было. Пишу поэтому вслепую.

«Чорта» прочитал, впечатление не слабее, чем от Вашего чтения, и отдаю должное Вашей на этот раз покладистости, — Вы устранили то, что могло бы коробить многих по части Вашей антицерковности. Смущает несколько размер (ок[<]оло[>] 45.000 знаков, по-моему) и избытие слов на иностранных языках (*двойной* тариф набора тех строк, где эти слова попадают, — за счет автора).

Соблазняет мысль: не лучше ли опустить страницу 17-ую, — пение матери и Валерии, эпизод, по смыслу мало связанный с темой, и — текст сплошь на двух языках. Что Вы скажете?

Как живетсЯ на юге? Мне кажется, что должно бы быть и для Вас и для Мура хорошо. Писалось ли еще? Стихи? Какое у Вас впечатление от беллетристики в этой книжке «С[<]овременных[>] З[<]аписок[>]», — она вызвала наиболее яростные и похвалы и поношения. <Не окончено>

66

ЦВЕТАЕВА — РУДНЕВУ.

La Favière, par Bormes (Var)

Villa Wrangel

17²⁰ авг[<]уста[>] 1935 г., суббота

Дорогой Вадим Викторович,

Мне ужасно жалко тех полутора страничек про двуголосое пение, тем более, что я после чтения получила *четыре* письма с просьбой прислать текст песни:

Если набор немецких слов – мой, конечно плачú – я, – и вовсе не плачу, потому что эту песню люблю до безумия, и ее *нигде нет*, кроме как в моей памяти, и хочу, чтобы она осталась.

Это просьба.

Сейчас занята своими стихами, запущенными – годы. Прозы не пишу по еще одной причине: отсутствию стола и твердого места. Один стол (кухонный и *весь* распатанный и весь загроможденный) – в комнате без окна, а другой – с другим соломенным таскаюсь по ноголомной лестнице в сад, но так как тоже не стоит, вообще весь – ходит, прислоняю его к огромной кадке (подложить невозможно, у него пляска Св<ятого> Витта) и подперев коленом – пишу. А в кадке живут змеи сына хозяина, а я их безумно боюсь (не хозяев, а змей) верней – меня тошнит от мысли – такого соседства, и я больше думаю о них, чем о стихах, – честное слово. Все время поверх тетради кошусь на бак с *ними*, они – в какой-то жижке, их – три, одна через другую, и Мур говорит, что – свистят.

Живем очень хорошо, единственная беда – продовольствие: почти все утра уходят на доставку. Утешение – дынная и виноградная дешевка, но Муру злоупотреблять нельзя и нужна пища посолиднее, за ней и бегаю, с неизбежным спутником – мешком. (Ах, если бы мне немецкий мешок с ремнями, я с таким бы – танцевала!)

Юг – уже свежее, вечера просто свежие. Был за все время *один* дождь и один – незабвенный – день мистраля. (А змеи, пока пишу, плетут узлы).

До свидания и, если только можете, *подарите* мне эти полторы страницы – как подарок. Если можете.

Сердечный привет и пожелания доброго конца лета.

МЦ.

67

ЦВЕТАЕВА — РУДНЕВУ

La Favière, par Bormes (Var)

Villa Wrangel

21го сентября 1935 г.

Милый Вадим Викторович,

Простите за долгое молчание. Домой возвращаюсь к 1^{му}, во всяком случае — не позже, а так как может быть и раньше — то корректуру лучше туда, т.е.

33, Rue J.B.Potin Vanves (Seine)

А самое лучшее — в самый день приезда извещу Вас, чтобы корректуру чего доброго не переслали мне в Фавьер, если придет на день-два раньше меня.

Посылаю стихи. Если в 4-ой строке 1-го четверостишия преткнетесь о слово СПОРТСМЕДНЫЙ (лоб), то прошу его подчеркнуть, т.е. напечатать в *разрядку*, чтобы остановить внимание. (Игра слов: спортсмэнский — спортсмедный — т.е. медный лоб спортсмэна). В этих стихах — ряд подчеркнутых слов, чтобы знать куда ударять, все эти слова прошу не жирным шрифтом (навязчиво и уродливо) а в *разрядку*: и цель достигнута (остановка внимания) — и вид скромный. А то — жирный шрифт — сразу орет!

Кончается мое фавьерское блаженство и начинается расплата: умножившиеся (морскими ценностями, в частности двумя пробковыми спасательными собственноручными — от сетей — поясами, и ценностями сухопутными: мешками лаванды и эвкалиптового листа) багажи, полная неизвестность расписаний, страх, в Париже, не вместиться со всем этим в такси — и т.д.

Так что последние дни — изгажены.

Слава Богу — обратные билеты есть!

А жаль уезжать: погода — блаженная, пляж — почти пуст и будет пуст — совсем, всюду — ведра и кадушки ви-

нограда, скоро все виноградники будут красными, вообще – осень, мое любимое время года, да еще – морская.

Но Мур рвется в школу – и ничего не поделаешь.

Итак, к 30^{му} – 1^{му} присылайте корректуру в Ванв – к 30^{му} извещу на почту, чтобы пересылку сюда прекратили, не беспокойтесь, будет сделано – и корректуру верну молниеносно.

Сердечный привет – и, еще раз, простите за долгое неотвечание.

МЦ.

О судьбе стихов, если захотите, успеете сообщить мне еще сюда, ибо раньше 27го не тронусь. Но время терпит (особенно после моего промежутка!). А *спортсмедный* подчеркну сейчас: яснее. Только помните разрядку.

<Приписка на полях:>

Умоляю о сохранении под стихами *года*: 1932 г.

68

ЦВЕТАЕВА – РУДНЕВУ

Vanves (Seine)

33, Rue J. B. Potin

3го Октября 1935 г.

Милый Вадим Викторович,

Вот корректура.

Важнейшие пункты:

Стр<аница> 1 – прошу оставить *поддержание*, <отор>ое здесь значит поддержка и являет собою со знательную игру слов.

Стр<аница> 2 самый низ – неясен шрифт, прошу проверить.

Стр<аница> 3 середина: Михаил Иваныча Покровского: м.б. придется заменить Иваныча, ибо речь о впоследствии знаменитом Михаиле Покровском (кажется, советском историке, во всяком случае известном коммунистическом деятеле), <котор>ый и был Валериинным женихом. Мне помнится — Иваныч, но м.б. Михайлыч, выясню и тотчас же извещу.

Стр<аница> 3. Потом, чтобы успокоить читателя, обнаружилось... чтобы успокоить читателя прошу взять в скобки, тогда — ясно. (Отметила на полях, следите, пожалуйста.)

Стр<аница> 7 спасибо за незазубренный рубль. Заменила ОТТОЧЕННЫМ.

Перед ангелами прошу пропуск, ибо новая тема и главка.

То же перед: Вечерами, сначала...

Очень важное на 8 стр<анице> *gar treu*, а не *wag**, как Вы думали, ибо полный текст гётевского стихотворения такой:

Es war ein König im Thule
Gar treu bis an sein Grab**

(*gar* — значит: очень, весьма, сильно. Нельзя опечатки, ибо стихотворение — классическое).

Почему Вы убрали: *Ваня, 1934 г.* Читатель *всегда* радуется времени и месту, а автору это — необходимость.

А что же со стихами? Чем не подошли? Неужели неясно? Или «революционно»? Ведь так сейчас открыто

* «Очень верный», а не «был» <верным> (нем.).

** Далее в очерке шли строки «...den sterben seine Buhle einem goldenen Becher gab». Перевод всей строфы: «Король жил в Фуле дальней, // И кубок золотой // Хранил он, дар прощальный, // Возлюбленной одной» (пер. с нем. Б.Пастернака).

говорит три четверти эмиграции. Я эти стихи читала в Фавьере самой разнообразной публике и они *никого* не задели и *всех* взволновали — и все поняли.

Умоляю к 15^{му} — немножко раньше — аванс к терму, я абсолютно обнищала с переездом. Если можно — 300 фр<анков>. Без них пропаду.

Сердечный привет и спасибо за внимание, корректуру.

МЦ.

Мура без его ведома перевели через класс за отличные успехи. Сидит и учит английские стихи.

<Приписка на обороте листа:>

Восстановите *gar*, боюсь, что выйдет недоразумение.

69

ЦВЕТАЕВА — РУДНЕВУ

15го Окт<ября> 1935 г.

Милый Вадим Викторович,

Приехала за авансом нынче, 15го, в 2^{1/2} ч<аса> дня, согласно Вашему приглашению — письмо оставляю: датировано 14^{тым} и написано: завтра — и *никого* и *ничего*.

Завтра уже выбраться не смогу, потому очень прошу Вас тотчас же выслать мне обещанные 300 фр<анков>.

Корректуру — стихов, сгоряча оставленную дома, вышлю нынче же: поправок нет.

Всего доброго.

Итак, надеюсь

МЦ.

<Приписка на полях:>

Немецкую цитату выправила на Вашем листке.

70

ЦВЕТАЕВА — РУДНЕВУ

Vanves (Seine)

65, Rue J.B.Potin

18ая Октября 1935 г.

Дорогой Вадим Викторович,
По уши виновата — не поблагодарила ни за что,
а благодарна за всё.

Прилагаю — может быть слегка-искупительный — билет на свой вечер стихов — 20^{лв.}

Всего доброго! Не сердитесь.

МЦ.

71

ЦВЕТАЕВА — РУДНЕВУ

Vanves (Seine)

65, Rue J.B.Potin

26ая декабря 1935 г.

Милый Вадим Викторович,
Спасибо, что не сердитесь.
А вот стихи — бесспорно мои *лучшие* за последнее время.

Очень прошу известить о их судьбе.

Сердечный привет и пожелания к Новому Году — что-то даст??

МЦ.

Если стихи подойдут, *умаляю* о корректуре: абсолютно важны знаки, курсив и т.д.

ЦВЕТАЕВА — РУДНЕВУ

Vanves (Seine)

65, Rue J.B.Potin

21²⁰ января 1936 г.

Милый Вадим Викторович,

— Странно. —

Вчера я с утра отвечала на залежавшиеся письма: целых семь, и Вы были седьмым, и я уже не смогла (два раза бегала на почту из суеверного и очень распространённого отвращения к виду запечатанного и неотправленного письма).

Словом, нынче утром Вы были (должны были быть) — первым. И вдруг — Ваше письмо, одновременно с вестью о кончине Георга V.

И я сразу подумала — с большой горечью — о *нашем* царе, его двоюродном брате — как он ужасно умер — и как этот — прекрасно: достойно, спокойно, окружённый любовью семьи и народа — а как были похожи (лицами!)

И еще я подумала, что сейчас — *вся* Англия горюет, а во Франции (республике) никого такого нет, о ком бы она *вся* горевала, наоборот: умри *любой* — три четверти будут радоваться.

Очевидно, в республике нужна *личность*, а в монархии достаточно просто-порядочного человека + *сан*.

Словом, я очень расстроена: 17¹⁰ — Киплинг, 20¹⁰ — король: *два* короля. И король еще 17¹⁰ посылал осведомляться о его здоровье.

Все дни болезни Киплинга мы с Муром читали его книгу Джунглей, он — один том, я — другой. Гениальная книга. Он ведь тоже — из поколения *отцов*, хотя на *английский* лад.

Возвращаю корректуру.

Поправки:

- 1) Из фамильных богатств, (опущена запятая)
- 2) Вы [, <запятая зачеркнута>] (нужно убрать первую
ребенку, поэтом запятую и заменить тире)

Вы – ребенку, поэтом

(это нужно проследить, в корректуре вышло неясно)

- 3) Всё – внушившие – ЧТИШЬ

нужно – ЧТИТЬ

- 4) Поколенью с провалом – (опущено тире)

– И всё –

P.S. ОТЦАМ [. <точка зачеркнута>] нужно уничтожить точку, ибо это – название.

О книгах Муру. Если будет Ваша милость – конечно I т<ом> Войны и Мира: не ему – мне. Ему – рано. Дала ему, напр<имер>, Детство и Отрочество – почему то возненавидел отца (по-мóему – очаровательного) и не стал читать. Должно быть ничего (в таком отце) не узнал. Да и вообще рано – Толстой себя десятилетнего писал не для десятилетних. Да и мир – другой, в к<отор>ом он ничего не узнаёт. А я – всё, п.ч. дом Ростовых – наш дом в Трехпрудном, с сундуками, то полями и слезами. У этих детей – нет дóма.

Итак, очень хочу Войну и Мир – для себя. А Мур пускай растает.

До свидания, сердечный привет и спасибо, что не сёрдитесь – я сама первая на себя сержусь.

МЦ.

P.S. У нас на старом доме – новый №: 65.

73

ЦВЕТАЕВА — РУДНЕВУ

Vanves (Seine)

65, Rue J.B.Potin

12^е февраля 1936 г.

Милый Вадим Викторович,

До сих пор не поблагодарила Вас за Ваш чудный подарок — книги, которые пришли как раз в день Муриного одиннадцатилетия. Читаем — все — с увлечением. (Я, из чтения, люблю только стихи, жизнеописания и путешествия.)

В субботу, 15^е, смотр всем поэтам, старым и малым. Не придете ли? (Где — не знаю, очевидно будет завтра в *Посл<едних> Новостях*.)

Сердечный привет и еще раз, от души, спасибо.

МЦ.

P.S. У нас зверская гололедица, вчера на моих глазах и на моей же обратной дороге — от Mairie d'Issy в Ванв — человек сломал себе ногу и был усажен в автомобиль, который м.б. потом его и *доломал*. Все население ходит в носках или тряпках поверх башмаков, которые в корзиночке несут золу. Я вчера перешеек в *минуту* — ползла *десять*: оледенелая булыжная зыбь.

Впрочем, у вас, в Булони, наверное то же самое?

Да! Вы как-то спрашивали, собирается ли Аля в Россию. Собирается, но — вяло, вроде отдаленных перспектив.

Я — не собираюсь, но когда поеду — то поеду с книжками, с тетрадками.

Получила письмо от сестры из России: живет уроками англ<ийского> яз<ыка> — не только безбедно, но *отлично* (даже есть рояль), этим летом ездила к сы-

ну на Алтай в гости: СКАЗКА: дичь, красота — и T.S.F., электрическая печь — ни грязи, ни мази. (Сын три года на Алтае: начинающий инженер, *не* партийный, а сестра *очень* религиозная и такая же непрактичная, как я. *Очень* зовет меня в Россию: вместе поехать на Алтай. Соблазнительно. Пишет, что лучше Альп. Верю. Землянику киргизята носят *ведрами*.)

74

ЦВЕТАЕВА — РУДНЕВУ

Vanves (Seine) 65, Rue J.B.Potin

2^е марта 1936 г.

Дорогой Вадим Викторович,

У меня к Вам большая просьба: не могли бы Вы *сейчас* выслать мне гонорар за стихи, доведя его (если меньше) до ровной суммы 50-ти франков?

Мне они *до зарезу* нужны, а книга — все равно — скоро выходит.

Я два месяца не платила в школу за Мура и нужно наскрести.

Очень, очень прошу!

Вчера видала старушку — приятельницу Бальмонтов, сейчас живущую с ними. Со вторника Бальмонт в Париже (район Alésia) — сидит в комнате без воздуха, п.ч. на улице даже обе его спутницы с <подчеркнуто два раза> ним не совладают. (Он *восемь* месяцев не пил, а всё еще не забыл!)

Он *совсем* не выздоровел, все время галлюцинирует: видит гоголевскую панночку и просит его перекрестить, часами выстукивает на машинке бессвязные строки, *непрерывно* курит, а если не дают — грозит (он очень сильный), спит по 3 часа в сутки, а все осталь-

ное время — говорит. При нем непрестанно дежурит либо жена, либо та старушка, их, можно сказать — *пожизненный*: всю-жизненный друг. В комнате (одной на всех) огромное окно на асфальтовый двор. М.Н.Лебедева — <отор>ую Вы знаете — бывает у них и говорит, что может кончиться — *трагически*.

Живут они все на *старушкин шомаж*.

Старушку зовут Анна Николаевна, и я знаю ее как скромного, честного, преданного и *абсолютно правдивого* человека.

Что делать???

Подписные листы по заграничным богачам пока не дали ни одного франка.

Возвращаясь к *моим* — умоляю о 50-ти — *возможно скорее!*

Сердечный привет

МЦ.

<Приписка на полях:>

А в Москве — лютая испанка. Боятся *мора*. Говорят — навели *немцы!*

75

ЦВЕТАЕВА — РУДНЕВУ

Vanves (Seine)

65, Rue J.B.Potin

6²² марта 1936 г.

Дорогой Вадим Викторович,

Огромная и насущная просьба: мне необходимо попасть на завтрашний доклад Керенского о Царской семье — это моя тема, у меня есть об этом большая вещь — <отор>ую как раз сейчас привожу в порядок — это не праздное любопытство, а необходимость.

И, конечно — у меня нет билета, п.ч. понадеялась на при входе, а никакого при входе нет и уже все распродано.

Картина ясная: будет толпа — таких же как я желающих, и я сквозь нее во всяком случае не продерусь, и никакие заявления о том, что я — такая-то — не помогут. В таких случаях — все такие-то, *и все пролезают кроме меня.*

Мне нужен билет, о котором — умоляю.

Умоляю ответить мне *рпеи* (не ввожу в расход, п.ч. мне за стихи, по расчету 1 фр<анк> строка, полагается 52 фр<анка> — так пусть недополученные 2 — на *рпеи*) и умоляю ответить *положительно*, т.е. войти в мое положение и *всё* сделать, чтобы меня провести. Как бы ни была полна зала — вместить *меня* она еще может.

Самое лучшее бы, если бы в ответном рпеи Вы указали, где будет билет и когда за ним, — Аля съездит. Только, ради Бога, не «в кассе»! <абзац отчеркнут карандашом>.

Либо — если уж действительно ни одного — однозначную бумажку, но — *верную*: боюсь, что у входа будет полиция, не считающаяся с бумажками.

Вообще, я в таких случаях — совершенно беспомощна: помню, как я в России *неизменно* пропускала свою *законную* очередь.

Сделайте это для своего старого (шестнадцатилетней давности — первые стихи, еще заочные, приехавшие с Бальмонтом — в 1920 году!) — сотрудника, по старой — все-таки дружбе?

МЦ.

ЦВЕТАЕВА — РУДНЕВУ

Vanves (Seine)

65, Rue J.B.Potin

11²⁰ марта 1936 г.

Милый Вадим Викторович,

Во-первых — спасибо: попала — одобрила — и надеюсь еще попасть (17¹⁹).

(Вообще — присылайте мне билеты на вечера С<овременных> Э<аписок> — я ведь ваша долголетняя сотрудница, кроме того — другие писатели ведь получают!)

Во-вторых: очень благодарна буду Вам, если пришлете мне на прочтение (не задержу) книгу Керенского, — я ее никогда не читала, и она мне нужна для проверки других источников. (*Все факты его доклада знала, как Вы и думали, но так как знала из других источников — [что] есть некая объективная правда. Это мне было важно, но в книге конечно подробнее.*)

(Но чудак он — великий. Когда я на перерыве подошла (я когда-то сотрудничала в Днях, и мы вообще встречались) — он очень обрадовался и сразу:

— Пишите, пишите нам! Только не стихи. И не прозу.

Я: — Так что же?

— Общественное!

— Тогда *Вы* — пишите *поэмы!*

(Он засмеялся, я тоже.)

Третье.

Оставьте мне, если можете, в следующих С<овременных> Э<аписках> *лист* на прозу — хочу написать о только что умершем в Петербурге поэте Михаиле Кузmine — свою единственную встречу с ним в Петербурге, в войну.

Больше листа не будет, но и меньше — нет: он, *дом*, где мы встретились, *эпоха*, его стихи (чтение вслух) — хочу дать островок.

Очень благодарна буду, если отзоветесь — что Вы об этом думаете. И не забудьте книгу К<ерен>ского.

Сердечный привет и еще раз благодарность, — билет.

МЦ.

77

ЦВЕТАЕВА — РУДНЕВУ

Vanves (Seine)

65, Rue J.B.Potin

3го апреля 1936 г.

Милый Вадим Викторович,

Когда Вам нужна рукопись о Кузmine?

Я сейчас так вовлеклась в свою большую поэму, что без срочной — или полу-срочной — необходимости не выберусь. (Мне ведь ее нужно переписывать.)

Кроме того, мне необходимо ее — до напечатания — в целях заработка *прочсть*. Когда — номер?

Если нужны и стихи — известите.

В книге К<ерен>ского — ничего нового, но мне нравится общий (человеческий) тон, а кроме того — она мне вроде *сводки*.

Большое Вам за нее спасибо: *обернула* — и скоро верну.

Итак, жду весточки и сердечно приветствую.

МЦ.

М.б. увидимся на Лифаре?

<Приписка на полях:>

P.S. Если обнаружите меня на Лифаре (ложа № 2) окликните, пожалуйста, а то ведь я — слепая.

78

ЦВЕТАЕВА — РУДНЕВУ

Vanves (Seine)

65, Rue J.B.Potin

12²⁰ апреля 1936 г., первый день Пасхи

Христос Воскресе, милый Вадим Викторович,
Что же Вы меня обманули? Или — забыли?
В пятницу я ждала Вас. По условленному, с 4 ч<асов>
и даже до 7 ч<асов>, и был даже пробный кулич.
И Мур ждал, т.е. на каждый стук выбегал.

Надеюсь, что Вы здоровы, и неприход — случайный.

Только что закончила свое о Бальмонте — для вечера
«Поэту — писателю» (*хорошее* — название!) — минут на
15 чтения.

Вчера стояли с Муром в нашей трубецкой Кламар-
ской церкви, верней — перед нею — и вспоминали, как
лет пять подряд стояли так — с Бальмонтом.

И вдруг сторел — запольхал и пропольхал — боль-
шой одинокий рыжий фонарь в черном кусту.

— Жду весточки.

МЦ.

79

ЦВЕТАЕВА — РУДНЕВУ

Vanves (Seine)

65, Rue J.B.Potin

22⁴⁰ апреля 1936 г., среда

Милый Вадим Викторович,

Кузмина — и страничка о Гронском — и стихи — всё принесу на Бальмонта, ибо раньше, все равно, не доперепишу.

Тó, о Гронском, вышло моим невольным ответом на Газданова, но *без* противопоставления *его* правды — *моей*: ибо 1) он говорит о прозе — я о поэзии (а это — разное) 2) он говорит о немощных, я показываю — мощь: человека — смогшего. *Давшего*. Я говорю о самой сути лирической поэзии: ее — *от всего* — свободы, ее — *по существу* — одиночности — и одинокости.

Словом — прочтете.

А о прозе — я, боюсь, — ничего сказать не смогу, ибо *мая* проза — та же лирика, либо — мысль, а обе эти вещи *с местом* не связаны.

Кроме того, всегда защищая слабых — в жизни (слабые *в жизни* обыкновенно бывают сильные в духе) — обиженных, униженных, оскорбленных и побежденных — я никогда не защищаю слабых в творчестве, т.е. духовную слабость.

— Вам дана полная свобода писать всё. Почему же вы не пишете? — Потому что нам *не* о чем!

— Значит, вы — нищие.

Я этого не говорю, п.ч. говорить такое — [больно], я этого не пишу — лежачего не бьют! — но защищать этого духовно-лежачего — я *не могу*, — п.ч. его *не понимаю*. Я, сама, в своей трудной и даже невыносимой жизни — завалена богатством *тем*: *всё* — тема! что — *не* тема?! И Гронский был такой — избыточный.

Трагичен случай, когда человек, задыхающийся от избытка, приставлен к станку или припаян к шоферскому рулю, — но такого среди молодых писателей — нет: большинство даже не шоферы и время у них на кафе есть, а духовного (и творческого) избытка — нет.

Им *не* помочь. И в России они будут писать так же безлично, — только *общественное*, от чего — не легче. Всего этого — в отзыве о Гронском — *не* пишу. Показываю обратное — мощь.

Очень прошу Вас (*и заклинаю* — не потерять дорогой! — единственный экземпляр), а все черновики сожгла жена — ушедшая к другому: потому и открыл под Новый — 1934 — Год — газовый кран!). Стало быть, очень прошу Вас принести на Бальмонта — Обедню.

Только Вы меня на Бальмонте *сами* окликните: я — слепая.

Если же на Бальмонте — *не* будете, буду у Вас в субботу, в 11 часов утра (6, Rue Daviel) — с рукописями и за рукописью.

Очень интересно — как Вам понравилась или *не* понравилась «Обедня». У меня другая его рукопись есть — «Записки безработного» (была, в переводе, напечатана в Esprit, — на русском — нигде.)

Итак — до пятницы, 24го.

Сердечный привет

МЦ.

80

ЦВЕТАЕВА — РУДНЕВУ

Vanves (Seine)

65, Rue J.B.Potin

6²² мая 1936 г., среда

Милый Вадим Викторович,

Получила письмо и корректуру.

О Есенине, в Нездешнем вечере, я сознательно не распространяюсь, ибо мне нечего сказать о нем хорошего: я его знала *годы* (1916 г. — 1922 г.) и все годы подряд дивилась *малости* этой личности, *мелкости* ее. Поэтому ни словом не отозвалась на его смерть: не смогла, ибо кроме: «как жаль! такой молодой! и такой даровитый поэт!» — ничего бы не смогла сказать, а это — меньше, чем ничто — для человека, знавшего — *годы*. Ряд же живых его высказываний — о людях: о друзьях (Блоке, Леониде К<аннегисере>, Айседоре Дункан) — я просто унесу с собой в гроб, чтобы не унизить понятия поэта.

Отзыв о Гронском. Во-первых — я говорю о *поэте* и, раздвигая это слово: о *лирической сущности*, Газданов же и другие молодые прозаики — *бытописцы*. (Конечно, могла бы прибавить, что и *быт* не ограничивается бытом своего отечества (не забудьте, что речь больше об отечестве, чем о родине: многие из молодежи родины просто не помнят, а молодой Савинков кажется и родился в Париже — между тем его книга *неотличима* от книг *советских* молодых поэтов, просто — написана там.) Итак, и бытописец не обречен на исключительный быт своего отечества. Ремизов — самый русский из писателей! — *отлично* дал немецкий и бретонский быт — и дал его *по-русски*. Но я *нарочно* не трогала бытописателей, чтобы не оказаться заодно с *заинтересован-*

ными нападчиками, ибо для меня это – вопросы творческие, человеческие, а отнюдь не политические.

Убеждена, что Газданов себя задетым не почувствует, а Эйснер, напр<имер>, – почувствует – очень, ибо я говорю о поэтах, и ей-богу не знаю, что мне можно возразить.

...Могу, конечно, приписку или вставку: де вполне одобряю мужество и скромность Гайданова, но – боюсь – не будет ли хуже? Ибо, по слову обо мне – 19 лет назад – Бальмонта:

КОЛИ СКАЖЕШЬ – БУДЕТ ЛИШКУ,
КОЛЬ СПОЕШЬ – ТАК СЛИШКОМ ЗВОНКО,
ТЫ ПОХОЖА НА МАЛЬЧИШКУ,
ХОТЬ ПРЕЛЕСТНА – КАК ДЕВЧОНКА!

Мальчишки и девчонки – отпали, но *лишку* – осталось. Итак, думайте.

В корректуре Нездешнего вечера два важных места. Одно на стр<анице> 2 (вторая половина) – Моя реплика: Я: – Это был Есенин! поставлена в строку, а нужно отдельно, п.ч. весь диалог – отдельно. Я поставила такой знак ~ Я: – ЭТО БЫЛ ЕСЕНИН!

Другое, на стр<анице> 3 – опущено слово ДРУГОМ (в стихах Германии)

В ✓ ЗАБЫТОМ ГОРОДКЕ ✓ ДРУГОМ

(Есть еще пропущенные слова, везде вставлены.)

И, главное:

Стр<аница> 6 последняя – низ:

Везде где СМЕРТЬЮ надо ЖИЗНЬЮ (ошибка уже – моя) т.е. должно быть:

И – ВСЕ ЗАПЛАТИЛИ. СЕРЕЖА И ЛЁНЯ – ЖИЗНЬЮ, ГУМИЛЕВ – ЖИЗНЬЮ, ЕСЕНИН – ЖИЗНЬЮ

(Тут – смысловая ошибка, за выразительностью незаметная. Ибо отдают жизнь, а не смерть.)

Ну, вот.

Буду ждать корректуры стихов и Гронского. *Не бойтесь*, что меня неверно поймут: Гилпиус, Бунин и все им-подобные *никогда* не примут меня за своего, а молодежь — за врага. Я просто говорю — правду.

До свидания, корректуру вышлю завтра — не позже.

Да! У меня только I часть > Записок безработного, не знаю — дописал ли он их, могу осведомиться, тогда — вещь большая. Та часть, <котор>ая у меня — *очень мрачная и сильная*. Зря не взяли Обедню, в ней же никакого богоборчества, только одиночество и страдание.

Назначьте мне, пожалуйста, *день и час* — только *наверные!* — когда я смогу получить аванс (просила бы — весь гонорар) — только не позже 15го, если можно <абзац отчеркнут сбоку карандашом>.

Всего доброго

МЦ.

81

ЦВЕТАЕВА — РУДНЕВУ

Vanves (Seine)

65, Rue J.B.Potin

17го мая 1936 г., воскресенье

Милый Вадим Викторович,

Вот стихи.

Порядок напечатания — таков:

РОДИНА

ДОМ

ОТЦАМ

Это необходимо.

Очень буду просить Вас о корректуре стихов — и Гронского. Вернусь я не позже 1го июня. Мой брюссельский адрес:

*M<ada>me Wolters
Pour M<ada>me Zvëtaïeff
47, B<oulevard>d S<ain>t Michel
Bruxelles
Belgique*

Корректуру — если спешно — смело шлите туда, ибо неизменно приходит на другой день, и я *тотчас же* верну, на этот раз — не забыв (забыла я тогда только из-за этой самой поездки, а там стол у меня будет — чистый).

Вчера Аля ездила за-город и привезла *ведро* ландышей: я ничего подобного в жизни не видела и — не обоняла: *мы* должны пахнуть до самой Porte de Versailles.

Итак, буду ждать корректуры — там, или уже здесь — Вам виднее.

Как Вам понравился Степанов? Узнаю про рукопись и напишу.

Сердечный привет и пожелание хорошего отдыха.

МЦ.

Не потеряйте адреса. Он годен с 21го.

82

ЦВЕТАЕВА — РУДНЕВУ

Vanves (Seine) 65, Rue J.B.Potin

июня 1936 г.

Милый Вадим Викторович,
Вернулась и я, *очень* довольная Бельгией (и жизнью, и видами, и людьми) и даже с тоской по ней.

Но сначала о корректуре:

Опечаток нет, но

1) в стихотворении ДОМ прошу печатать строки подряд, без промежутков, т.е. не четверо- и двуступищами, а сплошь, — так выходит маленькая поэма. И — зрительно приятнее: единство. Это я в корректуре и отметила и надписала. Другие два с вилками, т.е. как отмечено Вами.

2) Вместо Из стихов «Отцам» я поставила просто — Отцам. Так получается цикл: Родина — Дом — Отцам.

3) — и в главных:

При перечтении Гронского я увидела некую небольшую смысловую неясность и *уточнила*, но пришлось вырезать и вклеить, ибо был ряд *маленьких* вставок и замен, к<отор>ые могли бы сбить наборщика с толку. (Стало — не длинней, но — куда ясней! И мне *очень* нравится формула: ПОДНОЖНЫМ КОРМОМ ВРЕМЕНИ И МЕСТА)

Сейчас перевожу два лучших и труднейших стихотворения Пушкина — для юбилейного бельгийского сборника 1937 г., а именно: песню из Пира во время Чумы (Когда могущая зима — Как бодрый вождь ведет сама — и т.д.) <приписка на полях, вставленная в текст> — и Пророка. Счастлива, что дали их — мне.

И дорабатываю *свои* отдельные стихи.

О лете не знаю ничего.

Мур одет — и это большое достижение.

Скоро пришлю Вам (с возвратом) статью Бема о сборнике Якорь, там есть лестное (NB! *всё* льстит моему *сердцу* и *ничто* — моему самолюбию) обо мне, т.е. о Современных> Записках. Редакции будет приятно. Но самое интересное — на обороте.

До свидания. Кончаю с листком

МЦ.

<Приписка на полях:>

А П.П.Гронский — *совсем* плох: *убила* — смерть сына!

83

ЦВЕТАЕВА — РУДНЕВУ

<4го июля 1936 г.>

Милый Вадим Викторович,

Сердечно жалею, но книгу доставить *не могу*, только что вернулась из города и получила рпеч (6 ч<асов> веч<ера>), а завтра утром уезжаю на 3 месяца с Муром в деревню — и сейчас *последняя* уборка и укладка.

Простите.

Книгу поручу Але Вам отвезти завтра — или еще кому-нибудь — книга будет доставлена не позже понедельника, — это *всё*, что я могу сделать.

<На обороте открытки:>

Мой адр<ес>

18, Rue de la Tannerie

*chez M<ada>me V<eu>ve Thierry**

Moret-sur-Loing

(Seine et Marne)

Сердечный привет — и простите

МЦ.

84

ЦВЕТАЕВА — РУДНЕВУ

Vanves, 5го авг<уста> 1936 г.

Милый Вадим Викторович,

Простите за долгое молчание. Всё получила: письмо, журнал и оттиски.

Я временно в Ванве, потом мы с Муром м.б. опять уедем, но, пока, адрес — ванвский.

*У вдовы Тьерри (фр.).

В Moret оказалось очень сыро, у Мура стали болеть колени, и я испугалась ревматизма. Непременно напишу Вам подробно о журнале — вот только немножко справлюсь с домом.

Письма оттуда — замечательные: в них говорит — эпоха. Но та «Аня» — вовсе не Ахматова (под измененными именами узнала, приблизительно, всех). Есть там и обо мне (и сестре).

Писавшая их — большой друг Гершензона и некоторых еще ныне здравствующих писателей.

Сердечный привет!

МЦ.

P.S. Совершенно пуст рассказ Сирина. Но обо всем подробно — в другой раз.

85

ЦВЕТАЕВА — РУДНЕВУ

Vanves (Seine) 65, Rue J.B.Potin

23²⁰ сент<ября> 1936 г., среда

Милый Вадим Викторович,

- 1) Буду у Вас на Daviel завтра, в четверг, к 3 ч<асам>.
- 2) Теряюсь в догадках — что бы такое могло случиться с «Современными» Записками? — кроме обычного: нет денег.

Словом, завтра побеседуем. Стихи доставлю завтра же. Только будьте непременно, мне очень трудно выбирать: я только что вернулась и полны руки работы по дому.

Сердечный привет!

МЦ.

86

ЦВЕТАЕВА — РУДНЕВУ

<22 января 1937 г.>

Дорогой Вадим Викторович,

Стихи к Пушкину (около 200 строк) получите завтра в пятницу — завезу их сама в Земгор (David) около 3 часов — хорошо бы, если бы Вы там были, но если не можете — оставлю.

Я сейчас вся в Пушкине: французские переводы и русская проза (буду читать в феврале) — *Мой Пушкин*, а еще *три печи*, — потому и не писала.

Всего доброго! Итак, завтра в пятницу стихи у Вас.

МЦ.
Четверг

87

ЦВЕТАЕВА — РУДНЕВУ

Vanves (Seine) 65, Rue J.B.Potin

2^е февраля 1937 г.

Дорогой Вадим Викторович,

На Пушкине *не* рассоримся (поздно уже!) — найдем способ сговориться и помириться.

Предлагаю в первом стихотворении выпустить четверостишия — *личные*, слишком *в упор*.

Ох, бродатые авгуры
Томики поставив в шкафчик
Поскакал бы, Всадник медный

Перечтите *без* них — и увидите, что стихи *уже* приемлемы. Неприятны, скажем, но — приемлемы.

Очень хотелось бы оставить: Уши лопнули от вопля...

Не будьте *plus royaliste que le Roi!** Ходасевич — пушкинянец — а стихи — приветствует! В этом ни один слой эмиграции, лично, *не* задет.

Два последних: 1) Что вы делаете, карлы, и «Пушкин — тога» и т.д. остаются непременно. Первое (золото и середина) — формула, а второе — конец, без конца — нельзя.

Видите, я сразу пошла навстречу — шагните и Вы. Иначе ведь — *цензура*, то, от чего так страдал Пушкин.

Так никто лично не задет. «Карлы» — не эмигрантская специальность, они всегда и всюду. А «попугай» — есть ведь и *обиднее*, и они тоже — везде и всюду: там и здесь, тогда и сейчас.

Думайте и отвечайте поскорее.

Я бы на Вашем месте — *пошла* на уступку. Может — и с пометкой несогласия, это — вполне законно. Хотя — *с чем тут* <подчеркнуто два раза> не соглашаться?

Жду

МЦ.

* более роялистом, чем короли (*фр.*)

Приложения

Марк Вишняк

В.В.РУДНЕВ

С Вадимом Викторовичем Рудневым впервые я встретился ранней весной 1905 г. в Москве. Состоялось сравнительно многолюдное нелегальное собрание московской организации эсеров, к которым незадолго до этого я примкнул. Руднев привлек к себе мое внимание своей внешностью и почтительным отношением к нему со стороны окружающих.

Молодой, подвижной, с продолговатым лысым черепом и крупным, крутым лбом, он очертанием головы и светлой бородкой клинышком чем-то напоминал Ленина, хотя общие черты его лица были много мягче, выразительнее и несколько не походили на монгольские. Что еще бросалось в глаза — это его синие-синие глаза и иногда обворожительная, почти детская улыбка.

По тому, как к товарищу Бабкину относились руководители эсеров, я мог понять, что он незаурядная личность. Но я никак не думал, что он такой же новичок в партии, как и я. Вскоре по личному опыту я мог убедиться, что иссиня-детские глаза Руднева способны иногда приобретать серостальной отблеск и, суживаясь, пронизывать собеседника твердым и сверлящим взглядом. Убедился я на опыте и в том, что собою представляет Руднев как общественный и партийный работник. Он неизменно председательствовал на собраниях пропагандистов и на других партийных собраниях, на которых я присутствовал. И он не только председательствовал, а активно руководил работой, направлял, контролировал и зачастую распекал работников.

Мне не приходилось видеть, чтобы кто-нибудь был в претензии на тов. Бабкина. И не потому, конечно, чтобы тот был всегда прав или чтобы другие не были чувствительны к его замечаниям и поправкам. А потому, что все видели, как Руднев сам работает, — не щадя себя физически и морально и дополняя критику самокритикой.

Мало кто знал, как не знал тогда и я, что, выбиваясь из сил на партийной нелегальной работе, Руднев одновременно переживал сложную личную драму: его будущая жена расходилась с первым мужем, земляком и другом Руднева, тоже врачом и эсэром, Э.В.Шмидтом, с которым они ежедневно встречались по партийным делам.

Руднев был и оставался всю жизнь человеком долга, и то, что он считал долгом своим или окружающих, он проводил настойчиво, самозабвенно, порой неистово. Ему многое прощали потому, что видели, как строг и требователен он к самому себе. Он пользовался всеобщим уважением и авторитетом, но мало кто был с ним интимно близок: входя во все детали работы, Руднев сохранял определенную дистанцию между собой и другими. И я, часто общаясь с Рудневым на деловой почве, в течение десятилетия находился от него на почтительном расстоянии.

В конце лета 1905 г. Руднев и его будущая жена с мужем очутились все вместе в таганской тюрьме, из которой их освободил Манифест 17-го октября. Мое нелегальное положение тоже кончилось, и общение с Рудневым возобновилось. Руднев стал приобретать более широкую известность как признанный руководитель московской организации с«оциалистов»-р«еволюционеров», на короткое время вырвавшихся из подполья на открытую политическую арену. Он был занят днями и ночами. Ему не давали ни отдыха, ни срока, всем было до него дело. Добивались от него решения и совета, и он вынуждался всех выслушивать и входить часто в малоизвестные ему вопросы и дела.

Руднев не был оратором. Слово давалось ему с трудом. Он и не любил публичных выступлений. Но когда приходилось выступать, его доклады были всегда содержательны и убедительны. Он не обходил острых вопросов и не укло-

нялся от посильного на них ответа, который давал со всей присущей ему вздумчивостью и добросовестностью. Последнее подкупало — выступления Руднева производили впечатление и на не согласных с ним. Еще менее охоч был Руднев к выступлениям в печати — до самого возникновения «Современных Записок». Составить воззвание или написать листовку было для него очень трудным делом, и он почти всегда препоручал его другим, за собой оставляя и бережно отстаивая свое право просмотра написанного и контроля — чтобы исправить, опустить или прибавить.

Вместе проводили мы дни и ночи во время декабрьского восстания в Москве, пока Руднева не выбила из строя случайная пуля, попавшая ему в мизинец правой руки, когда он шел по одному из переулков Тверской улицы. Рана была несерьезная, но две фаланги пришлось ампутировать, и это изобличало его причастность к восстанию, что в те дни грозило смертью.

Мы встретились с ним в Финляндии на Иматре, куда оба (третьим был Фондаминский) попали в качестве делегатов московской организации на первый съезд партии с.-р. Руднев обращал на себя всеобщее внимание: сам по себе и как делегат от «героической» Москвы, непосредственно пострадавший от восстания. Его немногочисленные выступления на съезде были не слишком яркие, но, как всегда, серьезные и продуманные. Они носили скорее левый отпечаток, в частности, в земельном вопросе: Руднев был сторонником призыва к крестьянскому восстанию немедленно, ближайшей же весной (1906 г.). Это не было мнением большинства съезда.

По возвращении — разными путями — в Москву нам с Рудневым предстояло дать отчет избравшим нас членам московского комитета о том, что происходило на съезде. Найти помещение для нелегального собрания в Москве того времени было делом нелегким. На помощь пришла «товарищ» Зинаида Жученко-Гернграсс, давняя сотрудница охранного отделения не из корысти, а по убеждению. Руднев благополучно закончил свой доклад, а я только успел подняться, чтобы приступить к своему, как в комнату ворва-

лись запушенные снегом городовые с примкнутыми к винтовкам штыками. Впереди с никелированным револьвером в руках неся охранник, который, завидя перевязанную руку Руднева, торжествующе бросился к нему:

— А, раненый!..

Руднева отправили в таганскую тюрьму, нас — в арестное помещение при полицейской части. Мы были разлучены на 11 лет. Руднев снова был сослан в Сибирь (в первый раз он попал туда по студенческому делу в 1902 году вместе с Церетели, Мееровичем, братьями Будилович и др.) — на сей раз в Якутскую область.

Отбыв 4-летний срок, Руднев отправился за границу, в Швейцарию, закончить начатое десятилетием раньше в Москве медицинское образование. Объявление войны застало его в Базеле. Он готовился к выпускным экзаменам. Война чрезвычайно обострила в Рудневе патриотическое чувство. Присущая ему скромность не располагала к тому, чтобы он писал о себе. Тем большего внимания заслуживает его статья «Двадцать лет тому назад», напечатанная в № 56-м «Современных Записок» в 1934 г. Здесь он рассказал о «двойственном следе», который оставила в его душе революционная деятельность 1905-6 гг. «Правда, это были годы большого душевного подъема, идеальных устремлений, жизни в атмосфере революционного братства. Но была и обратная сторона, горькая и мучительная. Дело даже не в понесенном революцией 1905 года поражении. Тяжелее было сознание, что в эти годы не произошло у нас и настоящей встречи, взаимного понимания с народом, действительным, а не созданным интеллигентской выдумкой. А тут еще подоспела азефовская история. Перспектива вновь вернуться в отравленную атмосферу подполья казалась нестерпимой».

И во время войны с Японией Руднев, в отличие от многих эсеров и других, был патриотом, не считаясь с тем, что во главе страны стояла, по его словам, «ненавистная нам антинародная власть». Новая война 1914 года в связи с разочарованием в бывшей революционной деятельности обострила в Рудневе патриотическое чувство и открыла

возможность легальной работы в народе, для народа, с народом. Он был мыслями и планами в России, чувствовал себя чуждым эмигрантской психологии. В своем патриотизме Руднев превзошел даже ближайших своих друзей и патриотов-оборонцев Авксентьева и Фондаминского, о чем не без внутреннего удовлетворения не забыл упомянуть и через 20 лет. «Мое место в час испытаний для моего народа там, в России, вместе с ним на предстоящем ему крестном пути», — говорил он себе. Поэтому «надо бросить все свои университетские планы и возвращаться на родину».

Идея родины была для Руднева первее и выше «заветов» социалистического интернационализма. Руднев с присущей ему совестью тут же допускал, что его «сознание» того времени в значительной мере определялось «бытием» легального человека, «не успевшего оторваться от непосредственного чувства русской стихии, в любое время имевшего возможность вернуться в Россию и могущего выбрать связанную с наименьшими компромиссами форму приятия войны (на врачебно-санитарном фронте). Может быть, поэтому я мог легче решать проблему для себя утвердительно: да, во имя защиты России от нападения внешнего врага допустимо временное, на период войны, перемирие с врагом внутренним».

Но решение вернуться в Россию, чтобы зачислиться добровольцем для службы на фронте в качестве фельдшера или санитаря, — как ратник ополчения Руднев не подлежал призыву и вызову из-за границы, — Руднев принял без «хозяина». Поданное им прошение в российское посольство в Берне натолкнулось на отказ: военно-санитарное ведомство в Петербурге, «отдавая должное патриотическим побуждениям» Руднева, вежливо отклонило его предложение. «Поверить в искренность этих побуждений у революционера там, очевидно, никак не могли», — с горечью заключил Руднев. Все же, хоть и с запозданием, он выполнил свое намерение. Сдав докторские экзамены, Руднев вернулся в Россию и поступил врачом на госпитальное судно, плававшее по Волге.

Отныне патриотизм и оборончество стали излюбленными темами Руднева. Вместе с идеями образования широкого общественного фронта, эволюционного и реформистского социализма и положительной роли религиозного сознания, они составили тот комплекс идей, из которых Руднев исходил и к которым постоянно возвращался в своей последующей общественной, политической и литературной деятельности.

Февральские события 17-го года застали Руднева и меня в Москве. Бывшие до того в рассеянии эсеры инстинктивно потянулись друг к другу. И после десятилетней разлуки мы встретились с Рудневым вечером того дня, когда в Москву пришла весть о революции в Петрограде. Путем самозарождения возник комитет помощи с.-р., и его возглавил тот же тов. Бабкин, ставший доктором Рудневым. Вместе с другими погрузился он в партийную работу, стараясь, как в пятом году, присматривать за всем: как восстанавливаются утерянные связи с рабочими на фабриках и заводах, какой тактики держаться эсерам в кооперативных организациях, как реорганизовать городские и земские учреждения и т.д. Мне Руднев поручил «поставить» ежедневную газету. Это было несравненно легче сказать, чем сделать: газету приходилось создавать из ничего — не было ни копейки денег, ни типографии, ни бумаги, ни квалифицированных сотрудников. В «Дани прошлому» я рассказал, как в газете «Труд» я стал «и швец, и жнец, и в дуду игрец». Для уточнения прибавлю, что, не будь постоянного и настойчивого понукания со стороны Руднева, «Труд» не возник бы и в том несовершенном виде, в каком он существовал в течение первых недель.

В суматошные мартовские дни было не до личных встреч и бесед по душам. Обменивались не столько мнениями, сколько репликами на ходу и в заседании. С отъездом моим в Петроград мы с Рудневым оказались разделены и топографически. Меня не было в Москве, когда эсеры проводили выборы в городскую думу, давшие им оглушительную победу и посадившие в кресло городского головы В.В.Руднева. Я посвятил этому небольшую статью в «Деле Народа», поздравив его с великой честью, а Москву — с хорошим вы-

бором. В очередной свой приезд по делам московского самоуправления в Петроград Руднев благодарил за статью, но, улыбаясь, тут же пожурил за то, что я выдал его возраст, — «хозяин» Москвы должен быть в летах. На радостях мы перешли с Вадимом на «ты», — это было в последний раз, когда близость оформилась для меня таким образом.

За время революции мне с Рудневым приходилось встречаться очень редко: на партийном съезде и государственном совещании в Москве, на демократическом совещании и, уже после большевистского переворота, на земско-городском «соборе» в Петрограде. Да и встречаясь, мы успевали обменяться лишь приветствиями, рукопожатиями, репликами. И Октябрь мы переживали раздельно. Руднев возглавил сопротивление захвату власти в Москве.

У меня нет собственных впечатлений о его деятельности в те дни. Приведу всего один эпизод, характеризующий Руднева как человека и как политика, со слов малорасположенного к эсерам и к Рудневу лично летописца. Эпизод произошел 28-го октября 17-го года в помещении Московской городской думы. К Рудневу как городскому голове явилась делегация Военно-революционного комитета, большевики Ногин и Ломов. Сгрудившаяся около кабинета головы толпа стала недвусмысленно проявлять свои враждебные чувства к делегатам. Положение становилось угрожающим, и, чтобы предупредить худшее, Руднев выхватил у соседа револьвер и заявил, что тут же покончит с собой, если будет допущено какое-либо насилие над делегатами. Руднев не успокоился, пока не проводил посланных до занятой ВРК территории. (С.П.Мельгунов. «Как большевики захватили власть», стр. 315).

Это было, может быть, типично для Февраля, но типично и для Руднева: самоубийство он предпочитал убиению других, особенно делегатов, хотя бы они были большевиками.

В Рудневе сочетались противоречивые черты. Он был порой до застенчивости скромн и совестлив и в то же время мог быть неуступчивым и авторитарным, упорно настаивать на своем и придирчиво следить за тем, чтобы то, что

ему казалось нужным и правильным, исполнялось именно так, как он того желал и требовал. Руднев был не единственным среди эсеров, исповедовавший православие и соблюдавший все предписанные церковью обряды. Но он один из немногих стал после революции как бы подчеркивать свою принадлежность и верность православной Церкви. Он неоднократно вспоминал о речи, произнесенной им в качестве городского головы при открытии Собора в Москве 15-го августа 17-го г. В православии Руднев видел не одно только выражение абсолютной истины, но и живую связь с русским народом, с верованиями и бытом масс, оторванность от которых Руднев ощутил еще в революцию пятого года и продолжал остро ощущать в годы эмиграции. Руднев глубоко чтит уходящее в заоблачные высоты богопознание Булгакова и Бердяева, с которыми поддерживал и личные связи, — Булгаков был его духовник и исповедник. Но для себя лично он считал обязательным — и достаточным — исповедание веры «по-бабьи», как он говорил, — как то делали отцы и деды и простой русский народ.

После одержанной большевиками победы в Москве Руднев перебрался в Петроград и здесь вскоре возглавил работу эсеров по подготовке открытия Всероссийского учредительного собрания. Большинство фракции принадлежало к так называемому правому крылу: из руководящего 25-членного Бюро, за исключением В.М.Чернова, редко посещавшего собрания фракции, и неизвестных мне по партийной ориентировке Романенко и Быкова, — все остальные принадлежали к так называемым правым эсерам. Авторитет Руднева во фракции и в Бюро стоял очень высоко, и Руднев был бессменным председателем на собраниях многолюдной фракции эсеров. Он активно участвовал и в работах различных комиссий. Опасаясь прямого насилия со стороны большевиков, мы всячески убеждали Руднева отказаться от явки на заседание Учредительного собрания. Когда он наотрез отказался внять нашим уговорам, его избрали одним из той «пятерки», которой фракция поручила руководство в самом заседании Учредительного собрания. Появление Руднева вызвало яростное улюлюканье

со стороны большевиков. Собрание то и дело прерывалось угрожающими выкриками: «рудневцы». Выкрик этот звучал не то как призыв к расправе, не то как напоминание об одержанной в Москве победе над «социал-предателями», осмелившимися восстать против «рабоче-крестьянской власти». Когда крики большевистских дикарей сделались нестерпимыми, Руднев уступил настояниям друзей и покинул Таврический дворец.

Большевистские ищейки с особенным рвением гонялись за Рудневым. Он тщательно поэтому скрывался и появлялся только на деловых собраниях «Союза Возрождения» или 8-го Совета партии. Когда постановлено было, чтобы эсеры, члены Учредительного собрания, направились за Волгу, Руднев на полгода исчез с моего горизонта. Однако и ему (в «паре» с Е.А.Сталинским) не удалось переправиться «на ту сторону». Встретились мы с ним уже в Одессе тогда же, когда встретились с Фондаминским, накануне нового 1919 года. Здесь Руднев как бывший городской голова Москвы возглавил Союз городов, который вместе с Земским союзом, «Союзом Возрождения» и антибольшевистскими политическими партиями старался, как мог, наладить хозяйственную и политическую жизнь на свободном от советской диктатуры юге России. Это удавалось плохо, — и объективно вряд ли могло удалиться. Тем не менее Руднев не сдавался. Его снедала тревога за участь жены, взятой большевиками заложницей за него и находившейся в московской тюрьме. И все же каждый день Руднева можно было видеть на посту в Бюро земств и городов, не считавшегося со своими личными моральными и физическими лишениями, — Одесса уже подмерзала и подголаживала. Он не переставал и других побуждал делать то, что можно было делать. Так продолжалось три месяца, когда Одесса внезапно была эвакуирована французами и греками и отдана большевикам. 5-го апреля 19-го г. Руднев эвакуировался из Одессы вместе с Фондаминским, Алексеем Н. Толстым, Алдановыми, Цетлиными и другими. Все они попали на о. Халки близ Константинополя, а оттуда через Марсель — в Париж.

Как и я, Руднев оказался в Париже в трудном положении. У нас обоих не было никаких средств, не было и перспектив получить заработок — в частности из-за недостаточного знания французского языка. И свой первый гонорар я получил из того же источника, что Руднев, — но узнал о том много позднее.

Д-р Н.С. Долгополов, депутат 2-й Государственной думы эсеровской фракции, предложил мне собрать документы и составить записку о требованиях, которые различные национальности России предъявляли к заседавшей в ту пору Версальской конференции мира. Это было очень интересное и нужное задание*. Одновременно Долгополов поручил Рудневу, своему земляку и приятелю с гимназических лет, регулярно составлять по лондонскому «Таймсу» сводки об отношении Англии к русским делам: к большевикам, антибольшевикам, «единой-неделимой» России, расчленению и т.д. Только позднее мне стало известно, что д-р Долгополов свои «заказы» раздавал не по своей инициативе, а по поручению правительства ген. Деникина, у которого одно время ведал здравоохранением.

Вскоре Руднев получил более постоянный заработок. М.М. Винавер решил издавать в Париже «Еврейскую трибуну» на русском языке и пригласил Руднева на должность секретаря. Эту службу Руднев отказался оставить и тогда, когда возникли «Современные Записки», мотивируя отказ тем, что предпочитает отдавать «Современным Запискам» время и силы в порядке общественного служения, а не по служебной обязанности.

* В миссиях и представительствах, часто самозванных, которые выпускали меморандумы с географическими картами и требованием признания за отдельными частями России сепаратного существования, я обыкновенно просил дать мне два экземпляра — второй для себя. Так собралось два с лишним десятка меморандумов, не лишенных историко-политического интереса и позднее приобретенных у меня Русским архивом в Праге. С передачей архива Советам набор этих меморандумов должен сейчас находиться в одном из книгохранилищ в Москве. — *Примеч. авт.*

Революционеров часто упрекали в безответственности. К Рудневу этот упрек не мог быть никак применен: он был постоянно озабочен справедливым решением личных и общественных проблем, пытливо допрашивая не только других, но и самого себя по всякому поводу. Все приобретало в его сознании значение проблемы, потому что в решение всякого вопроса он вносил элемент личной ответственности. Он не переставал взвешивать и колебаться, боялся принять решение не по недостатку мужества — мужества у него было предостаточно, — а из-за заботы о других и за порученное ему или возложенное им на себя дело. И настолько очевидной была гипертрофия ответственности, которой страдал Руднев, что и политические противники обвиняли его уже не в безответственности, а, наоборот, — в «боязни ответственности» и вытекавшей из нее нерешительности.

В сохранившемся у меня письме Руднев писал: «...необходимость вложиться в это дело целиком для моего разума уже совершенно ясна; решение же и напряжение воли — пока еще недостаточны; могу и остыть, опустить руки, — и нахожу опасным длить в себе это состояние колебания. Если решаться, надо решаться скорее и отрезать своим сомнениям пути».

В.В.Руднев не был Гамлетом. Наоборот, он был волевым и нередко упорствующим. И если «румянец воли» его по временам увядал, происходило это не столько от «бледного луча размышлений», сколько от раздвоения совести, от моральных сомнений.

* * *

У каждого из нас был свой подход к редакторским правам и обязанностям. Фондаминский часто принимал рукопись, не читая, по одному имени автора. Он воздерживался и от того, чтобы склонять сотрудника писать на нужную журналу или читателям, по мнению редакции, тему. И писать он предоставлял каждому, как тому вздумается. Исправлять рукописи он поэтому считал почти никчемным занятием, особенно если автор не новичок и тем более с именем. Только резкости Фондаминский неизменно вычеркивал,

когда наталкивался на них в рукописи, которую прочитывал по настоянию других редакторов.

Такое отношение к чужому творчеству было, вероятно, внутренне связано с отношением Фондаминского к собственным писаниям. Он придавал огромное значение форме своих статей. Начиная с того, что «начитывал», по его выражению, все, что мог найти в литературе вопроса и делал пространные выписки из прочитанного. Потом некоторое время вынашивал свои мысли — вернее, «выхаживал» их, шагая из конца в конец комнаты. После этого принимался облекать надуманное в письма. В дальнейшем он писал как бы с разбега, перечитывая раньше написанное, иногда целые страницы, чтобы восстановить прежний ритм. Это была довольно трудная работа, требовавшая много времени и большого напряжения. Предъявляя такие требования к своим писаниям, Фондаминский никогда и ни за что не соглашался на какие-либо изменения или сокращения: ему казалось это как бы святотатственным покушением на свободу творчества, и он предпочитал отложить статью, но не разбить или оборвать ее в ущерб построению или ритму.

У Руднева подход был противоположный. Он считал не только своим правом, но и моральным долгом следить за тем, что и в какой форме появляется в редактируемом им журнале, считал себя ответственным «общественно-политически» и «литературно», как значилось на обложке «Современных Записок». Он отталкивался от неприемлемого для него содержания так же, как и от неудовлетворительной или неудачной, на его взгляд, формы изложения. Отсюда и его правка рукописей, иногда, может быть, и основательная, но без достаточного учета вкуса и стиля автора, что вызывало не раз справедливое недовольство и даже нарекания.

Если Фондаминский, фактически отказываясь от редактирования рукописей, как бы перекладывал ответственность с себя на сотрудников, Руднев, наоборот, снимал с авторов долю их ответственности, обременяя ею самого себя.

Я держался — во всяком случае, старался держаться — средней линии: избегал чрезмерной терпимости Фонда-

минского и излишнего, как мне казалось, ригоризма Руднева. Поступавшие рукописи я считал своим правом и долгом редактировать, но лишь в случаях крайней необходимости — грамматической, стилистической, политической. По существу же того, с чем я не соглашался, я сосредоточивал свои возражения на самом для меня неприемлемом. Однако я вынуждался часто удовлетворяться тем, что выход своим чувствам и мыслям давал в очередной статье. <...>

* * *

Как руководитель «Современных Записок», Фондаминский считал, что знает лучше других не только то, что объективно нужно журналу, русской культуре, общественности и т.д., но и то, что на пользу каждому редактору и сотруднику. В этом бывало иногда и нечто положительное. Когда, например, стали появляться отзывы о «Современных Записках», и в частности, не всегда отрицательные отзывы о моих статьях, Фондаминский воспринимал их как долю признания его самого. И он был прав. При общем, в конце концов, безразличии всех ко всем, особенно в тягостных условиях эмигрантского быта и бытия, идейно-сочувственная активность составляла редкое исключение. Я знал теорию Фондаминского о том, что люди не выдерживают правды. Знал, что его уговоры и поощрения исходят не из тех соображений, которые он высказывает вслух в интимно-доверительном порядке мне о других, а другим обо мне, и тем не менее не мог не ценить того, что он побуждал меня писать и тогда, когда моя публицистическая энергия направлялась против духовно близких ему идей и лиц. Без его настойчивого поощрения некоторые статьи, вероятно, не были бы написаны вовсе.

И на В.В.Рудневе лежала в «Современных Записках» специальная задача — тяжелая и неблагоприятная.

Почти все свое время, остававшееся от службы в «Еврейской Трибуне», а потом в Земско-городском союзе, Руднев уделял журналу. Внимательно читал и правил поступавшие рукописи и с большим напряжением сам писал на разные

темы. Недооценивая свои писания, он характеризовал их так: «Я пишу публицистические статьи, отнюдь не претендующие на научность. Но, затрагивая интересующие меня и, как мне казалось, нужные для журнала темы, я по необходимости вдаюсь в сферы для меня, профана, опасные, — то в экономику, то в юриспруденцию... Оправданием для меня является то, что для нашего направления и для затрагивавшихся мною тем наших специалистов я не вижу, не знаю. Обращение же к специалистам не нашего круга, как тебе известно, сопряжено с известными затруднениями, особенно в таком остром вопросе, как религиозный... Помимо вкуса к чистой публицистике (вроде «Сложение сил» и т.п.), мне кажется, приличное выполнение таких тем еще больше требует одаренности, чем моя смешанная публицистика» (6.XII.28).

Существует мнение, что «широта фронта», которая обеспечила «Современным Запискам» «успех у читателей и репутацию не только лучшего журнала в зарубежье, но и одного из лучших в истории всей журналистики» (я цитирую «Русскую литературу в изгнании» Глеба Струве), — что этим журнал обязан «в первую очередь Фондаминскому и Рудневу». Ни в какой мере не умаляя заслуг того и другого, скажу, что это верно в отношении Фондаминского и неверно в отношении Руднева. «Большинство» — двое против третьего — складывалось по-разному. «Миросозерцательно» Фондаминский и Руднев были против меня — или я против них. Политически же мы с Рудневым и в доновоградские времена были против Фондаминского, увлекавшегося «революционным сознанием». Наконец, в вопросах литературы и художественной критики я, как правило, бывал солидарен с Фондаминским, и мы были против Руднева, наиболее среди нас «принципиального» и тем самым наименее терпимого.

Писание все-таки давало Рудневу удовлетворение, и чем дальше, тем увереннее и лучше стал он писать. Но на нем лежала и гораздо менее приятная задача — добывание необходимых журналу средств. Прага наводила все большую экономию и сокращала помощь русским эмигрантским уч-

реждениям в Чехословакии и особенно за границей. И дотации «Современным Запискам» все уменьшались, в то время как расходы по изданию журнала — типография, бумага, оплата авторов при возрастающей дороговизне — все увеличивались. В течение годов Руднев вел огромную и утомительную переписку со всеми, кто прямо или косвенно мог содействовать продлению жизни «Современных Записок»; журнал не раз дышал на ладан из-за отсутствия средств.

В. Рудневу приходилось много раз ездить в Прагу и в личных беседах доказывать, уговаривать, просить, обещать, драматизировать, «браниться» — всеми силами «вымогать», как он выражался, необходимые суммы. Надо было знать Руднева, чтобы по справедливости оценить его усилия. Это было совершенно не в его натуре, стиле и духе. Но он не отступал и, не считаясь с временем, трепкой нервов и душевным пассивизмом над собой, снова и снова писал, приставал и в конечном счете — с затяжками, сокращениями, предупреждениями, что это уже окончательно в самый последний раз, — все же добивался очередного продления существования «Современных Записок». Руднев ни в какой мере не был дипломатом, не любил и не умел лавировать и маневрировать, дорожил достоинством, своим личным и общественным, журнала, и все же вряд ли кому удалось бы успешнее справиться с лежавшей на нем мучительной и неблагодарной задачей. Он героически боролся за сохранение «Современных Записок».

Естественно, что он стал своего рода Иваном Калитой в «Современных Записках». Фондаминский был исключительно щедр на авансы и гонорары — особенно сотрудникам, которых считал нужными и ценными для «Современных Записок». Руднев, наоборот, противился выдаче крупных авансов — «не отработают» — и не соглашался на увеличение гонорара, считая, что авторы тем самым подсекают тот сук, на котором сидят вместе с журналом. Он старался навести экономию на всем, где можно было и где нельзя было — без риска потерять Степуна, заведовавшего литературно-художественным отделом «Современных Записок». «Отложив этот вопрос на несколько месяцев, мы длим это положение

Марк Вишняк

все с меньшей степенью оснований еще два года», — писал он 2.V.30. «Голосую за прекращение (ежемесячного вознаграждения в 200 франков), мотивированное материальной стесненностью журнала (что верно, — стоимость издания выросла, тираж не поднялся значительно, запасной капитал исчез)».

Так жили-были «Современные Записки».

Василий Яновский

ИЗ КНИГИ «ПОЛЯ ЕЛИСЕЙСКИЕ»

Руднев был деликатнее Вишняка, осторожнее, глубже, но, в сущности, страдал той же болезнью непогрешимой «принципиальности». Он только стелил мягче и умел выслушать человека, не сразу прерывая его. Когда Руднев заявлял: «Этого я не понимаю...», то, естественно, всем объяснениям наступал конец. Эти люди, в целом как поколение на редкость ограниченные, главным образом полагались на свой разум. То, чего Зензинов «не понимал», не существовало, не должно было существовать в приличной литературе.

Был Руднев честнейшим, порядочнейшим русским интеллигентом, социалистом, земским врачом. Мне случалось видеть на лице его следы подлинного страдания, когда он возвращал рукопись молодому писателю, которого считал талантливym. Но увы, «этого я не понимаю...»

Долг прежде всего, причем долг именно в собственной интерпретации, без поправок и компромиссов.

Бытовым образом В.Руднев тяготел к православию, любил русскую церковь и ходил туда по большим праздникам; но не понимал, как это можно спорить о религии или заниматься теологическими тонкостями. Религия — частное дело гражданина, личное! Она должна быть отделена от государства и всей общественной жизни человека. Более преступную чепуху трудно себе представить, хотя исторически она, по-видимому, оправдана.

Разумеется, при таких настроениях появление Бердяева, Федотова и мистически настроенной молодежи в недрах «Современных Записок» (и из номера в номер) можно считать за чудо! Здесь сказалось влияние Фондаминского.

Впрочем, время работало всецело, увы, недолго, на нас. И к 1936 году появились книжки журнала без единого «старики», все сплошь молодежь. А в статьях только «мистики и мракобесы». Никаких Шмелевых, и даже без Алданова. А тема Учредительного собрания незаметно сменилась мистикой демократии, равенством Богом сотворенных душ и грядущим тысячелетним идеалом.

И Руднев с Вишняком не могли не почувствовать себя обойденными...

* * *

У Convention, чуть ли не напротив редакции «Чисел», жил В.В.Руднев. Я любил эту бездетную, тихую, приветливую чету русских интеллигентов, народников, либералов и прочее.

Однако роль Вадима Викторовича в «Современных Записках» казалась мне вредной.

Руднев не скрывал, что стихов он «не понимает», и он не вмешивался в отдел лирики. Но о прозе и он, и другие редакторы, увы, имели определенное мнение...

— Вот Вадим Викторович верующий православный, — с облегчением объяснял Вишняк, — а он вполне согласен со мною, что эту метафизику печатать не следует!

Правда заключалась в том, что Руднев, связанный бытовым образом с русской церковью, считал, однако, что религиозные вопросы не являются предметом рассуждений или споров. Вера — это личное дело человека! Высказываться на эту тему при посторонних даже неприлично...

За стаканом красного вина с неприхотливою закускою мы старались мирно беседовать, не слишком раздражая друг друга: по существу я уважал в нем честность, стойкость, неподкупность и какую-то особенную, давно исчезнувшую «старорежимную» бескорыстную чистоту. Связывала нас и медицина: он был московским, кажется, земским врачом и понимал лекарскую деятельность вроде некоего служения... Трогали Руднева, вероятно, и чрезмерные лишения, выпавшие на долю всего моего поколения.

Его жена, низенькая, коренастая — типичная русская женская фигура — с ясным, «честным» взглядом, мирно прислу-

шивалась к нашей беседе. Благодаря медицине в каждой стране, куда меня забрасывала судьба, я сразу попадал в гущу реальной коренной жизни и видел подошлеку, скрытую от глаз иностранных наблюдателей. Мой опыт иной раз мог показаться интересным.

У Руднева, помню по рукопожатию, был какой-то дефект в пальце, кажется, недоставало части правого мизинца. Детей у них, как полагалось в той среде, не было. Чем это объяснить, не знаю, но факт, что Вишняк, Николаевский, Зензинов, Алданов, Фондаминский и многие, многие другие никогда живого потомства не производили, мне кажется совершенно поразительным и требующим истолкования.

После бегства из Парижа Руднев долго хворал в По; его оперировали, но безуспешно. Умер, как полагается русскому революционеру, в ссылке, непрестанно хлопоча о других (помогал и мне с визою). О его последних днях хорошо рассказывала Извольская, жившая тогда в По.

Елена Извольская
ПОСЛЕ РАЗГРОМА
(Из воспоминаний о Франции)

В По в то время собралось немало русских, бежавших из Парижа. Мы составляли тесную дружескую семью. В небольшой усадьбе на окраине города помещалась русская детская колония. Благодаря гостеприимству руководительницы и ее сотрудников «детский дом» сделался центром русской жизни в По. На старом разбитом рояле русский пианист, пришедший пешком из Парижа, дал ряд замечательных концертов. Он играл, и под его пальцами старый рояль превращался в мощный инструмент. Мы толпились в саду, наслаждаясь тихой пиренейской ночью и слушая Шумана или Шопена.

Раз в неделю мы собирались на лужайке «детского дома», чтобы вести «философические беседы» под старой яблоней. Мы так их и называли — беседы под деревом. Они продолжались все лето и осень, а когда детская колония переехала в Париж, мы стали собираться у себя дома. Религиозный мыслитель, находившийся среди нас, прочел нам ряд блестящих докладов. Известная писательница читала вслух свой неизданный труд о Пушкине, пианист говорил нам о музыке. Мы инстинктивно чувствовали, как нужно нам сплотиться, чтобы пережить все то, что грозно на нас надвигалось: голод, холод, материальные трудности, а главное, быть может, муку вынужденного бездействия. Ибо мы все давно лишились наших профессий и обычных занятий. На наши беседы каждый приходил озабоченный и усталый: кто простоял целое утро в хвосте, кто рыскал весь день под дождем за вязанкою дров, кто промучился в полиции в ожи-

дании разрешения на право жительства. Но тут мы забывали о всех невзгодах. Мы дышали свободнее. Помнится, только раз мы расстроились: писательница прочла нам о дуэли и смерти Пушкина. Мы слушали ее с глубоким волнением, да и у самого автора были на глазах слезы. Думаю, мы никогда так остро не ощущали нашу связанность, духовное родство, основанное на общей любви к русской культуре. Когда все другое было потеряно, она одна продолжала существовать.

* * *

В По нам пришлось оплакивать В.В.Руднева. Вадим Викторович приехал в По еще летом вместе с женой, покинув Париж в исключительно трудных условиях. Хотя здоровье его было уже подорвано, он казался еще бодрым и энергичным. Он бывал на «концертах» и на «беседах под деревом». Иногда он заходил ко мне, так как с исключительной заботливостью относился к моему желанию выехать в Соединенные Штаты. Он сообщал мне все американские новости, и я, в свою очередь, делилась с ним всем, что получала от нью-йоркских друзей. Трудно передать, какую ценность представляли для нас эти узкие конверты с пестрым ободком Air Mail. Я до сих пор не могу смотреть на них с безразличием. Эти письма приносили нам уверенность, что когда-нибудь начнется для нас новая жизнь.

Руднев уже знал, что он обречен, но мы этого не подозревали. Он жил высокой, сосредоточенной духовной жизнью. Всем тем, которые его видели в эти дни, он вспоминается как человек замечательного мужества, на котором лежала печать религиозного просветления. Он был поглощен мыслью о судьбах Европы и Франции. Он верил в ее грядущее возрождение и страстно его желал. Помнится, как после одной из наших бесед, посвященной религиозной теме, он в течение многих часов гулял с одним из присутствовавших на докладе, обсуждая его тезисы. Его волновала проблема христианства в современном мире, он искал путей, которые могли бы превратить его в мощное духовное орудие борьбы против тоталитарного варварства. Это не были отвлеченные рассуждения. У него

был живой религиозный опыт, ощущение, что это и есть в наши дни самое главное.

Каждый из нас сознавал это, провожая на кладбище гроб Руднева, покрытый русским флагом. Мы все знали его по Парижу и по «Современным Запискам», знали его самоотверженное служение культуре. Но тут, в По, мы как-то особенно к нему привязались. Он стал для нас символом русской гуманистической культуры, ценнейшего русского духовного наследия. Мы шли за гробом под мелким осенним дождем. Темные тучи заволокли Пиренеи, которые он так любил; перед нами тянулась хмурая аллея чужого кладбища. И меня охватила мысль, что нужно найти те пути, на которые В.В.Руднев указывал в предсмертных беседах. Точно он нам завещал что-то, от чего нельзя отказаться.

Так духовное лицо Франции и духовное лицо русских во Франции сливаются для меня в одно целое. Этот «голый год», последовавший за разгромом, был для меня насыщен особым воздухом. Материальная разруха, человеческая слабость, закат большой европейской нации... Да, все это было и порой казалось нестерпимым. Но было и другое: выявление глубоких сил морального сопротивления, сплоченность и непобедимая воля людей, преданных до конца своему делу и своим идеалам.

От редакции «Нового журнала»

ПАМЯТИ УШЕДШИХ

За те полтора года, которые прошли со времени французской катастрофы, умерло много выдающихся русских людей. Отсутствие в Европе русской печати не дало возможности откликнуться на их смерть. О них не было там не только некрологов, но даже траурных объявлений. Теперь, несколько запоздало, мы считаем печальным долгом помянуть их хотя бы кратким словом.

Один из замечательных русских людей ушел из жизни в лице Вадима Викторовича Руднева, скончавшегося 19 ноября 1940 года на юге Франции, в По, от рака. Покойный был врач по образованию, но никогда не занимался практикой и работал только в области земско-городской медицины да в качестве военного врача в прошлую войну. Жизнь свою он отдавал другому: борьбе за свободу, служению народу, общественности. Таков был путь многих интеллигентов его поколения. Уже в юности он участвовал в студенческом движении, в известном Союзе землячества, был исключен из университета, сослан. Очень скоро он присоединился к партии эсеров и всю жизнь был преданным и верным ее членом. Но партия была для него не самоцелью, как для иных партийных людей, а только средством служения России: он был патриотом в лучшем значении этого слова.

Вадим Викторович родился 5 января 1879 г. в Воронежской губернии, но почти вся его жизнь была связана с Москвой. Там он учился, там работал и боролся, не раз бесстрашно глядя в глаза опасности и смерти. В 1905 году он состоял членом московского комитета партии и во время декабрьского вооруженного восстания был ранен. В последующие

годы он был членом организационного бюро и потом центрального комитета партии, был не раз арестован и провел много лет в якутской ссылке. О том, как его ценили его товарищи, можно судить по тому факту, что некоторые выдающиеся члены партии намечали его на роль главного политического руководителя ее, способного объединить различные ее течения. После Февральской революции В.В. был избран городским головой любимого им города — Москвы и на этом посту проявил выдающиеся организаторские и политические способности. В своей политической деятельности он умел соединять разумную умеренность и редкую в русском деятеле склонность к практическим компромиссам с твердой убежденностью и преданностью идеалам свободы. Так же мужественно, как в 1905 году против самодержавия, сражался он в 1917-м против новых, злейших врагов демократии и свободы — большевиков. Политическим и военным центром защиты была городская Дума и городской голова Руднев. Большевики победили. Однако сторонникам Временного правительства, под его руководством, удалось добиться почетных условий капитуляции, и все они, начиная с него самого и до юнкеров, засевших в Александровском училище, были отпущены на свободу. Он вышел из здания Думы последним. Некоторое время Вадим Викторович продолжал жить в Москве, руководя еще полулегальной тогда борьбой с новым режимом. Он был избран в Учредительное собрание и присутствовал на единственном его заседании. Но в конце концов он вынужден был бежать сначала на юг, где он продолжал борьбу как член Союза городов и Союза Возрождения, а оттуда, когда все возможности деятельности были исчерпаны, — за границу, в Париж.

В годы эмиграции В.В.Руднев отдал свои недюжинные силы двум задачам — работе в Земско-городском союзе и изданию «Современных Записок». На обоих этих поприщах роль его была выдающейся и работа — непрерывной и энергичной. Все эти годы он был членом исполнительного комитета Земско-городского союза, являвшегося главной организацией культурной и материальной помощи русским беженцам и их детям, своеобразным министерством труда, специально-го обеспечения и народного образования эмиграции.

Но ближе, чем эту сторону его деятельности, нам пришлось наблюдать работу Вадима Викторовича как редактора «Современных Записок». Он был с самого начала членом той группы, которая создала этот прекрасный журнал, верный лучшим традициям русских «толстых» журналов и не знавший себе соперников на Западе. Главная его задача была сохранение ценностей русской культуры и объединение ее носителей в едином широком фронте; и эта задача журналом выполнялась. Он много писал в нем, особенно внимательно следя за Россией и за русской современностью. Но главная его работа была не писательская. Роль его в руководстве журналом была велика, особенно в последние годы, когда он был секретарем редакции и делал всю техническую и административную работу по журналу.

В.В.Руднев любил журнал исключительной и, можно сказать, ревнивой любовью и вкладывал в дело его редактирования все свои душевные силы. Эти силы были немалые. В эмиграции, в ее безвоздушном пространстве, пропорции изменяются и возможности ограничены. Все силы, которые в России В.В. вкладывал бы, вероятно, в общественную деятельность большого масштаба, он отдавал ведению журнала. Не было труда, не было усилий, которых ему было бы жаль для него. Он лично переписывался со всеми авторами, обмениваясь иногда по поводу какой-либо статьи не одним, а целым рядом писем. Когда выходила очередная книга, многие авторы делились с ним своими впечатлениями от нее (регулярно делал это покойный А.А.Кизеветтер). Эти письма и ответы на них В.В. разрастались иногда до размеров небольшой статьи. Он вкладывал порой в оттенки направления, во внутриредакционные споры все то напряжение, которое политический деятель вкладывает в парламентскую борьбу, и всю фанатическую страстность, которая издавна характерна для русской интеллигенции.

Предыдущая деятельность В.В. не подготовила его для роли редактора большого журнала. Он получил типичное образование русского интеллигента его времени. Но будучи очень одаренным человеком, он за границей чрезвычайно развил и свой вкус, и свое миропонимание. Те, кто работали с ним, удивлялись правильности его суждений даже в об-

ласти художественной литературы. Журнал, в особенности русский журнал за рубежом, является как бы сосредоточием многочисленных духовных течений и флюидов. Вадим Викторович постепенно делался центром этой духовной лаборатории.

Французская катастрофа глубоко потрясла В.В. физически и душевно. Ему вместе с женой пришлось пройти пешком больше 500 километров, порой спасаясь от обстрелов немецких аэропланов и ночуя в открытом поле. Но еще тяжелее были душевные разочарования. В.В. был человеком открытого ума и духа, он видел, что тяжкие удары поставили под сомнение многое из того, что составляло содержание его жизни. Но он был глубоко религиозен, и это давало ему духовные силы пережить случившееся без все отравляющей горечи. Он оставался чужд и резкого осуждения Франции и французского народа, которых он продолжал глубоко любить. В.В. один из первых получил политическую визу в Америку, но колебался, ехать ли. Он мечтал о том, чтобы на время осесть в глухой деревне, затеряться в ней и отдаться работе над книгой о Москве в дни октябрьского переворота по личным воспоминаниям и материалам, которые он сумел собрать и сохранить. Судьба не позволила ему осуществить это намерение, которое никто другой не сможет выполнить так, как сделал бы это он. Вадим Викторович тяжело заболел.

Непоколебимая православная вера облегчила ему тяжелые страдания последних недель. Когда он узнал, что ему предстоит операция, он принял это известие спокойно и мужественно, но ни минуты не верил в возможность своего выздоровления. Он был полон только заботы о жене, верной подруге всей его жизни, и о том, чтобы оставить в образцовом порядке свои литературные и общественные дела. Прощаясь с жизнью, он подолгу сидел в парке, любовался Пиренеями в последние теплые дни южной осени.

Таких людей единого устремления и непрестанного общественного служения уже немного осталось в жизни, и убыль каждого — невосполнимая потеря. Выдающаяся личность Вадима Викторовича не забудется в истории русской общечеловечности.

Примечания

Письма М.И.Цветаевой к В.В.Рудневу, публикуемые впервые, печатаются по копиям, сохранившимся в Русском архиве в Лидсе. Пунктуация и орфография авторов приведена в соответствие с современными нормами, с сохранением индивидуальных особенностей в тех случаях, где это не мешает пониманию текста. Явные смысловые и грамматические описки устранены без оговорок. Подчеркивания в письмах выделяются курсивом, двойные и тройные подчеркивания оговариваются. Для раскрытия авторских сокращений используются угловые скобки; квадратные скобки служат для воспроизведения возможных вариантов слов или пропущенных частей текста.

Письма, опубликованные ранее, печатаются по текстам первой публикации с исправлением неточностей по копиям с оригиналов.

Впервые — письма 6, 10, 15–17, 19, 21, 22, 24, 25, 27, 31, 39, 40, 48, 50, 51, 53, 54 — *Новый журнал*. 1978. № 133. С. 189–211 (публикация Г.Лимонт); письма 37 и 47 — *Звезда*. 1995. № 2. С. 87–89 (публикация Е.И.Лубянниковой и Л.А.Мнухина), письма 49 и 52 — *Новый журнал*. 1990. № 178. С. 268–269 (публикация В.Крейда). Письмо 31 печатается с исправлением датировки.

Письма 11, 26, 28 В.В.Руднева к М.И.Цветаевой печатаются по тексту их первой публикации — *Новый журнал*. 1990. № 178. С. 263–267; письмо 18 — по тексту СС-7. С. 254–255. Остальные десять писем печатаются по сохранившимся в Русском архиве в Лидсе их черновикам.

Во всех случаях унифицированы формат и датировка писем.

Составитель выражает огромную благодарность хранителю Русского архива в Лидсе г-ну Ричарду Дэвису за предоставленные копии писем М.И.Цветаевой и В.В.Руднева, разрешение их к публикации и за помощь в работе над ними, А.Н.Грачевой и В.К.Лосской за ценные советы при подготовке комментариев, Т.А.Горьковой за помощь при составлении, подготовке текста и комментариев, З.Н.Атрохиной, Т.Н.Полуэктовой, Н.В.Рыжак и С.В.Шамановой за помощь при подготовке рукописи.

Примечания

Список сокращений

ЗК – *Цветаева М.И.* Неизданное. Записные книжки: В 2 т. М.: Эллис Лак, 2001.

П-мо – письмо.

Саакянц А. – *Саакянц А.* Марина Цветаева. Жизнь и творчество. М.: Эллис Лак, 1997.

СС – *Цветаева М.И.* Собрание сочинений: В 7 т. М.: Эллис Лак, 1994–1995.

СТ – *Цветаева М.И.* Неизданное. Сводные тетради. М.: Эллис Лак, 1997.

Ст-ние – стихотворение.

НАДЕЮСЬ — СГОВОРИМСЯ ЛЕГКО

1

С. 13. *Очень жаль, но других стихов у меня сейчас нет... много времени ушло на переписку.* — Ответ на просьбу В.В.Руднева прислать «2–3 стихотворения» из новых для очередного 51-го номера «Современных записок». К тому времени редакция журнала уже получила от Цветаевой ст-ние «Дом» («Из-под нахмуренных бровей...», 1931) и написанный ею в октябре 1932 г. цикл из четырех ст-ний под названием «Ici-Haut» («В поднебесье» — *фр.*), посвященный памяти Максимилиана Александровича Волошина (1877–1932) — поэта, друга Цветаевой. По соображениям объема цикл не был принят редакцией, а разбивать его, как следует из п-ма, Цветаева не сочла возможным. Опубликованным в этом номере журнала в разделе поэзии остался лишь «Дом».

... прошение в Союз Журналистов. — 6 января 1933 г. Цветаева написала прошение: «Прошу уделить мне пособие из сумм, собранных на новогоднем писательском вечере. Материальное положение мое крайне тяжелое» — и просила Руднева передать его в Комитет помощи ученым и журналистам. Руднев выполнил просьбу Цветаевой, передав ее п-мо в правление Союза русских писателей и журналистов (см. примеч. к п-му 3). К началу 1933 г. функции Комитета помощи по распределению пособий среди писателей перешли в ведение Союза русских писателей и журналистов (СС-6, 664). Благотворительный новогодний вечер-бал Союза русских писателей и журналистов состоялся традиционно 13 января в зале отеля «Лютесция».

Примечания

Адрес до 15 прежний. — До 15 января Цветаева жила по адресу: Clamart, 101, rue Condorcet.

2

С. 14. ...а вот и I часть> Волошина. — Очерк о М.А.Волошине «Живое о живом». Опубликован в № 52, 53 «Современных записок».

...статью для Нового Града... — Статья «Эпос и лирика современной России», опубликована в журнале «Новый град» (Париж. 1933. № 6, 7). «Новый град» — философский, религиозный и культурный обзор (журнал), выходил в Париже (1931—1939). Его редакторами были И.Бунаков (Фондаминский), Ф.А.Степун и Г.П.Федотов.

...вместо НАСЕДАЮЩИХ — ОБСТУПАЮЩИХ. — В ст-нии «Дом» («Из-под нахмуренных бровей...») в строках «Меж обступающих громад — // Дом — пережиток, дом — магнат, // Скрывающийся между лип» и т.д.

...чтобы мне выдали СКОРРЕ. — См. примеч. к предыдущему п-му.

3

С. 14. ...вышел январский №, я еще не получила. — Речь идет о № 51 «Современных записок», который вышел в феврале 1933 г.

С. 15. *От Писателей, с вечера, пока ничего...* и т.д. — На распределение пособий писателям из средств, полученных от новогоднего бала, у правления Союза уходило, как правило, две-три недели. Тем не менее Цветаева беспокоилась за судьбу своего прошения. 31 января 1933 г. она пишет в п-ме Борису Зайцеву: «Обращаюсь к Вам с большой просьбой, — не поможете ли Вы мне получить деньги с Писательского вечера? Руднев передал мое прошение когда и куда следует, — недели три назад — но это было уже давно, и никакой присылки не последовало» (СС-7, 439). П-мо Б.К.Зайцева с ходатайством удовлетворить ее прошение Цветаева 4 февраля 1933 г. переправила генеральному секретарю правления Союза русских писателей и журналистов Владимиру

Феофиловичу Зеелеру (1874—1954), и в тот же день Ариадна Эфрон, дочь М.Цветаевой, по доверенности получила от правления Союза 160 франков (СС-6, 665; СС-7, 441).

4

Датируется по содержанию с учетом предыдущего и последующего писем.

С. 15. ...*как и эти, что посылаю.* — Не совсем ясно, какие стихи имеются в виду. Из тех, что уже «подошли», видимо, речь идет о ст-нии «Дом» (1931, а не 1928). См. примеч. к п-му 1. Что касается вновь посланных Цветаевой ст-ний, то в следующем, 52-м номере журнала было опубликовано лишь одно ст-ние 1918 г. («Стихи растут, как звезды и как розы...»). Дальше, вплоть до 1935 г., стихи Цветаевой в журнале не печатались. В последующих номерах шла ее проза.

Горячая просьба о корректуре... — Речь идет о корректуре первой части «Живое о живом» (для № 52).

5

С. 15. ...*ушел на уплату мёдонских...* — До Кламара Цветаева в 1927—1932 гг. жила в другом предместье Парижа — Мёдоне.

С. 16. *Ремизов где-то... добыл о т срочку.. всех налогов.* — Ремизов Алексей Михайлович (1877—1957) с 1923 г. жил в Париже. Как нигде официально не работающий (безработный), он был по поданному им самим в мэрию заявлению от налогов освобожден. Цветаева не имела подобных льгот, возможно, по причине того, что ее муж, С.Я.Эфрон, время от времени был трудоустроенным (окончив кинематографические курсы Пате, недолго служил во французском кинематографическом обществе, затем в частной лаборатории и т.д.).

Посылаю почти всего Макса... — См. примеч. к п-му 2.

С. 16. *Только что получила отписки...* — Скорее всего, речь идет об отписках окончания статьи «Искусство при свете совести» и ст-ния «Дом» («Из-под нахмуренных бровей...»), опубликованных в только что вышедшем № 51 «Современных записок».

...отзыв Адамовича. — Адамович Георгий Викторович (1894 — 1972), поэт, литературный критик. Вел литературный отдел парижской газеты «Последние новости». В своих регулярных заметках о «Современных записках» откликался на все публикации Цветаевой в журнале. В рецензии на очередной номер (№ 51) Г.В.Адамович «милостиво» писал: «Особняком, как всегда, — Марина Цветаева. Кто ее стихи любит, тому придется по сердцу и «Дом».

Почти то же самое мне хотелось бы сказать и о цветаевской статье, в этом номере журнала законченной, — «Искусство при свете совести»: — кто Цветаеву любит, тот с увлечением прочтет и эти ее размышления. Ни об искусстве, ни о совести, ни об искусстве при свете совести он решительно ничего не узнает. Но кое-какие сведения о самой Цветаевой, кое-какие данные для постижения ее щедрой и капризной природы получит. Цветаева принадлежит к тем авторам, которые только о себе и могут писать. Пишет она, во всяком случае, интересно. Спасибо и на этом» (Последние новости. 1933. 2 марта).

...проще всего и дешевле всего — платить. — О задолженности по уплате налогов Цветаева сообщала А.А.Тесковой в п-ме от 7 марта 1933 г.: «Зима прошла в большой нужде и холоде, топили редко — отопление свое, т.е. имеешь право мерзнуть — недавно приходили описывать (saisir) — трое господ, вроде гробовщиков, но увидев «обстановку» — ящики, табуреты и столы — написали нам бумажку о немедленной высылке из Франции в случае неуплаты налогов — очень старых — из к<отор>ых мы уже выплатили 500 фр<анков>, оставалось еще 217 фр<анков>. И в тот же день — увы! — долгожданный гонорар из Совр<еменных> Записок — 250 фр<анков>, к<отор>ые почти целиком тут же пришлось отдать. Что будет с будущим термом — не знаю, все писатели сейчас устраивают

вечера, а к моему парижане уже привыкли: не новость» (СС-6, 404–405).

С Вашей оценкой («раболопство») не согласна... — См. п-мо В.В.Руднева к Цветаевой, цитируемое ею в п-ме от 6 марта 1933 г. к Г.П.Федотову: «А вот строки из письма Руднева (МЕЖДУ НАМИ, а то расสวิрепееет — прощай, Макс!»)

...Теперь, в порядке не редактора, а читателя, осмелюсь Вам сказать, что удивляет и несколько даже досаду вызывает Ваше (простите) раболопное отношение к М<аксу> В<олошину>. Он — прямо какое-то божество, богоподобное существо, во всех отношениях изумительное. Это — неверно или невероятно, все равно. А важно то, что Ваша восторженность уже не заражает читателя, а наоборот, настаораживает *против* М<акса> В<олошина>» (СС-7, 432).

7

С. 17. ...*об ограниченности наших журнальных возможностей...* — «Ограниченность журнальных возможностей», о которой пишет Руднев, задевала в те годы не только Цветаеву. «Ни на какие сокращения конечно согласиться не могу», — отстаивал в п-ме к Рудневу от 11 февраля 1935 г. публикацию своего романа «Приглашение на казнь» Владимир Набоков (Минувшее: Исторический альманах. Вып. 8. Париж: Atheneum, 1989. С. 277–278). «...было трудно сделать выпуски. <...> я ...целиком выкинул большую главку в 183 строки, т.е. больше, чем требовалось», — сообщал Рудневу Михаил Осоргин в ответ на просьбу редактора о сокращении романа «Вольный каменщик» (п-мо от 7 октября 1935 г. / Русский архив в Лидсе). «Дорогой Вадим Викторович, сейчас получила 2-ую часть корректуры (повести «Книга о счастье». — Л.М.), и у меня буквально подкосились ноги: где же конец?» — восклицает в п-ме Нина Берберова. Ответ Руднева: «Не понимаю, что это такое «я с Вами сделал»? По-моему, — я только пока выполняю программу единственно возможную и Вам известную заранее...» (Из их переписки января 1936 г. / Русский архив в Лидсе). Примеров изнурительной тяжбы автора с редактором (или редактора с авто-

ром) при рассмотрении переписки Руднева можно привести немало.

...мы могли бы все же напечатать... около 50 стр<аниц>. — В итоге очерк Цветаевой занял в журналах 60 страниц.

8

С. 18. *Спасибо за скорый ответ...* — Ответ М.Цветаевой на письмо Руднева от 15 марта нами не обнаружен.

...в Земгоре-редакции... — Земскогородской комитет помощи российским гражданам за границей (Земгор) и редакция и контора «Современных записок» в 1930-е годы располагались в одном помещении. Руднев состоял членом исполнительного комитета Земгора и выполнял обязанности генерального секретаря (с 1921).

9

С. 18. *Посылаю Вам письмо М.Сабашниковой-Волошиной, которое переслано нам получившей его М.С.Цетлиной.* — В начале 1933 г. Цветаева послала текст своих воспоминаний о Волошине с указанием мест, выкинутых редакцией, Маргарите Васильевне Сабашниковой (1882–1973), его первой жене, художнице и поэтессе, которая в это время жила в Германии. В апреле того же года от Сабашниковой пришло «чуждое» (см. п-мо от 6 марта к Г.П.Федотову; СС-7. 432–433) ответное п-мо (текстом его мы не располагаем). Тогда же и по тому же поводу Сабашникова писала другой своей корреспондентке — М.С.Цетлиной: «<...> Когда получилось известие о смерти Макса и мне стали посылать эти плоские и частью издевательские статьи о нем, мне хотелось найти Вас, и, зная, как Макс любил Вас обоих (М.С. и М.О. Цетлиных. — Л.М.) и как Вы с ним были дружны, просить Вас что-нибудь сделать, чтобы сохранить его образ, таким путем искаженный в эмиграции.

Неужели мало его мученичества в Советской России!

Между тем я получила от Марины Цветаевой ее прекрасные воспоминания о нем. Это миф о Максе, то есть правда о нем. Для многих эти воспоминания были большим удовлетворением. Макса больше знают и ценят в культурном мире,

чем это можно думать. Один известный немецкий композитор, живший всегда в России, побывав теперь в Париже, где исполнялись его вещи, говорил мне, что в эмиграции подчас так же преследуется все духовное, как в Советской России. Я поверила ему, когда увидела, что вычеркнула редакция «Современных записок» из воспоминаний. Это такое же безвкусице, как если бы в равенских мозаиках замазали золотой фон. Все остальное без конца, который целиком вычеркнут, просто не имеет смысла, или имеет стиль анекдотов. Я слышала, что Вы имеете отношение к «Современным запискам», и хотела просить Вас заступиться за Макса, спасти его истинный образ.

Помните, каким верным другом он был всегда; он бы за каждого из нас заступился, и я думаю, что во имя этой дружбы Вы, верно, что-нибудь можете достичь в этом направлении. Эти последние страницы воспоминаний, как завет самого Макса — лучшее, что он дал нам. Это действительно «живое о живом»! И *нужное* душам, захлебывающимся в болоте» (Новый журнал. 1990. № 178. С. 259).

Цетлина Мария Самойловна (урожд. Тумаркина, в первом браке Авксентьева; 1882—1976), меценатка, издательница, доктор философии. Об отношениях М.Цветаевой и М.Цетлиной см. СС-6, 547—557. Ее муж, Цетлин Михаил Осипович (1882—1945), поэт, критик, прозаик. В 1920—1940 гг. редактировал отдел поэзии «Современных записок».

10

С. 19. *Мое отношение к изъятию из моей рукописи...* и т.д. — Речь идет о сокращениях очерка «Живое о живом», принятых редакцией журнала «Современные записки». См. также п-ма 12 и 27 («Выбросив детство Макса...»).

11

С. 19. *...моральной проблемы...* — Одним из главных упреков Руднева в адрес Цветаевой в истории с п-мом Сабашниковой является, на наш взгляд, факт не санкционированной редакцией отсылки автором очерка корректуры другому ли-

цу. Корректурa очерка со следами сокращений со стороны Руднева представляет собой в данном случае просто жалобу Цветаевой на произвол редакции.

С. 20. ...хотя кое-какой редакторский опыт за мной известен... – Руднев состоял в разные годы: членом редакции эсеровской газеты «Труд» (1917), соредактором лозаннской газеты «Родина» (1920), секретарем редакции еженедельника «Еврейская трибуна» (Париж, 1920–1924). Со дня основания «Современных записок» (1920) был одним из ведущих редакторов журнала.

С. 21. Вы писали только... и т.д. – Текстom п-ма Цветаевой, на которое ссылается Руднев, мы не располагаем. Вероятнее всего, речь идет об одном и том же, ранее уже упоминавшемся п-ме Цветаевой (см. примеч. к п-му 8).

12

С. 22. ...факт перепечатки из «Последних Новостей»... и т.д. – В заключительной главке очерка Цветаева привела отрывок из воспоминаний некоего Москвина о короткой встрече автора с Волошиным в последние годы жизни поэта, дав при этом ссылку: «Перепеч<атано> из «Посл<едних> Нов<остей>». Москвин: «Хождение по ВУЗам» (СС-4, 218–219). Воспоминания Москвина печатались в 44 номерах газеты с сентября 1932 г. по июнь 1933 г. Указанный отрывок можно было прочесть и в кн.: Москвин М. Хождение по вузам: Воспоминания комсомольца. Париж, 1933.

...поэт есть усиленное эхо... – Подобный образ эха нередко встречается у Цветаевой: «тысячегрудое эхо всех его Кавказов» («Световой ливень», СС-5, 234), «ослабленное эхо души» («Поэт о критике», СС-5, 284), «стотысячное эхо» («Поэты с историей и без истории», СС-5, 425) и др.

«КЕДР» – Статья Цветаевой «Кедр. Апология. (О книге кн. С. Волконского «Родина»)» опубликована в литературном сборнике «Записки наблюдателя». I. (Прага, 1924).

...я слышала от редактора – имеется в виду Крачковский Дмитрий Николаевич (1882–1947), прозаик, с 1918 г. жил в эмиграции. Цветаева считала его «горе-писателем и издателем, воплощением Mania Grandiosa» (СС-6, 539).

С. 23. ПРЕУВЕЛИЧЕННО, ТО ЕСТЬ: // ВО-ВЕСЬ-РОСТ. — Цитата из «Поэмы Конца» М.Цветаевой.

Зерно зерна. — В главе «Зерно зерна» в эссе «Искусство при свете совести» Цветаева писала: «Не-поэт, над-поэт, больше чем поэт, не только поэт — но где же и что же *поэт* во всем этом? Der Kern des Kernes, зерно зерна.

Поэт есть ответ.

От низшей степени простого рефлекса до высшей — гётевского ответствования — поэт есть определенный и неизменный душевно-художественный рефлекс: на что — уже вопрос — может быть, просто объема мозга. Пушкин сказал: на все. Ответ гения.

Этот душевно-художественный рефлекс и есть зерно зерна...» (СС-5, 363–364).

13

С. 24. ...мне важен был конец. — В итоге заключительная часть «Живого о живом» («Макса Волошина в Революцию...» и «Последнее видение», всего 3½ журнальных страницы) была напечатана.

...без обычной помощи вечера. — Единственный за 1933 г. вечер М.Цветаевой прошел 20 апреля в парижском зале Мютюалите. Была прочитана статья «Эпос и лирика современной России. Маяковский и Пастернак».

14

С. 25. ...из-за Муриной гимназии... — Речь идет о единственной в Париже русской гимназии, основанной в 1920 г. Первоначально она располагалась в самом Париже (в 16-м аррондисмане), в 1930 г. переехала в прилегающий к Парижу район недалеко от Булонского леса. Занятия в гимназии проходили по программам русских гимназий и реальных училищ, она была в подчинении французского Министерства просвещения, которое предоставляло ей права французских лицеев. Ее аттестаты зрелости приравнивались к французским и открывали выпускникам двери высших учебных заведений. Переезд Цветаевой в Булонь не осуществился. См. п-мо 20.

15

С. 25. ...*за корректуру*... — Корректурa второй части очерка «Живое о живом» (Современные записки. 1933. № 53).

...я сама *запрошу Ходасевича*... — Речь идет об эпизоде в очерке «Живое о живом», в котором рассказывается о посещении В.Ходасевича поэтессой Марией Паппер. По поводу включения эпизода в очерк Цветаева писала Ходасевичу: «И вот Руднев, которого научил Вишняк, убежденный, что все поэты «немножко не того», опасается, как бы Совр<еменным> Запискам от Вас — за *МОЙ* рассказ!!! — не нагорело. <...>

— Как быть? — пишет Руднев. Заменить Ходасевича — вымышленным именем? Вовсе выбросить сценку? Спрашивать разрешения у Ходасевича — что-то глупо...

А я нахожу — вовсе нет. И вот спрашиваю. Если Вы меня знаете, Вы бояться *не* будете. Если забыли — напоминаю. Если же, и зная, несогласны — напишу вместо Вас просто: ПО-ЭТ, хотя, конечно, прелести и живости убудет.

Пишу Вам для окончательной очистки совести. Вы, конечно, можете мне ответить, что никакой Марии Паппер не помните, но она *наверное* у Вас была, ибо она — собирательное» (п-мо от 12 июля 1933 г., СС-7, 463).

Ходасевич Владислав Фелицианович (1886–1939) — поэт, литературный критик.

С. 26. ...*Если бы знали как цинически врет Георгий Иванов в своих «воспоминаниях»*... — В п-ме от 31 мая 1931 г. к С.Н.Андрониковой-Гальперн Цветаева писала о Г.Иванове как об «авторе лже-воспоминаний», имея в виду его мемуарные очерки, составившие книгу «Петербургские зимы» (Париж: Родник, 1928). Глава в книге, посвященная О.Мандельштаму, в меньшей степени беллетризована, чем поздний очерк «Китайские тени» (Последние новости. 1930, 22 февраля), вызвавший резкую критику Цветаевой (СС-7, 140, 173).

16

С. 26. *Полное разрешение Ходасевича проставлять его имя*... — См. примеч. к предыдущему п-му.

...с Вишняком у меня никакой давности... — «...некоторые взгляды Цветаевой были очень далеки и чужды всем членам редакции, не исключая и Руднева <...> Что же касается совершенно «непонятных для себя вещей», как издевалась Цветаева над теми, кто «не уставали (их) печатать», — действительно, скажу за себя, я всегда противился их напечатанию» (*Вишняк М.В.* «Современные записки»: Воспоминания редактора. Bloomington, 1957. С. 148).

С. 26—27. ...сам хочет о ней писать воспоминания. — Воспоминания В.Ф.Ходасевича о встрече с Марией Паппер были опубликованы 10 января 1935 г. в газете «Возрождение» («Неудачники. Из воспоминаний»). Автор воспоминаний предварил их словами: «...пересказ Цветаевой вышел неточен — не по ее вине: я рассказывал Волошину, Волошин ей — да и то было, по крайней мере, лет пятнадцать тому назад».

С. 27. ...у этих одиночек (поэтов)... — Ср. у В.Ф.Ходасевича: «Мы же с Цветаевой, выйдя из символизма, ни к кому и ни к чему не пристали, остались навек одинокими, «дикими» («Младенчество» // Возрождение. 1933. 12 октября).

«Версты» — журнал под ред. Д.П.Святополка-Мирского, П.П.Сувчинского, С.Я.Эфрона при участии А.Ремизова, М.Цветаевой, Л.Шестова. Париж, 1926—1928. Подробнее см. статью В.Ф.Ходасевича «О Верстах» (Современные записки. 1926. № 29), а также примеч. к письму Цветаевой к П.П.Сувчинскому и Л.П.Карсавину (СС-7, 186—187).

Monsieur de Bergerac — Слова Роксаны из 4-го акта комедии Э.Ростана «Сирано де Бержерак» в переводе Татьяны Львовны Щепкиной-Куперник (1874—1952).

...дорвалась до стихов... — Речь идет о стихотворном цикле «Стол» (СС-2, 309—314).

17

С. 28. *Посылаю Вам своего «Дедушку Иловайского»*... и т.д. — Иловайский Дмитрий Иванович (1832—1920) — историк монархического направления, автор многотомной «Истории России», учебников по истории. На дочери Иловайского Варваре Дмитриевне (1858—1890) был женат первым браком Иван Владимирович Цветаев (1847—1913), отец Мари-

ны Ивановны. Историю написания Цветаевой очерка, посвященного Д.И.Иловайскому, см.: СС-4, 667-668; СС-7 (п-ма В.Н.Буниной).

Миллюков Павел Николаевич (1859–1943) – историк, политический деятель. С 1918 г. за границей, с 1921 г. бессменный главный редактор наиболее влиятельной эмигрантской газеты «Последние новости». Касаясь отказа «Последних новостей» напечатать ее очерк, Цветаева с иронией писала В.Н.Буниной, что Иловайский у нее «выходит настолько если не «хорошим» – так сильным, что Миллюков не захотел...» (СС-7, 245).

...о моем «Музее»... – Вероятно, речь идет об откликах на публикацию очерка «Музей Александра III» (Последние новости. 1933. 1 сентября).

18

Это п-мо Руднева Цветаева со своими комментариями целиком приводит в п-ме к В.Н.Буниной от 12 сентября 1933 г. (СС-7, 254–255) – «Вот ответ Руднева на Иловайского. Все подчеркнутые места – его».

С. 29. *А м.б. и к лучшему – написать Вам...* – На полях слова Цветаевой: «NB! он от меня усвоил мои тире!»

С. 30. *И о Музее читал с большим интересом в «Последних Новостях».* – См. примеч. к предыдущему п-му.

Кузьмина-Караваева Елена Юрьевна (урожд. Пиленко, во втором браке Скобцова, в монашестве мать Мария; 1891–1945) – поэт, общественно-религиозный деятель. В эмиграции с 1919 г.

Победоносцев Константин Петрович (1827–1907) – русский государственный деятель, ученый-правовед, обер-прокурор Синода в 1880–1905 гг. Преподавал законоведение и право наследникам престола – будущим императорам Александру III и Николаю II.

...в описании старого московского интеллигентского быта. – Вставной комментарий Цветаевой: «NB! Вера, разве Иловайский – “интеллигент”? Мой отец – “интеллигент”? Интеллигент, по-моему, прежде всего, а иногда и после всего – студент.

А сзади, в зареве легенд,
Идеалист-интеллигент
Печатал и писал плакаты
Про радость своего заката...

(Б.Пастернак, «1905 год»)

...Аксаков – “интеллигент”? Какое нечувствование ЭПО-ХИ и духовного ТИПА!!»

Аксаков Сергей Тимофеевич (1791–1859) – писатель, член-корреспондент Российской академии наук.

Хорошо, – но мы – жадные... – Очередная реплика Цветаевой: «Посчитайте тире!» МЕНЯ обскакал!»

...таковыми могли бы быть Ваши чисто-литературные воспоминания и характеристики. – Вставной комментарий Цветаевой: «NB! А он не – просто дурак? Хотя старик, но к сожалению дурак. Пусть писатели пишут о писателях, философы о философах, политики о политиках, священники о священниках, помощники о помощниках и т.д. – ведь он вот что предлагает!» В конце своего п-ма Цветаева вновь возвращается к данному вопросу: «Думаю, что для редактора важнее всего: как вещь написана, т.е. кто ее написал, а не о ком. И думать, что мои воспоминания о знаменитом, скажем, литераторе ценнее моих же воспоминаний о сэттере “Мальчике” напр-симер> – глубоко ошибаться. Важна только степень увлеченности моей предметом, в которой вся тайна и сила (тайна силы)...

Чувство, что литература в руках малограмотных людей. Ведь это письмо какого-то подмастерья!»

Переберетесь ли Вы, наконец, в Булонь? – Вставной комментарий Цветаевой: «Он этого дико боится, п.ч. в Булони всего один дом, и в нем он живет!» См. п-мо 14 и примеч. к нему. Что имела в виду Цветаева, когда писала о «всего одном доме» в Булони, не совсем понятно. В этом предместье Парижа с начала 1920-х гг. находилась довольно представительная русская колония. Здесь жили В.Ходасевич, философ Л.Шестов, князь Ф.Юсупов, скульпторы Жак Липшиц и О.Мещанинов и др.

Преданный Вам... – Вставной комментарий Цветаевой: «– в чем выражается?!» Цветаева вряд ли была права, сомне-

ваясь в словах Руднева «преданный Вам». Через несколько дней вопрос о публикации «Иловайского» был Рудневым решен положительно, и Цветаева сразу принялась, после перерыва, за работу над очерком (СС-7, 256).

19

С. 31. *Вторая часть будет куда сильнее: антитеза с цветущими умирающими детьми...* — Цветаева, после решения редакции опубликовать очерк, приступила к работе над второй частью под названием «Дом у Старого Пимена». «...цветущими умирающими детьми» — дочь и сын Д.И.Иловайского умерли от туберкулеза в возрасте 23 (Надя) и 20 лет (Сереза).

...материал о Блоке — Цветаева собиралась писать работу о Блоке («Моя встреча с Блоком» и «Последняя любовь Блока»). Замысел Цветаевой подготовить для журнала прозу о Блоке осуществлен не был. См. также п-ма 57 и 61.

20

С. 31—32. *Комитет помощи.* — В 1933 г. по инициативе Елены Александровны Извольской (1897—1975), литератора и переводчицы, с которой Цветаева была дружна в Мёдоне, был организован Комитет (Общество) помощи Марине Цветаевой. В него вошли Е.А.Извольская, С.Н.Андроникова-Гальперн, М.Н.Лебедева, французская писательница Натали Клиффорд-Барни и др. Комитет составил обращение с призывом помочь Цветаевой. Деньги, по-видимому, собирала Е.А.Извольская. «Маринины друзья создали «Общество помощи Цветаевой», и им удалось найти деньги, чтобы оплатить ее квартиру», — писала она в своих воспоминаниях (Марина Цветаева в воспоминаниях современников: Годы эмиграции. М.: Аграф, 2002. С. 230).

С. 32. *...и сын мой, пока, во французской школе, но мечты своей о русской не оставляю...* и т.д. — «С тоской и благодарностью вспоминаю наши гимназии со «своими словами» («Расскажите своими словами»). И, вообще, человечные — для человека...» — писала в эти же дни Цветаева В.Н.Буниной (СС-7, 256—257).

Кроме того... предстоит Блок... — См. примеч. к предыдущему п-му.

21

С. 33. *Адрес Ремизовых* — А.М.Ремизов имел с Цветаевой дружеские контакты. В 1933 г. Ремизов и его жена Серафима Павловна переехали на квартиру по адресу: 7, Rue Voileau, 16 е, где писатель прожил до конца своих дней.

Савинкова Евгения Ивановна (во втором браке; урожд. Зильберберг; в первом — Сомова, в третьем — Е.И.Ширинская-Шихматова; ум. в 1940 г.). Одно время покровительствовала Цветаевой, хлопотала перед редакцией журнала о публикации очерка «Дом у Старого Пимена» целиком (СС-7, 262).

О рукописи. — Имеется в виду «Дом у Старого Пимена».

... об отдельных оттисках Макса: 2-го, а по возможности и 1-го? — Речь идет об оттисках двух частей «Живого о живом» (№ 52 и 53 «Современных записок»).

23

С. 34. ... «*маршакское лечение*» — *Маршак* Аким Осипович (1885—1938) — доктор медицины, хирург. Работал во Франко-русском госпитале. Пользовался в Париже большой популярностью.

С. 35. *Трехфрудный* — см. примеч. к п-му 72.

Иловайский Старо-Пименовский — Бывший Пименовский переулок, переименован в *Старо-Пименовский* в 1922 г.

24

С. 36. 11²⁰ ноября, *Armistice* — 11 ноября во Франции празднуют день окончания Первой мировой войны.

Поздравляю с Буниным. — Речь идет о получении И.А.Буниным Нобелевской премии. См. также п-мо от 27 ноября 1933 г. к В.Н.Буниной (СС-7, 262—263).

Вставку на 11 стр<анице>... — Вставка относится к эпизоду сдачи Цветаевой экзамена в гимназии по истории по учебнику Иловайского: «...Иловайский мне на экзаменах послужил, и не раз. Однажды, раскрыв его учебник, я по-

пала глазами на следующее, внизу страницы, булавочным шрифтом, примечание: «Митридат в Понтийских болотах потерял семь слонов и один глаз». Глаз — понравился. Потерянный, а — остался! Утверждаю, что этот глаз художественен!..» И т.д.

На Пимене потеряла три фельетона... — О каких «потерянных» фельетонах пишет Цветаева, неизвестно. Именно *три* ее публикации появились в «Последних новостях» в сентябре — октябре 1933 г., когда она работала над «Домом у Старого Пимена»: «Музей Александра III» (написан в августе, напечатан 1 сентября); «Лавровый венок» и «Жених» (написаны в сентябре, напечатаны 17 сентября и 15 октября соответственно).

С. 37. *Но все это — но и это пройдет (Соломонов перстень)*. — По преданию, на перстне царя Соломона было написано: «И это пройдет». См. об этом ст-ние Цветаевой «Минута» (СС-2, 217).

25

Датируется по содержанию данного и предыдущего п-м (16 ноября — четверг).

С. 37. *Вписку про глаз — прилагаю*. — См. примеч. к предыдущему п-му.

26

С. 38. *Как сделаете, так и будет*. — Далее в черновике п-ма Руднева зачеркнуты строки: «Позволяю себе высказать свое скромное мнение, что их следовало бы произвести не в первых 14 и не в последних 14 страницах. Не знаю, насколько Вам дорога глава 50—58 стр<аниц>, но она носит эпизодический характер». Речь идет о страницах, посвященных детям Иловайского. См. следующее п-мо.

С. 39. ...(*моя первая книга имеется в Тургеневской библиотеке*), а ныне – 1933 г. – К началу 1930-х годов Тургеневская библиотека, кроме «Вечернего альбома», располагала еще несколькими книгами Цветаевой: «Версты 1» (1922), «Царь-Девича» (Берлин, 1922), «Психея» (1923), «Ремесло» (1923), «Молодец» (1924). (Тургеневская общественная библиотека. Каталог по беллетристике. Париж, 1924. С. 119; вып. II, 1929. С. 50).

...в России мои стихи имеются в хрестоматиях... – Стихи Цветаевой многократно включались, начиная с 1911 г., в различного рода антологии, сборники «Чтец-декламатор», книги для чтения по русской литературе и др. Подробнее см.: Марина Цветаева: Библиография / Сост. Т.Гладкова, Л.Мнухин. М.; Париж, 1993. С. 415–420.

С. 41. *Это – там, где Вы говорите об «изуверском» сердце Иловайского...* и т.д. – См. примеч. к следующему п-му.

Датировка п-ма исправляется по содержанию. 1933 г. – описка Цветаевой.

С. 42. *А над фразой: ненавидящий иудей есть христианин...* и т.д. – В рукописи «Дома у Старого Пимена» у Цветаевой было: «Я еще нигде не сказала о ветхозаветном, изуверском, иудейском сердце Иловайского...

Не-ненавидящий иудей есть христианин, ненавидящий христианин есть иудей. Ибо если нет *вещей* сильнейших крови, то *вещь* – одна – *есть*: дух.

Если был у Д.И. бог – то бог ветхозаветный, убийственный, губительный, бог с засухой из ноздрей и с саранчой за пазухой, – *тот* бог, не наш» (СС-5, 119, 669).

В «Современных записках» осталось: «Я еще нигде не сказала о ветхозаветном, *иудейском* сердце Иловайского...

Примечания

Если был у Д.И. бог — то бог ветхозаветный, губительный, бог с засухой из ноздрей и с саранчой за пазухой, — *тот* бог, не наш» (1934. № 54. С. 230).

С. 43. *ГНЕЛИ* — от глагола *гнести* (др.-рус.) — жать, давить, теснить.

Вот «Встречи» взяли... — Только что начавший выходить в Париже под редакцией Г.В.Адамовича и М.Л.Кантора журнал «Встречи» напечатал в январском номере два стиха Цветаевой из цикла «Стол», а в майском — три стиха из не принятого «Современными записками» цикла «Ici-Haut».

31

Датируется по содержанию данного и предыдущего писем и с учетом факта, изложенного в следующем комментарии. Кроме того, 5 января — *пятница*.

С. 44. *...бунинские деньги...* — В ноябре 1933 года, сразу же после вручения Бунину Нобелевской премии и заявления лауреата, что часть премии будет передана в Союз русских писателей и журналистов для оказания помощи нуждающимся коллегам, при Союзе была создана Комиссия по распределению, в которую вошли Н.К.Кульман, И.И.Фондаминский и В.Б.Ельяшевич. Бунин собирался пожертвовать определенные суммы персонально Б.К.Зайцеву, А.И.Куприну и К.Д.Бальмонту, а также Союзу 10 000 франков для остальных писателей. Эти деньги были распределены согласно списку, в который была включена и Цветаева. 5 февраля 1934 г. Марина Ивановна отвечает Бунину благодарным письмом (хранится в Русском архиве в Лидсе):

«Многоуважаемый Иван Алексеевич,

Сердечно благодарю Вас за Вашу память и помощь, тем более меня тронувших, что я их ничем не заслужила.

Марина Цветаева»

Позже она запишет в своей записной книжке: «Я получила 1000 фр<анков> от Фондаминского (Бунина) но пока молчу надеясь сохранить на лето» (ЗК-2, 424).

Аля — Эфрон Ариадна Сергеевна (1912—1975) — переводчица, художница, мемуаристка, дочь Цветаевой.

...устроить вечер в пользу *С<овременных> З<аписок>*... — Редакция «Современных записок» устраивала благотворительные вечера (чаще всего в зале Социального музея), на которых выступали с докладами или чтением своих произведений авторы журнала, писатели, политики. Вечер с участием Бунина и Цветаевой, о котором идет речь в п-ме, проведен не был.

32

С. 45. ...отрывок «об иудее-Иловайском» в его окончательном виде (стр<аницы> 8 и 9). — См. примеч. к п-му 30.

Переменила посвящение В.Муромцевой... — Публикацию «Дома у Старого Пимена» предваряло посвящение: «Вере Муромцевой, одних со мной корней». *Муромцева-Букина* Вера Николаевна (1881—1961) — жена И.А.Бунина, мемуаристка; в юности часто бывала в доме Иловайских. См. п-ма Цветаевой к В.Н.Буниной и примеч. к ним (СС-7, 234—312).

Я ни Встреч, ни Стала, ни гонорафа не видела (увиджу ли??). — См. примеч. к п-му 30.

33

С. 45. *Вечер Ваш был очень удачен...* — Вечер Цветаевой состоялся 15 марта 1934 г. в парижском зале Географического общества (184, boulevard St.-Germain). В программе: новая проза «Моя встреча с Андреем Белым». Первое отделение — «Предшествующая легенда», второе — «Встреча».

С. 46. ...55-ая книжка уже набирается и должна выйти в конце апреля. — Цветаева успела сдать воспоминания о Белом в указанный Рудневым номер журнала. См. примеч. к п-му 37.

34

С. 46. *18го марта 1934 г., понедельник* — 18 марта в 1934 г. приходилось на воскресенье, а не на понедельник.

...спасибо за проданные билеты... при обилии вечеров. — Литературные вечера действительно были частым явлением в Париже. Вот пример «обилия» вечеров в середине марта, предшествовавших выступлению Цветаевой: 9 — вечер журнала «Числа» (среди участников М.Цветаева), 10 — вечер И.С.Шмелева, 11 — лекция В.В.Вейдле об искусстве, 13 — выступления в различных русских организациях К.В.Мочульского, П.П.Гронского, писателя и журналиста кн. В.В.Барятинского и т.д.

Посылаю ОДУ ПЕШЕМУ ХОДУ.. — Эти стихи не были приняты журналом для публикации. При жизни Цветаевой не печатались.

С. 47. (*Geister auf dem Gange*) // *Drinneen gefangen ist Einer!* — Этот эпиграф проставлен ко второй главке «Встреча».

Брюсов (к<отор>ый у меня уже есть), Макс, Белый и Блок... и т.д. — Очерк о В.Я.Брюсове «Герой труда» (Воля России, Прага, 1925, № 9/10—11), о Максе (Волошине) «Живое о живом», об А.Белом «Пленный дух». Рукопись о Блоке не сохранилась. После смерти Есенина Цветаева задумала поэму, посвященную его памяти. В архиве составителя имеется копия п-ма Б.Л.Пастернака писателю и журналисту Георгию Феофановичу Устинову (1888—1932). Устинов был дружен с С.А.Есениным. Работая в Центропечати, помогал поэту в распространении его книг. В 1925 г. Устинов жил в Ленинграде, и Есенин бывал у него дома в свой приезд в декабре.

Б.Л.Пастернак — Г.Ф.Устинову

Москва, Волхонка 14, кв. 9

Я не знаю вашего адреса. Посылаю через И.А.Груздева.

24/1 — 1926 г.

Глубокоуважаемый Георгий Феофанович!

Марина Цветаева обратилась ко мне со следующей просьбой. Она хочет писать поэму о Сергее Есенине (род реквиема). Вот ее слова:

«Напишите мне достоверности о смерти Есенина: час, день недели, число, название гостиницы, по возможнос-

ти — номер. С вокзала — прямо в гостиницу? Подтвердите. По каким улицам с вокзала — в гостиницу? (Вид и название.) Я Петербурга не знаю, мне нужно знать.

Еще: год рождения, по возможности — число и месяц. Были, наверное, подробные некрологи. — Короткую биографию: главные этапы. Знала его в салоне начала войны, с Ключевым. Рязанской губ.? Или какой? Словом, все, что знаете и не знаете.

Внутреннюю линию — всю знаю, каждый жест — до последнего. И все возгласы, вслух и внутри. *Все* знаю, кроме достоверности.

Поэма не должна быть в воздухе».

На днях я ей отправляю вырезки из газет, в которых она найдет ответ на большую часть поставленных вопросов. Сообщу, что знаю и я. Но из этих вопросов я в состоянии ответить не на все без исключения. Номера, расположения гостиницы Англетер и пр. не знаю и я. Дело, однако, не в этом. Естественно желание расширить материал и его углубить. Цветаеву я считаю поэтом первостепенным, она очень талантлива, она вложит в работу много души и силы.

Несмотря на мое желание помочь ей в этом деле, я буду ей мало полезен. Мы были с Есениным далеки. Он меня не любил и этого не скрывал, вы это знаете. Много важного и едва ли не важнейшего можете сообщить вы и ваша жена, свидетели последних его дней и его последние собеседники.

Несмотря на объяснения, дававшиеся печатно, и на догадки, таимые про себя, нельзя отделаться от впечатления какой-то, все же, тайны, кроющейся за этой смертью.

Быть может, вам одним известна и ее разгадка. Вы о ней писали. Вашей статьи я до сих пор не мог достать. Может быть, вы ее, а также и другие ленинградские статьи, что окажутся под рукой, приложите к тому, что найдете возможным и нужным сообщить Марине Ивановне.

Простите, что отзываю вас в конце к мелочам о номере, улице и пр., ею затребованном. Тут, чем мельче и точнее, тем драгоценнее. Если бы почему-либо вы предпочли переслать все это непосредственно ей, вот ее адрес <...>

Примечания

В таком случае меня известите только об отсылке. Кроме того, просьба: никому не говорите о том, что с таким запросом обращался к вам я. У меня на то свои причины, они сложны не по моей воле, я их не стыжусь, но распространяться о них было бы утомительно да и ни к чему.

Жму вам руку.

Ваш Б. Пастернак

Но очерк написан не был. К Есенину обращено стихотворение «Брат по песенной беде...» (январь 1926 г.) (СС-2, 262). В 1927 г. Цветаева записала в тетрадь: «У Есенина был песенный дар, а личности не было. Его трагедия — трагедия пустоты. К 30-ти годам он внутренне кончился. У него была только молодость» (СТ, 544).

35

С. 48. ...два отрывка из моего Белого... и т.д. — См. также п-ма 37 и 38, примеч. к ним и п-мо Руднева (36).

...ей уже 20 лет! — Ариадне Эфрон в марте 1934 г. шел 22-й год.

36

С. 49. «Возрождение» — парижская ежедневная, затем еженедельная (с 1936) газета (1925—1940) и «Сегодня» — ежедневная газета, выходившая в Риге (1922—1940), были ведущими эмигрантскими изданиями.

С. 50. ...на чтении Ремизова. — Вечер А. Ремизова состоялся 24 марта в зале Российского музыкального общества за границей. Писатель читал свои рассказы и отрывки из «Преступления и наказания» Ф. М. Достоевского и «Мертвых душ» Н. В. Гоголя.

37

Датируется условно по содержанию. Журнал «Современные записки» (№ 55), где публиковался «Пленный дух», вышел в первой половине мая 1934 г. Текст, о котором Цветаева сообщает в п-ме, был в нем напечатан.

С. 50. *David* — см. п-мо 8 и примеч. к нему.

... *после последнего письма Белого...* — Имеется в виду п-мо Белого Цветаевой, посланное в ноябре 1923 г. из Берлина в Прагу (см. «Пленный дух», СС-4, 267).

«Рулъ» — ежедневная берлинская газета (1920—1931). Сообщения об отъезде А.Белого в Россию в этой газете обнаружено не было, об этом написали берлинские газеты «Дни» (1923, 28 октября) и «Накануне» (1923, 4 ноября).

Спасибо за перевязочный материал... — Цветаева второй месяц болела фурункулезом («...грязнули нарывы, целая нарывная напасть...» СС-7, 269). Руднев помогал ей медикаментами.

38

С. 51. *Давайте — сноску...* — Сноска внесена не была. Материал, видимо, уже ушел в печать (См: Современные записки. 1934. № 55. С. 240).

39

С. 51. ... *стихи «Ода пешему ходу» в <современных> Записках не пойдут...* — См. примеч. к п-му 34 и примеч. к п-му 41.

... *далёких корреспондентов ... в Харбине ... в Эстонии...* — Речь идет о поэте, журналисте Арсении Ивановиче Несмелове (наст. фам. Митропольский; 1889—1945); он длительное время переписывался с Цветаевой, находился под ее влиянием, о нем Цветаева упоминала 1 февраля 1930 г. в п-ме Р.Н.Ломоносовой: «Есть у меня друг в Харбине. Думаю о нем всегда, не пишу никогда» (СС-7, 316), и поэте, критике Юрии Павловиче Иваске (1907—1986). См. п-ма к нему (СС-7, 380—411).

А у меня в П<оследних> Нов<остях> сидит враг... — Имеется в виду П.Н.Милюков. См. следующее п-мо.

... *не пропускает моего отрывка из «Пленного Духа»...* — Отрывок из «Пленного духа» — «Из рукописи «Пленный дух» (Моя встреча с Адреем Белым (Цоссен))» — все-таки был опубликован в «Последних новостях» 13 мая 1934 г. См. об этом в п-ме к В.Н.Буниной от 28 апреля 1934 г. (СС-7, 269).

С. 52. ...моего Белого явно похоронили, хотя сами же просили и даже торопили... — См. примеч. к предыдущему п-му.

...отращение к газете — ко всякой, всем! — «Отращение к газете» у Цветаевой было еще с детства, от матери, которая газеты «с каким-то высокомерным упорством мученика, ежеутренне... с рояля снимала — сметала — и, кто знает, не из этого ли сопоставления рояльной зеркальной предельной чистоты и черноты с беспорядочным и бесцветным газетным ворохом, и не из этого ли одновременно широкого и педантического материнского жеста расправы и выросла моя ничем не вытравимая, аксиомная во мне убежденность: газеты — нечисть, и вся моя к ним ненависть, и вся мне газетного мира — месть» (СС-5, 11). Свое отношение к газетам и их читателям Цветаева выразила также в ст-нии «Читатели газет» (1935) (СС-2, 334—336).

Демидов Игорь Платонович (1873—1946) — общественно-политический деятель, журналист. После революции эмигрировал. С 1924 г. — помощник редактора «Последних новостей», фактически был редактором газеты.

С. 53. *Страшно рада, что рядом с письмами* и т.д. — Цветаева получила от Руднева новый, 55-й, номер «Современных записок» со своим очерком «Пленный дух». Следующей за «Пленным духом» была в журнале публикация В.Ф.Ходасевича «Три письма Андрея Белого», в которых А.Белый описывает трагические годы разрухи и террора в Москве, похороны Блока и т.д.

А Ода ушла... и т.д. — 12 мая 1934 г. Цветаева писала Ю.П.Иваску, своему эстонскому корреспонденту: «Кстати, мне недавно вернули из *Современных* > Записок мою «Оду пешему ходу», уже набранную, — в последнюю секунду усомнились в понятности «среднему читателю». Хотите — на память?» (СС-7, 388). Посланную «Оду» Цветаева сопроводила припиской: «И сколь<ко> таких стихов во мне еще спит, не

написанных, незаписанных — из-за *подлой жизни!* Мне всегда хочется писать» (СС-7, 414).

42

С. 53. *Присмотрели квартиру и нужно вносить задаток.* — См. п-мо 46 и примеч. к нему.

44

С. 55. ...*алдановской пещеры или шмелевской няни...* — Роман М.А.Алданова «Пещера» был напечатан в 1932–1935 гг. в шести номерах журнала, роман И.С.Шмелева «Няня из Москвы» — в трех номерах за 1934 и 1935 гг.

В ответ на это п-мо Цветаевой Руднев вновь пытается разъяснить ей систему расчета гонорара и пишет очередное п-мо (см. п-мо 45). Нам неизвестно, отправил он его или у него с Цветаевой была личная встреча. Но больше к этой теме Цветаева не возвращалась. Возможно, редакция вы платила Цветаевой требуемую сумму.

45

С. 56. *Воскресенье 3 мая* — описка Руднева. Месяц *май* исправляется на *июнь* по содержанию. Воскресенье — 3 июня.

46

С. 59. ...*потом: 33, Rue Jean-Baptiste Potin* — В июле Цветаева переехала на новую квартиру в Ванве, неподалеку от Кламара, и прожила здесь до лета 1938 г.

...*помните Zossen Белого?..* — А.Белый жил в местечке Цоссен в Германии в «совершенно голой комнате», в доме без удобств (СС-4, 251, 255).

С. 60. ...*столько красных книг и таких веских...* — По-видимому, речь идет о книгах парижского издательства «Hauchette». В течение многих лет издательство выпускало для детей среднего и старшего возраста произведения

Ж.Верна, В.Гюго, А.Дюма и др. Одной из отличительных черт этой серии были красивые красные переплеты.

Мопассановский сценарий. — О каком переводе Цветаевой Ги де Мопассана идет речь и для кого она его выполняла, нам неизвестно.

... *Хлыстовки — отрывок, могу дать законченную вещь* — Одним из замыслов Цветаевой был очерк «Мать и музыка» (см. п-мо 51). Очерк «Хлыстовки», в котором описаны эпизоды из раннего детства Цветаевой в расположенном на берегу Оки городке Тарусе, опубликован в № 6 журнала «Встречи» за 1934 г. (СС-5, 92–97).

Крессон Ф.Е. (?–1945) — доктор, хирург, деятель Красного Креста, один из основателей русско-французского хирургического госпиталя в Вильжюифе, юго-восточном предместье Парижа.

47

С. 61. *Диффамация* — публикация порочащих кого-либо сведений (*лат.*).

Блок Любовь Дмитриевна (урожд. Менделеева; 1881–1939) — драматическая актриса, жена А.А.Блока.

... *от него я впервые узнала...* и т.д. — Неточная цитата из «Пленного духа». В очерке: «Тут же я впервые узнала о сыне Любви Дмитриевны, ее собственном, не блоковском, не беловском — Митьке...» и т.д. В связи с этой публикацией в редакции журнала, возможно, назревал скандал. Ср., например: в рецензии П.Трубникова [П.Пильского] на «Современные записки» (№ 55) рассказ Цветаевой о сыне Блока иронически назван «нежданной новостью» (*Сегодня*. Рига. 1934. 30 мая). См. следующее п-мо.

Альконост — издательство «Альконост» (1918–1923). *Издатель* — Алянский Самуил Миронович (1891–1974), руководитель издательства и по сути дела единственный его технический работник. Первая книга издательства «Альконост», вышедшая в июне 1918 г. (А.Блок. Соловьиный сад), имела гриф «Альконост». В последующих изданиях ошибка была исправлена.

...много о втором его мнимом сыне... — О «втором» сыне Блока Цветаева писала Р.Б.Гулю 11 апреля 1924 г.: «Вы спрашивали о сыне Блока. Есть. Родился в июне 1921 г., за два месяца до смерти Блока. Видела его годовалым ребенком... Похож — более нельзя... Будут говорить «не блоковский» — не верьте...» (СС-6, 536). Речь идет о сыне П.С. и Н.А.Коганов. Блок останавливался у них, когда приезжал в Москву в 1920 и 1921 гг. Цветаева действительно долгое время верила в то, что это сын Блока. Коган Петр Семенович (1872—1932) — критик и историк литературы. Коган (Нолле-Коган) Надежда Александровна (1888—1966), его жена. Была близкой знакомой Блока в последние годы его жизни.

48

С. 62. *С Люб<овью> Дим<итриевной> история не страшна.* — См. предыдущее п-мо и примеч. к нему.

С. 63. *А мать — весьма жива и очень когтиста...* — Речь идет о Нолле-Коган Н.А. См. примеч. к предыдущему п-му.

«... вещь из детства» — очерк «Мать и музыка» (СС-5, 10—32). См. также п-ма 46 и 49.

49

С. 63. *Сосинский* Владимир Брониславович (наст. фам. и имя: Сосинский-Семихат Бронислав Брониславович; 1900—1987) — писатель, критик. Многолетний друг семьи Цветаевой (см. п-ма Цветаевой к нему в СС-7, 79—96).

С. 64. *Мне важно — для вечера.* — Чтение Цветаевой прозы «Мать и музыка» состоялось 1 ноября 1934 г. См. следующее п-мо.

50

С. 64. *А в Посл<едние> Нов<ости> я и не собиралась давать отрывков... просили из-за Белого (имени).* — См. п-ма 35 и 39.

Датировка п-ма исправляется по содержанию. В нем речь идет о вечере, состоявшемся 1 ноября.

С. 65. *...вечер прошел очень хорошо...* — Обозреватель газеты «Последние новости» писал об этом вечере: «М.Цветаева прочла на своем вечере, состоявшемся в зале Географического общества, два новых рассказа, точнее — два новых отрывка из вечной повести о самой себе. Как обычно, у этой замечательной, но парадоксальной писательницы, прочитанные отрывки представляют смесь подлинной лирики и тончайших психологических штрихов с расхолаживающими рассуждениями. Тема обоих отрывков — мать... Марина Цветаева — превосходная чтица. Ее чтение имело большой успех у наполнившей зал публики» (1934, 3 ноября).

...та вещь... — «Сказка матери». «Читала я, Вера, Мать и Музыка — свою мать и свою музыку (и ее музыку!) и — пустячок, к котор>ый очень понравился, п.ч. веселый (*серьезно-веселый*, не совсем-весело-веселый) — «Сказка матери» малолетним Асе и мне. Надеюсь, что из-за успеха (явного) возьмут в *Последние* > Новости», — писала Цветаева В.Н.Бунинной в п-ме от 2 ноября 1934 г. (СС-7, 276). Ася — см. примеч. к п-му 73.

Триалог — действующие лица «Сказки матери»: мать, Марина, Ася.

Неужели эмиграция даст погибнуть своему единственному журналу?! — В период 1932–1938 гг. стихи Цветаевой публиковались в 12 (из 18) номерах «Современных записок».

На всё есть деньги... а журналу дают сдохнуть. — Помимо наметившегося в редакции идейного раскола (см.: *Визник М.В.* «Современные записки»: Воспоминания редактора.) журнал испытывал все большие материальные затруднения.

С. 66. *Гронский* Николай Павлович (1909–1934) — поэт. Во Франции с 1920 г. Знакомство Цветаевой с Гронским,

вскоре перешедшее в дружбу, состоялось в 1928 г. 21 ноября 1934 г. Николай Гронский попал под поезд парижского метро и несколько часов спустя скончался в госпитале от потери крови. Сохранилась их обширная переписка. См.: Цветаева М., Гронский Н. Несколько ударов сердца: Письма 1928–1933 годов. М.: Вагриус, 2003.

...сразу села за рукопись... — Речь идет о завершении подготовки к публикации очерка «Мать и музыка».

Есть и стихи, м.б., подойдут. — Вместе с очерком «Мать и музыка» редакцией журнала в № 57 было принято к публикации стихотворение «Тоска по родине! Давно...»

53

С. 67. Я беру короткую. — В окончательном тексте остался вариант Цветаевой (СС-5, 18).

Читали в *Посл<едних> Нов<остях>* поэму Гронского? — Поэма «Белла-Донна». Была напечатана в «Последних новостях» 9 декабря 1934 г. со вступлением Г.Адамовича. Правильно: Белладонна — название горной цепи под Греноблем в Альпах. О поэме Цветаева писала А.А.Тесковой 27 декабря 1934 г.: «9-го дек<абря> появилась его (Н.Гронского. — Л.М.) поэма Белла-Донна (савойская горная цепь), я написала о ней «статью» и вот, просьба: не могли бы Вы, дорогая Анна Антоновна, ее перевести и поместить в Чехии? Статья небольшая: на полтора газетных фельетона. Если бы была надежда, я ее бы Вам переписала и послала, но это все-таки полных два дня работы, так что — без надежды — трудно приняться. Может быть пойдет в *Посл<едних> Нов<остях>*. Статья интересная, ибо касается *всей* поэзии и, главным образом, отвечает на вопрос о языке, среде, почве, *корнях* ПОЭТА. Это — первый поэт, возникший в эмиграции. Первый *настоящий* поэт» (СС-6, 418). В п-ме речь идет о статье Цветаевой «Посмертный подарок», вошедшей в эссе «Поэт-альпинист», опубликованное при жизни Цветаевой лишь по-сербскохорватски в журнале «Руски архив» (1935. № 32/33). Поэма Гронского первоначально называлась «Поэма пика Мадонны и трех альпинистов».

С. 68. ...как большевики пишут: — «Цветаева все более и более дичает». — В статье «Да был ли мальчик?..», посвященной эмигрантской поэзии, советский журналист Г.Хохлов писал: «...Марина Цветаева очень талантливый человек, гибнущий от злой патриотической косности и социального одичания» (*Литературная газета*. М. 1934. 12 марта).

...на вечере Красного Креста. — Вечер Российского общества Красного Креста под покровительством великой княгини Ксении Александровны состоялся 31 декабря 1934 г. в парижском зале искусств и ремесел (9-bis, avenue d'Iéna, 16-e).

Андреева Анна Ильинична (урожд. Денисевич, в первом браке Карницкая; 1883—1948) — вдова писателя Л.Н.Андреева. Знакомство Цветаевой с Андреевой, состоявшееся в 1924 г. в Праге, со временем переросло в настоящую дружбу. «...мой большой женский друг, одно из самых увлекательных и живописных и природных женских существ, которое я когда-либо встретила», — писала в 1940 г. Цветаева об Анне Ильиничне в одном из своих писем (СС-7, 667).

...месяцами тянущейся канители с «Последними» *Новостями*. — Здесь, скорее всего, речь идет о выплате гонорара «Последними новостями» за напечатанный 24 октября рассказ Цветаевой «Китаец», который был сдан в печать еще 15 июля. История с задержкой публикации и выплаты гонорара подробно описана Цветаевой в ее п-ме В.Н.Буниной от 20 октября 1934 г. (СС-7, 272—273).

Выпуск отчеркнут красным: ровно 4 строки в конце последней стр<аницы>. — Речь, по-видимому, идет о строфе, не вошедшей в окончательный текст стихотворения «Тоска по родине! Давно...»:

Так, не дано мне — ничего,
В ответ на праздник, мной даваем —
Так яблоня — до одного
Цветы раздаривает маем!

(Цветаева М. Избранные произведения. М.; Л.: Сов. писатель, 1965. С. 718).

55

С. 69. 4го января 1934 – описка Цветаевой. Должно быть: 1935 г. Исправляется по содержанию.

... не напечатали ни одной моей строки... – См. примеч. к предыдущему п-му.

... другого П.Н. (редактора). – Речь идет о П.Н.Милюкове. См. примеч. к п-му 17.

56

С. 71. Как сказал известный русский подвижник... и т.д. – Источник цитаты нами не обнаружен.

57

С. 72. Спасибо за присланное, – очень помогло. – См. п-мо В.В.Руднева от 9 января 1935 г., на которое отвечает Цветаева.

И блины (в пальзу С<овременных> З<аписок>) – хорошо. – См. примеч. к п-му 31.

«Посмертный подарок» – см. примеч. к п-му 53. В «Последних новостях» Цветаева была напечатана еще лишь один раз: 17 февраля 1935 г. был опубликован ее рассказ «Сказка матери».

Отец – Гронский Павел Павлович (1883–1937), видный деятель партии кадетов, правовед, историк. Сотрудничал в «Последних новостях» с 1921 г.

Демидов – см. примеч. к п-му 40.

... буду читать на совместном выступлении с Ходасевичем. – Речь идет о вечере памяти А.Блока, организованном литературной группой «Перекресток» и состоявшемся 2 февраля 1935 г. в зале ученых обществ. На вечере выступили Цветаева с докладом «Моя встреча с Блоком» и Ходасевич с докладом «Блок и его мать».

С. 73. ... ниже меня (этажом) живут русские... – Этажом ниже жил Айканов Михаил Порфирьевич (1877–1964) – юрист, выпускник С.-Петербургского университета. В эмиграции проживал во Франции. Работал ночным сторожем и в Бюро

помощи престарелым рабочим. Покидая квартиру в Ванве, Цветаева оставила ему свой письменный стол. Это вдохновило Айканова на создание стихотворения, обращенного к Цветаевой (СТ, 552).

58

С. 73. ...не отозвалась ни на книгу *«Современных» Записок», ни на оттиски...* — Речь идет о № 57 «Современных записок», который вышел в свет в первой половине февраля 1935 г.

И же часть должна была идти обманом, под другим названием, с ввинченной вводной фразой. — См. п-мо 57 и примеч. к нему. В п-ме к Ю.П.Иваску от 8 марта 1935 г. Цветаева сетовала по тому же поводу: «Статья разрублена мною, по подневольному требованию отца, — ПОПОЛАМ, просто под трехсотой печатной новостной строкой — подпись. Остающаяся часть, по тайному сговору с П.П.Гронским, воровски должна была идти под другим названием (Журни поэзии) с ввинченной вводной фразой» (СС-7, 398).

Бем — в «Мече» и Ю.Иваск — в «Нови». — См.: Бем А. О Н.П.Гронском и его поэме «Белладонна» // Меч: Еженедельник. Варшава. 1935, 10 февраля. Бем Альфред Людвигович (1886—1945) — литературовед, критик. В эмиграции жил в Чехословакии. Организовал в Праге объединение «Скит поэтов». Что касается статьи Ю.Иваска, то здесь Цветаева ошибается. Возможно, Ю.Иваск и собирался писать о «Белладонне» для «Нови» и сообщил об этом Цветаевой. Но напечатать он свой отклик в журнале уже не мог, так как восьмой номер сборника с заметкой Л.Гомолицкого был последним, после чего издание «Нови» прекратилось. Поэтому речь может идти лишь о напечатанном отзыве Л.Гомолицкого «Несколько слов по поводу «Белладонны» Н.Гронского». Гомолицкий Лев Николаевич (1903—1988) — поэт, прозаик, литературный критик. В эмиграции жил в Польше. Перу Ю.Иваска принадлежит некролог «Памяти Николая Гронского» (Журнал Содружества. Выборг. 1935. № 9).

Когда... валянию моей статьи в демидовском ящике — стукнуло 3 1/2 месяца... я извела ее оттуда. — В марте 1935 г. Цветаева

известила Демидова п-мом: «Прошу считать мою рукопись о поэме Н.Гронского «Белла-Донна» — *Посмертный подарок*, пролежавшую в редакции *Последних* Новостей больше трех месяцев в ожидании “очереди” — аннулированной». (СС-6, 423).

С. 74. ... писала стихи его памяти. — Цикл из трех ст-ний «Памяти Н.П.Гронского» был опубликован в № 58 «Современных записок». Позднее (в 1940 г.) цикл получил название «Надгробие».

...переводила бездарные немецкие революционные песни для какого-то хора. — Цветаева переводила на французский революционные немецкие и популярные советские песни по заказу рабочих самостоятельных коллективов и районных ячеек коммунистической молодежи Франции по линии общества «Франция — СССР» (*Эфрон А. О Марине Цветаевой: Воспоминания дочери*. М.: Сов. писатель, 1989. С. 275).

Аля отделилась — 2 февраля 1935 г., после крупной ссоры с матерью, Аля с одобрения отца ушла из дома. Подробнее см. в п-мах Цветаевой к В.Н.Буниной (СС-7, 284–285) и Н.А.Гайдукевич (*Цветаева М. Письма к Наталье Гайдукевич*. М.: Русский путь, 2003. С. 76–79).

Приходите на чтение, когда — извещу. — См. следующее п-мо.

Отцу сейчас издает в Ревеле I том его стихов. — Книга стихов Н.Гронского в Ревеле (Таллинн) издана не была. В 1936 г. в парижском издательстве «Парабола» вышел его единственный сборник «Стихи и поэмы».

...мать по п а м я т и лепит лицо... — Гронская Нина Николаевна (урожд. Слободзинская, во втором браке Гронская-Лепехина; 1884–1957). Создала скульптурные портреты Б.К.Зайцева, П.Н.Милюкова, А.И.Деникина и др.

59

С. 75. *Будет в газетах.* — Объявление о вечере Цветаевой «Памяти Н.П.Гронского» 11 апреля 1935 г. в зале Географического общества «Последние новости» дали трижды: 31 марта, 7 апреля, 11 апреля.

...сейчас пишет в ревельской «Нови» — Ю.Иваск. — См. примеч. к предыдущему п-му.

С. 76. ...*упраздните всё четверостишие...* — Во втором ст-нии цикла «Памяти Н.П.Гронского» «Напрасно глазом, как гвоздем...» в журнальной публикации было опущено четверостишие (после строк «Здесь слишком здесь, там слишком там...»):

Не — не ты — не ты — не ты.
 Что бы ни пели нам попы,
 Что смерть есть жизнь и жизнь есть смерть, —
 Бог — слишком Бог, червь — слишком червь
 (СС-2, 325).

С. 76. *Вот — корректура.* — Корректура стихов «Памяти Н.П.Гронского».

...*старый человек и старался: 12 стр<аниц> мельчайшего почерка.* — О ком и о чем идет речь, установить не удалось.

...*земляка — сумасшедшего.* — Цветаева пишет о встрече с Бальмонтом. Бальмонт Константин Дмитриевич (1867—1942) — поэт, переводчик. Родился в деревне Гумнищи Шуйского уезда Владимирской губернии (отец Цветаевой родился в селе Дроздово того же уезда). В эмиграции жил в Париже и его предместьях. В начале 1930-х страдал депрессией. Весной 1935 г. его депрессия переросла в тяжелое душевное расстройство, которое иногда сопровождалось приступами буйного помешательства. Цветаева часто виделась с Бальмонтом в Кламаре, где он снимал квартиру. Описываемый Цветаевой эпизод произошел после выхода Бальмонта из госпиталя, куда он был помещен в первых числах апреля.

С. 77. *Разъяснения Елены.* — Речь идет о Цветковской Елене Константиновне (1880—1943) — переводчице, третьей жене К.Д.Бальмонта, которая была ему верным другом и помощницей до его последних дней.

S<ain>te Anne — название дома для душевнобольных в Париже.

...*читала совместно с Х<одасеви>чем.* — См. примеч. к п-му 57.

62

С. 78. *Ла-Фавьер* — зеленая долина в Провансе, на его морском берегу между Марселем и Ниццей. 16 мая 1935 г. Цветаева писала Н.А.Гайдукевич: «Сняла мансарду за 600 фр<анков> в лето и уже дала 200 фр<анков>. — На полной свободе: можно готовить и, даже, не крупное — стирать» (Письма к Наталье Гайдукевич. С. 101).

...прошлалетней деревни... — Свое пребывание в деревне летом—осенью 1934 г. Цветаева подробно описала в п-ме к Н.А.Гайдукевич (Там же. С. 67–70).

...какую из трех вещей Вы хотите?.. Чорта (из книги моего детства). — К моменту написания п-ма проза Цветаевой «Черт» еще не была закончена. Цветаева поставила последнюю точку в очерке 19 июня, накануне своего литературного вечера (см. следующее п-мо и примеч. к нему).

63

С. 79. *Мне вчера не удалось подойти к Вам... загораживала г<оспо>жа Федотова.* — Речь идет о вечере 20 июня 1935 г. в зале Географического общества, на котором Цветаева читала «Черта». Федотова Елена Николаевна (урожд. Нечаева; ?–1966) — жена Георгия Петровича Федотова (1886–1951), публициста, историка, одного из редакторов журнала «Новый град».

С. 80. ...с ежедневными поездками к Муру... — Мур находился в госпитале в Вильжюифе (под Парижем), где 14 июня ему была сделана операция по удалению аппендикса.

64

С. 81. *Врангель* Людмила Николаевна (урожд. Елпатьевская, в первом браке Кулакова; 1877–1969) — писательница. Автор книги «Воспоминания и стародавние времена» (Вашингтон, 1964), в которой глава «Фавьер» посвящена жизни дачной колонии русских в 1930-х гг.: «Куирин, Марина Цветаева и другие читали свои произведения», —

Примечания

упоминает автор о пребывании Цветаевой в Ла-Фавьер (С. 142).

Елпатьевский Сергей Яковлевич (1854—1933) — писатель, публицист. На его даче в Ялте семья Цветаевых жила в 1905—1906 гг.

65

С. 82. «*Чорта*» прочитал, впечатление не слабее, чем от Вашего чтения. — См. п-мо 63 и примеч. к нему.

...не лучше ли опустить страницу 17-ую... Что Вы скажете? — См. п-мо 66 и примеч. к нему.

66

С. 83. ...эту песню люблю до безумия... и хочу, чтобы она осталась. — Фрагмент из очерка «Черт», где описывается сцена пения немецкой детской песенки в два голоса матерью Цветаевой и единокровной сестрой Валерией. В итоге В.В.Руднев оставил эти страницы в публикации (Современные записки. 1935. № 59. С. 221—222).

Пляска Святого Витта — заболевание (хорея Гантингтона — мед.), связанное с нарушением психики человека и проявляющееся, в частности, в произвольных насильственных движениях конечностей и мимике. Больной как бы пританцовывает. Вит (Витт) — святой мученик, в детском возрасте за исповедание христианской веры подвергался истязаниям со стороны правителя Валериана (III в.). Погиб мученической смертью.

67

С. 84. *Посылаю стихи* и т.д. — Ст-ние «Сыну» («Не быть тебе нулем...»). Просьба Цветаевой выделить слово «спортсменный» выполнена не была (Современные записки. 1935. № 59. С. 203).

С. 85. *Умалю о сохранении под стихами года...* — Дата под стихами в журнале так и не была проставлена.

С. 85. *Вот корректура.* — Корректурa «Черта».

С. 86. *Пожвовский* Михаил Николаевич (1868—1932) — советский историк, партийный и государственный деятель. Автор «Русской истории с древнейших времен» (т. 1—5, 1910—1913). В напечатанном виде осталось: «Михаил-Иваныча».

Заменяла ОТТОЧЕННЫМ. — Замечание В.В.Руднева, с которым согласилась Цветаева, касалось фразы: «Холодный новый крутлый, как нуль — полный, рубль как зубами врезался незазубренным своим краем в руку...» (Современные записки. 1935. № 59. С. 219).

Es war ein König im Thule // Gar treu bis an sein Grab. — Строчки из баллады И.В.Гёте «Фульский король».

Почему Вы убрали: В а н в, 1934 г. — В рукописи у Цветаевой под «Чертом» было написано: *Ванв, 19 июня 1935.*

А что же со стихами? — По-видимому, Цветаева посылала в редакцию весь цикл «Стихи к сыну» (1932), состоящий из трех ст-ний («Ни к городу и ни к селу...», «Наша совесть — не ваша совесть!..» и «Не быть тебе нулем...»). (СС-2, 299—301). Принято к публикации было только одно, третье.

С. 87. *Корректуру — стихов...* — См. примеч. к п-му 67.

Немецкую цитату выправила на Вашем листке. — См. предыдущее п-мо.

С. 88. *...свой вечер стихов...* — Вечер новых стихов Цветаевой состоялся 20 декабря 1935 г. в зале ученых обществ. Анонс о вечере неоднократно печатали «Последние новости» (начиная с 5 декабря) и газета «Возрождение» (с 12 декабря).

С. 88. *А вот стихи...* – Вероятнее всего, речь идет о двух стихотворениях цикла «Отцам» («Поколенью с сиренью...» и «В мире, ревущем...»), опубликованных «Современными записками» в 1936 г. в № 60 и 61.

С. 89. *Георг V* (1865–1936) – английский король с 1910 г., двоюродный брат Николая II, «который так похож на Ники» (*Радзинский Э.* «Господи... Спаси и умири Россию». Николай II: Жизнь и смерть. М.: Вагриус, 1993. С. 242). После ареста царской семьи шли переговоры Временного правительства об ее отъезде в Англию и было достигнуто соглашение. Однако вскоре «премьер Ллойд-Джордж посоветовал королю Георгу уклониться от приезда Романовых, чтобы ценой жизни своих родственников купить популярность у левой Англии» (Там же. С. 243). По просьбе Георга велись переговоры о высылке царской семьи в Париж. «Англия вела эти переговоры, отлично зная, что республиканская Франция никогда не согласится» (Там же).

...его двоюродном брате – как он ужасно умер... – Речь идет об императоре Николае II Александровиче (1868–1918). В ночь с 16 на 17 июля 1918 г. расстрелян вместе со своей семьей большевиками в Екатеринбурге.

Киплинг Джозеф Редьярд (1865–1936) – английский писатель, автор «Книги джунглей» (1894) и «Второй книги джунглей» (1895). Здесь, скорее всего, речь идет о первых двух томах собрания сочинений Р.Киплинга, вышедших отдельными выпусками в русском переводе в петроградском издательстве Сойкина (1916). В очерке «Герой труда» Цветаева упоминает «Книгу джунглей», которую в декабре 1920 г. читала ее дочь Аля (СС-4, 34).

...из поколения о т у о в ... – Цветаева намекает на свои стихи «Отцам». Ср., например, из стихотворения «Поколенью с сиренью...» (Отцам, 2): «Вы – ребенку, поэтом // Обреченному быть, // Кроме звонкой монеты // *Всё* – внушившие – чтить...» И т.д.

С. 90. *Возвращая корректуру*. – Корректурa ст-ния «Поколенью с сиренью...».

«Война и мир», «Детство и отрочество» – романы Л.Н.Толстого. Свое отношение к писателю Цветаева выразила в п-ме 12 мая 1934 г. к Ю.П.Иваску: «...Толстого не люблю, т.е. люблю его жизнь и смерть, его одинокую муку, его волчиное сердце, но почти – *сочувственно...*» (СС-7, 387).

...дом Ростовых... – бывший особняк графов Соллогубов, описанный Л.Н.Толстым в «Войне и мире» как принадлежавший Ростовым (Поварская, 52). Там после революции помещался Дворец Искусств.

...дом в Трехпрудном – за день до п-ма к В.В.Рудневу Цветаева писала А.А.Тесковой: «Трехпрудный» – в моих вещах – Трехпрудный переулок, где стоял наш дом, но это был целый мир, вроде имения (Нof), и целый психический мир – не меньше, а м.б. и больше *дама Ростовых*, ибо дом Ростовых плюс еще сто лет» (СС-6, 431–432).

73

С. 91. ...*Муриногo одинадцатилетия...* – Мур родился 1 февраля 1925 г.

В субботу, 15-го, смотр всем поэтам... – Речь идет о вечере 15 февраля 1936 г., устроенном Объединением писателей и поэтов в помещении Российского музыкального общества за границей (26, avenue de Токуо, 16-е). Приглашены были более 30 поэтов. Объявления о вечере были напечатаны в «Последних новостях» (11 и 15 февраля) и «Возрождении» (13 февраля).

Булонь, где жил Руднев – ближайшее предместье Парижа, один из «пригородных» русских центров. Здесь в 1920-е – 1930-е годы находились Русская гимназия, Библейская школа для русских, Русский коммерческий институт, Русская лечебница для приходящих больных и др., снимали квартиры русские художники, писатели и т.д.

Собирается, но – вяло, вроде отдаленных перспектив. – Ср. со словами С.Я.Эфрона о настроении Али в п-ме сестре Е.Я.Эфрон от 4 декабря 1935 г.: «...она ужасающе пассивна и живет еще в каком-то отроческом сне» (*Цветаева М. Неиз-*

данное. Семья: История в письмах. М.: Эллис Лак, 1999. С. 363). Но уже через несколько дней после п-ма В.В.Рудневу Цветаева восклицает в другом своем п-ме, к А.А.Тесковой: «С<ергей> Я<ковлевич> и Аля и Мур – рвутся (в СССР. – Л.М.)» (СС-6, 433). «...Аля, получив советский паспорт, радостно собиралась в Москву, навстречу светлому будущему, в которое свято верила. Зараженную фанатизмом отца, ее ничто не могло остановить: ни сомнения в том, что в России она найдет применение своим способностям, ни перспективы полноценной журналистской работы во Франции, ни оставшиеся друзья. Что до семьи, то само собою подразумевалось, что в недалеком времени все соединятся на родине» (Саакянц А. С. 651). Через год А.С.Эфрон уехала в Москву.

Я – не собираюсь, но когда поеду... и т.д. – Мучительную тему отъезда Цветаева затрагивает в эти дни и в своих п-мах к А.А.Тесковой: «...Не знаете ли Вы, дорогая Анна Антоновна, хорошей гадалки в Праге? Ибо без гадалки мне, кажется, не обойтись. Все свелось к одному: ехать или не ехать. (Если ехать – так навсегда.)» (15 февраля 1936 г., СС-6, 433).

«Живу под тучей – отъезда. Еще ничего реального, но мне – для чувств – реального не надо.

Чувствую, что моя жизнь переламывается пополам и что это ее – последний конец.

Завтра или через год – я все равно уже не здесь... и все равно уже не живу. Страх за рукописи – что-то с ними будет? *Половину* – нельзя везти! А какая забота (любовь) – безумная жалость к последним друзьям: книгам – тоже половину нельзя везти! – и какие оставить?? – и какие взять??...» (29 марта 1936 г., СС-6, 436). И т.д. ...*с тетрадками...* – Ср.: «Россия без меня обойдется, тетради – нет. Я без России обойдусь, без тетрадей – нет. <...> все осуществляется и даже живется <...> только в тетради». (Саакянц А. С. 634).

Сестра – Цветаева Анастасия Ивановна (1894–1993) – писательница, мемуаристка. Автор обширных воспоминаний о детстве и юности М.И.Цветаевой.

С. 91–92. *Сын* – Трухачев Андрей Борисович (1912–1993) – сын А.И.Цветаевой от первого брака, инженер-строитель.

С. 92. *T.S.F.* (Transmission sans fil – передача без проводов – фр.) – радиоприемник.

74

С. 92. *Вчера видала старушку...* – Имеется в виду Иванова Анна Николаевна (1877–1939) – поэтесса, переводчица, племянница Екатерины Алексеевны Андреевой-Бальмонт (1867–1950), второй жены К.Д.Бальмонта. Многие годы жила в России и в эмиграции в семье Бальмонтов. Бальмонт звал ее своей «няней», заботился о ней.

...обе его спутницы... – Вторая спутница – Е.К.Цветковская. О ней см. примеч. к п-му 61.

Он совсем не выздоровел... – О болезни К.Д.Бальмонта см. п-мо 61 и примеч. к нему.

С. 93. *Лебедева* Маргарита Николаевна (урожд. баронесса Спенсер; 1880–1958) – врач. В эмиграции стала близким другом Цветаевой.

Шомаж – от фр. *chômage* – безработица, пособие по безработице.

Подписные листы по заграничным богачам пока не дали ни одного франка. – См. примеч. к п-му 78.

75

С. 93. *...мне необходимо попасть на завтрашний доклад Керенского о Царской семье – это моя тема...* – В 1936 г. А.Ф.Керенский выступил в Париже в зале Социального музея с докладами, объединенными общей темой «Трагедия царской семьи». В организации его выступления участвовала редакция «Современных записок». Первый из докладов (а всего их было три) – «Революция, царь и монархисты» – состоялся 26 февраля 1936 г., второй – «Гибель царской семьи» – 7 марта. 17 марта два первых доклада были объединены в один – «Крушение монархии и гибель царской семьи», при этом было предусмотрено время на вопросы. Цветаева была на двух последних докладах. *...это моя тема* – речь идет о «Поэме о Царской семье», замысел которой возник у Цветаевой в конце 1920-х гг. 1 февраля

1930 г. она писала Р.Н.Ломоносовой: «Сейчас пишу большую поэму о Царской семье... Не нужна никому. Здесь не дойдет из-за «левизны»... там — туда просто не дойдет, физически... «Для потомства»? Нет. Для очистки совести. И еще от сознания силы: любви, и, если хотите, — дара. Из любящих только я смогу. Потому и должна» (СС-7, 317). С января по апрель 1936 г. Цветаева как раз была занята поправками к «Поэме о Царской семье». Полный текст поэмы и ее черновики не сохранились. При жизни Цветаевой была опубликована лишь глава «Сибирь» (Воля России. Прага. 1931. № 3—4). Ряд уцелевших фрагментов поэмы приведен Е.Б.Коркиной в кн.: *Цветаева М.* Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1990. С. 669—672.

С. 94. *Сделайте это для своего старого... сотрудника, по старой — все-таки дружбе?* — Цветаева напоминает Рудневу о первой публикации своих стихов в «Современных записках» (1920, № 1). Стихи в редакцию были переданы К.Д.Бальмонтом.

76

С. 95. *...присылайте мне билеты на вечера <Современных> <аписок>... другие писатели ведь получают!* — См. примеч. к п-му 31.

...книгу Керенского... — Речь идет о только что вышедшей в парижском издательстве «Payot» книге на французском языке «L'Expérience Kerenski» («Опыт Керенского»). Автор дает в своей новой книге не только очерки событий революции 1917 г. (во многом уже известные русскому читателю), но и делает выводы из них для оценки современного положения во Франции. В.В.Руднев откликнулся на книгу А.Ф.Керенского развернутой рецензией (см.: *Современные записки.* 1936. № 62. С. 457—462).

...я когда-то сотрудничала в Днях... — Ежедневная газета «Дни» выходила в Берлине (с 1922), затем в Париже (с 1925 г.). В 1928 г. была преобразована в еженедельник. С первых номеров издания А.Ф.Керенский сотрудничал в нем, в частности и как редактор. В 1923—1926 гг. Цветаева публиковала в «Днях» стихи и дневниковую прозу. Подробнее об их взаимоотношениях см.: *Мужин Л.* Цветаева и Ке-

ренский // Вестник русского христианского движения. Париж; Нью-Йорк; Москва. 1994. № 169. С. 147–163.

...пишите нам... — А.Ф.Керенский предлагал Цветаевой публиковаться в парижском общественно-политическом двухнедельном журнале «Новая Россия», который он выпускал и редактировал с 8 марта 1936 г.

Кузмин Михаил Алексеевич (1875–1936) — писатель, поэт, композитор. *Единственная встреча* Цветаевой с Кузминым состоялась в январе 1916 г. в доме инженера-кораблестроителя Иоакима Самуиловича Каннегисера (1860–1930) (Петербург, Саперный переулок, 10). Памяти М.А.Кузмина Цветаева посвятила очерк «Нездешний вечер», который «Современные записки» опубликовали в июле 1936 г. (№ 61). (См. СС-4, 281–292).

77

С. 96. ...большую поэму — «Поэма о Царской семье». См. примеч. к п-му 75.

Лифарь Сергей Михайлович (1905–1987) — танцовщик, хореограф. С 1923 г. жил во Франции. 5 апреля 1936 г. «Современные записки» устроили свой очередной вечер, на этот раз посвященный современному танцу. В программе: доклад театрального критика А.Е.Шайкевича «Проблема современного балета и Сергей Лифарь», балетные миниатюры «Фавн» (муз. К.Дебюсси), «Икар» (ритмы С.Лифаря и Ж.Сивера), «Чардаш» (муз. И.Брамса) в исполнении С.Лифаря. Председательствующий С.М.Волконский.

78

С. 97. *Только что закончила свое о Бальмонте — для вечера «Поэту — писателю»...* — В декабре 1935 г. исполнилось 50 лет литературной деятельности К.Д.Бальмонта. Воспользовавшись юбилеем, В.Ф.Зеелер обратился к писателям с призывом помочь больному поэту. Б.К.Зайцев, М.А.Алданов и другие писатели обращались за помощью к меценатам. Однако, если средства какие-то и поступали в пользу Бальмонта, этого было явно недостаточно для его лечения, оплаты пребывания

в лечебнице и т.д. Такая ситуация подтолкнула писателей на проведение благотворительного вечера, который был организован Союзом русских писателей и журналистов и состоялся 24 апреля 1936 г. в зале Социального музея под лозунгом «Писатели — поэту» (так значилось в анонсах и программе вечера). Среди выступивших на вечере — И.С.Шмелев, Н.А.Тэффи, А.М.Ремизов, Б.К.Зайцев и др. Цветаева прочла страстную речь «Слово о Бальмонте», главной целью которой был призыв о срочной помощи поэту. На вечере был учрежден фонд Бальмонта, куда и поступили средства от благотворительного вечера. (О вечере см. подробнее в кн.: *Куприяновский П.В., Молчанова Н.А. Поэт с утренней душой: Жизнь, творчество, судьба Константина Бальмонта*. М.: Изд-во «Индрик», 2003. С. 409—410.) «Слово о Бальмонте» Цветаевой при ее жизни было опубликовано лишь в переводе на сербохорватский язык (*Руски архив*. Белград. 1936. № 38/39). (СС-4, 271—280).

...*трубецкой Клармарской церкви...* — Церковь святых Константина и Елены в Клармаре, сооруженная трудами кн. Г.Н.Трубецкого в усадьбе, где он жил, и прозванная в местной русской колонии «*трубецкой*» по имени ее основателя. *Трубецкой* Григорий Николаевич, князь (1874—1930) — дипломат, политический и религиозный деятель. Последователь патриарха Тихона. С 1923 г. жил во Франции. Бальмонт, как и Цветаева, поселился в Клармаре в 1932 г.

79

С. 98. *Кузмина — и страничка о Гронском — и стихи...* — Цветаева переписывала для № 61 журнала свою прозу «Нездешний вечер», рецензию «О книге Н.П.Гронского «Стихи и поэмы» и три своих стиха: «Родина» («О, неподатливый язык!...»), «Дом» («Лопушиный, ромашный...»), «Отцам» («В мире, ревуцем...», 2).

...*вышло моим невольным ответом на Газданова...* — В последнем номере «Современных записок» (№ 60) было опубликовано эссе прозаика и критика Гайто Ивановича Газданова (1903—1971) «О молодой эмигрантской литературе», в которой ставились под сомнение творческие возможности

и перспективы молодого поколения русских писателей. В числе основных причин такого явления: отсутствие «социально-психологических устоев», «ничтожное количество читателей», «устарелость литературных принципов», которые молодые писатели смогли перенять у старших писателей эмиграции и т.д. Г.Газданов утверждал, что за шестнадцать лет молодая эмигрантская литература не дала ни одной крупной фигуры (за исключением В.Сирина-Набокова). Статья вызвала оживленную полемику в эмигрантской печати. См., например, выступления в печати Г.В.Адамовича (Современные записки. 1936. № 61. С. 205—212), М.А.Алданова (Там же. С. 400—409), В.С.Варшавского (С. 409—414), А.Л.Бема (Меч. Варшава. 1936, 3 мая), М.А.Осоргина (Последние новости. 1936, 19 марта и 10 августа) и др. Рецензию Цветаевой на книгу Н.П.Гронского тоже можно рассматривать как участие в полемике. Она, по существу не касаясь положения дел в молодой эмигрантской прозе, отстаивает молодую поэзию. «Мне кажется, спор о том, может ли быть эмигрантская молодая литература или не может быть, на этот раз сам собой разрешен в недавно вышедшей книге покойного молодого поэта Н.П.Гронского», — утверждает Цветаева в своей рецензии (Современные записки. 1936. № 61. С. 464). (СС-5, 460—462).

И Гронский был такой — избыточный. — Перечисляя темы и названия стихов и поэм Н.П.Гронского, Цветаева вопрошает: «Где же, господа, неизбежное эмигрантское убожество тем, трагическая эмигрантская беспочвенность?» и добавляет, что у молодого поэта «всё здесь» — и темы, и «почва», и «русские истоки», и «мощь и молодость» и т.д. (Там же. С. 464).

С. 99. ... *потому и открыл под Новый... Год — газовый кран!* — Имеется в виду Степанов Иван Васильевич (ок. 1896—1933), писатель, правовед, бывший капитан лейб-гвардии Семёновского полка. В эмиграции жил в Бельгии, в конце 1920-х стоял во главе брюссельской группы евразийцев. Покончил жизнь самоубийством. Цветаева писала о нем А.А.Тесковой. «Остался чемодан рукописей, которые никому кроме меня не нужны. Он был — настоящий писатель...» (СС-6, 411). Некоторые из этих рукописей Цветаева пыталась бе-

зуспешно устроить в печать («Лазарет ее Величества», «Обедня» и др.).

6, Rue Daviel — Адрес редакции и конторы «Современных записок».

«Записки безработного» — Jean Stéphanou. «Carnets d'un chômeur» («Записки безработного» — фр.) // Esprit. Revue internationale édition française. Paris. 1934. № 17, 18. Публикацию предваряло редакционное вступление: «31 декабря 1933 года, незадолго до полуночи, в Брюсселе покончил с собой безработный человек. Он оставил странички Дневника, которые сегодня нам принес один его товарищ. <...> В нем увидят человека, обнаженного перед лицом Системы, которая лишила его всякого желания продолжать жить, внутреннего или внешнего, и у которого даже нет революционных мифов, чтобы создать себе хоть иллюзию спасения. Мы не изменили ни одной строчки в этих записках, так как их ценность больше, чем литературная» (№ 17. С. 728). (Пер. с фр. В.Лосской).

80

С. 100. ...такой даровитый поэт!.. — См. п-мо 34 и примеч. к нему.

Ряд же живых его высказываний... — Содержание «живых высказываний» Есенина, которые слышала Цветаева, нам неизвестно. Каннегисер Леонид Иоахимович (1896—1918) — петербургский поэт, дружил с Есениным. Дункан Айседора (1878—1927) — американская танцовщица, жена С.А.Есенина. В 1921—1924 гг. жила в СССР.

Савинков Лев Борисович (1912—1987) — поэт, журналист. Сын писателя и видного деятеля партии эсеров Б.В.Савинкова. Летом 1928 г. в Понтайяке (на берегу Атлантического океана) был в группе отдыхающих вместе с Цветаевой. В 1936 г. выпустил в Париже единственный сборник стихов «Аванпост». Оценка Цветаевой его стихов перекликается с выпадом З.Н.Гиппиус: «Писать о ней (книге Л.Б.Савинкова. — Л.М.) “стихочеловеческую” рецензию почти невозможно: до такой степени мало в ней человека. Надо учитывать, конечно, молодость автора, но все же! Ведь собствен-

но о стихах и совсем нечего сказать: обычный «модерн», уже начинающий, кажется, придется и СССР-ским «поэтам» (Современные записки. 1936. № 61. С. 468).

Ремизов... дал немецкий и бретонский быт. — См., например, его очерк «Три желания», где Ремизов красочно описывает жизнь Бретани («Бретань костюмированная», «Бретань траурная», «Таинственные места Бретани» и т.д.) во время своей двухнедельной поездки по Франции. (Современные записки. 1931. № 47. С. 65—85).

С. 101. *Эйснер* Алексей Владимирович (1905—1984) — поэт, прозаик, один из наиболее ярких представителей молодой поэзии русского зарубежья. С 1925 г. жил в Чехии, с 1931 г. — во Франции. Цветаева познакомилась с ним в 1932 г., и он ей «решительно нравился» (СС-6, 402). ...*задетьми <...> почувствует...* — Цветаева изменила вскоре свое отношение к Эйснеру: «...где-то с 32-го года я бросил писать стихи. Тут Цветаева стала очень плохо ко мне относиться, потому что... я ее обманул. Поэт не может бросить писать стихи...» (*Эйснер А.* «Она многое понимала лучше нас...». // Марина Цветаева в воспоминаниях современников: Годы эмиграции. М.: Аграф, 2002. С. 209).

Гайданова. — Описка Цветаевой, правильно — Газданова..

...*по слову обо мне — 19 лет назад — Бальмонта...* — О дружбе Цветаевой и Бальмонта в послереволюционной Москве см. его воспоминания в кн.: Марина Цветаева в воспоминаниях современников: Рождение поэта. М.: Аграф, 2002. С. 116—123, а также в воспоминаниях ее дочери, А.С.Эфрон (Там же. С. 233—237).

В корректуре Нездешнего вечера... и т.д. — Все исправления Цветаевой по корректуре, кроме написания слов «Это был Есенин!» заглавными буквами, редакцией были выполнены.

С. 102. *Гиппиус* Зинаида Николаевна (1869—1945) — поэт, прозаик, литературный критик (псевдоним Антон Крайний). Поэзия Цветаевой была ей абсолютно чужда. «Стихи Цветаевой — конечно, дело вкуса редакции, но на одной странице с моими — этот узел — во всяком случае бесспорное безвкушие». — писала Гиппиус одному из редакторов «Современных записок» (*Вишняк М.* «Современные записки»: Воспоминания редактора. С. 220). *Бунин* Иван Алексеевич

(1870–1953) — поэт, прозаик, публицист. Бунин, как и Гиппиус, не признавал Цветаеву-поэта, упрекал в «не прекращавшемся всю жизнь ливне диких слов и звуков в стихах...» (Бунин И. Воспоминания. Париж: Возрождение, 1950. С. 43). К слову, к прозе Цветаевой у Бунина отношение было иное. Он называл ее прозу «прекрасной», но «безумно-трудной» (СС-6, 278), положительно отозвался об очерке, посвященном Музею Александра III (СС-7, 446). Когда у Цветаевой возникли проблемы с публикацией в «Последних новостях» рассказа «Китаец», Бунин взялся помочь ей и уладил все вопросы с редакцией газеты.

«Записки безработного» были напечатаны в двух частях (см. примеч. к предыдущему п-му).

Обедня — см. предыдущее п-мо и примеч. к нему.

81

С. 102. *Порядок напечатания — таков...* — В такой последовательности стихи и были напечатаны. См. примеч. к п-му 79.

С. 103. *Мой брюссельский адрес...* — Цветаева ездила в Брюссель по приглашению своей знакомой Ольги Николаевны Вольтерс (урожд. Богдановой; 1904–1969) и пробыла там неделю — с 20 по 27 мая 1936 г. Дважды выступила в доме О.Н. Вольтерс: первый раз читала очерк «Отец и его музей» (французский текст), второй — «Нездешний вечер» и «Слово о Бальмонте».

Porte de Versailles — Площадь и станция метро на юго-западе Парижа, недалеко от Ванва.

Как Вам понравился Степанов? — Речь идет о «Записках безработного». См. предыдущее п-мо.

82

С. 104. *...нравится формула...* и т.д. — Целиком фраза в рецензии: «Поэт никогда не жил подножным кормом времени и места, и если Пушкина, к нашей великой, кровной обиде, так и не выпустили за границу, это не помешало ему дать невиденный им Запад — лучше видевших» (Современные записки. 1936. № 61. С. 465).

Сейчас перевожу два лучших и труднейших стихотворения Пушкина... — В феврале 1937 г. исполнялось сто лет со дня смерти великого поэта. В преддверии юбилейной даты Цветаева начала работу над переводами на французский ст-ний Пушкина. Первые из ее переводов предназначались для пушкинского сборника, который должен был выйти к юбилею под редакцией З.А. Шаховской. Кроме того, Цветаева предполагала напечатать часть переводов в бельгийском «Журналь де поэт» и составить для французского издательства сборник своих любимых ст-ний. Всего было переведено более двадцати ст-ний. Однако, несмотря на все старания Цветаевой, ничего из переводов Пушкина в этих изданиях ей опубликовать не удалось. При ее жизни один перевод («Бесы») был напечатан в однодневной газете «Пушкин 1837–1937», изданной ко «Дню русской культуры», и еще два (Песня Председателя из «Пира во время чумы» и «Няне») — в доминиканском журнале «La Vie Intellectuelle» (Paris, 1937. Vol. XLVIII. № 2. С. 316–318). Последнюю публикацию Цветаевой устроил профессор православного богословского института Владимир Васильевич Вейдле (1895–1979). См. его воспоминания в кн.: Марина Цветаева в воспоминаниях современников: Годы эмиграции. М.: Аграф, 2002. С. 266.

... статью Бема... и т.д. — См.: Бем А. В тупике (рецензия на: «Якорь»). Антология зарубежной поэзии. Сост. Г.В.Адамович и М.Л.Кантор. Берлин: Петрополис, 1936 // Меч. Варшава. 1936, 5 апреля. Антология вызвала у критика «ряд невеселых мыслей», в том числе отсутствие «у эмиграции своего подлинного пафоса», тот факт, что эмиграция «не родила своей идеи», «не осознала своего призвания». В то же время, по сравнению со стихами молодых поэтов, ст-ние Цветаевой «Роландов рог» характеризуется как «страстное, напряженное, трагическое в своей безнадежности и все же оптимистическое по вере в силу своей правоты». (Ст-ние «Роландов рог» (1921) впервые опубликовано в «Современных записках». 1932, № 50. С. 234.)

Но самое интересное — на обороте. — Цветаева конечно же не могла не обратить внимания в этой газете на статью «Борьба с формализмом. Творческая судьба Пастернака». Статья

подписана инициалом Г. и вероятнее всего принадлежит перу Л.Н.Гомолицкого, постоянного литературного сотрудника газеты «Меч» (см. примеч. к п-му 58). В связи с тем, что ссылок на данную публикацию в прежних библиографических указателях и исследованиях о Б.Пастернаке нами не обнаружено, приведем ее целиком (с небольшими примечаниями).

«Когда в официальной советской печати появились первые статьи против «формализма», писатели, застигнутые врасплох, видимо, не сразу ориентировались в серьезности постановки вопроса. На первых дискуссиях многие из них выступили с очень резкими (по советским условиям) речами, одним словом, что называется, «дали маху». Попался среди других и официально признанный «соловьем в садах» советской словесности Борис Пастернак. Он позволил себе заявить, что «к писателям вообще нельзя предъявлять никаких требований ни в области формы художественного произведения, ни в области содержания... Нельзя сказать матери: роди девочку, а не мальчика»¹.

Вершители судеб литературы в СССР думают, конечно, иначе. Тут же Пастернаку была дана отповедь Кирпотиным², который попросту начал с того, что зажал рот оппонентам именем Сталина. «Для вас, — заявил он, — не прозвучали, как должно, гениально простые слова вождя народов, великого Сталина». В отчете «Литературной газеты» прямо говорится, что после этого выступления был поставлен вопрос «о дальнейшей творческой судьбе Пастернака»³. Естественно, что на следующем же заседании союза Пастернак выступил с покаянной речью. Речь эта, судя по газетному отчету, была путаной и неясной в своих положениях, но в конце ее поэт просил «литературную общественность» помочь ему распутать узел волнующих его противоречий»⁴.

О том, каковы эти противоречия и в чем Пастернак найдет желанный выход, можно судить по новым стихам его, появляющимся в официальной печати. Больно читать эти вирши, подписанные именем поэта, единственного в СССР до последнего времени еще сохранившего свободный и чи-

стый голос. Для примера, несколько строчек нового Пастернака:

Спасибо предтечам,
Спасибо вождям.
Не тем же, так нечем
Отплачивать нам...
И вечным обвалом,
Врываясь извне,
Великое в малом
Отдастся во мне.
И смех у завалин,
И мысль от сохи,
И Ленин, и Сталин,
И эти стихи...⁵

¹ Из речи Б.Пастернака от 13 марта на общемосковском собрании советских писателей.

² *Кирпотин* Валерий Яковлевич (1898—1990) — критик, публицист. В 1936 г. заведовал сектором художественной литературы ЦК ВКП(б). Выступил против Пастернака сначала на собрании, затем в статье «За искусство победившего народа» // Литературная газета. 1936. 15 марта.

³ В редакционной статье «Еще раз о самокритике» того же номера «Литературной газеты» было сказано: «Пастернаку предложено задуматься, куда ведет его путь индивидуализма, цехового высокомерия и претенциозного зазнайства».

⁴ Повторное выступление Пастернака состоялось 16 марта. Краткое изложение его речи см.: Литературная газета. 1936. 20 марта.

⁵ Из ст-ния «Я понял: всё живо...». Опубликовано: Известия. 1936. 1 янв.; Знамя. 1936. №4. С. 3—4.

Более подробно о полемике вокруг творческой позиции Б.Пастернака в те годы см.: *Флейшман Л.* Борис Пастернак в тридцатые годы. Иерусалим, 1984. С. 303—352.

Возвращаясь к реакции Цветаевой на заметку Г<омолицкого>, отметим, что еще в июле 1935 г., приводя в п-ме к Н.С.Тихонову слова Пастернака, обращенные к ней:

«Ты — полюбишь колхозы!»), она писала: «...Борис, лучший лирический поэт нашего времени, на моих глазах предавал Лирику...» (СС-7, 552).

83

Датируется по почтовому штемпелю на открытке.

С. 105. ...но книгу доставить не могу.. — Речь, вероятнее всего, идет о книге А.Ф.Керенского. См. п-мо 76 и примеч. к нему.

Moret-sur-Loing. — В июле Цветаева с Муром провели три недели в местечке Море-сюр-Луан под Парижем. «Квартира очень уютная и чистая, улочка тихая, за самой церковной стеной (спиной). Окрестности редкой красоты: две реки: Loing и Сена — близкий лес (есть и сосна), холмы..» — писала Цветаева 8 июля, на следующий день после приезда (СС-7, 504). 31 июля вернулась в Париж. См. следующее п-мо.

84

С. 105—106. *Всё получила...* — Современные записки № 61 и оттиски трех своих публикаций Цветаева получила в двадцатых числах июля.

В том же номере журнала (С. 328—353) за подписью Х. были опубликованы выдержки «Из писем старого друга. 1931—1935 гг.» под общим названием «Оттуда». В редакционном послесловии В.В.Руднев назвал публикацию «своеобразным свидетельством очень вдумчивого человека о живом образе современной России» и «документом первостепенного значения» (Там же. С. 353). Автор опубликованных анонимно писем — Евгения Казимировна Герцык (1878—1944), переводчица, критик. Цветаева встречалась с ней в Москве и Коктебеле. *Аня* — под этим именем в п-мах выведена ее сестра Аделаида Казимировна Герцык (1874—1925), поэтесса. Цветаева была с ней дружна.

С. 106. ...обо мне (и сестре). — «...две сестры, внутренне очень близкие, а теперь обогащенные таким различным опытом, как М. и А...» (Там же. С. 346). О сестре А.И.Цветаевой см. примеч. к п-му 78. 29 июля Цветаева писала поэту

А.С.Штейгеру: «Прочтите: Письма оттуда и непременно напишите, дошли ли. Лучшая вещь в книге» (СС-7, 568).

Гершензон Михаил Осипович (1869–1925) — историк русской литературы, философ, публицист.

Рассказ В. Сирина (В.В.Набокова) — «Весна в Фиальте».

85

С. 106. *Теряюсь в догадках – что бы такое могло случиться с «Софременными» Записками?* — Речь идет об усилившихся разногласиях внутри редакции журнала. В 1936 г. М.В.Вишняк, один из редакторов, отказался от содержания, которое он получал от журнала, и снял с себя все технические функции редактора. «Руднев перенял их и стал единоличным администратором «Современных записок», а потом фактически и единоличным редактором: сначала еще по консультации со мной <...>, а потом и без предварительного осведомления меня о своих планах и решениях», — писал позднее М.В.Вишняк, как бы подводя итог расколу редакции (*Вишняк М. «Современные записки»: Воспоминания редактора.* С. 320). В своей книге Вишняк подробно излагает всю историю и причины кризиса в редакции. См.: Там же. С. 294–330).

Стихи доставлю завтра же. — Вероятнее всего, речь идет о написанном в августе цикле «Куст», опубликованном в № 62 «Современных записок» (вышел в декабре 1936 г.).

86

Датируется условно по содержанию п-ма и записи, сделанной Цветаевой 26 января (понедельник) 1937 г.: «*Стихи к Пушкину в субботу* отнесены Рудневу, сданы на руки его жене. Молчание. *Мой Пушкин* (проза) кончен, переписан и ждет (моего) чтения...» (*Саакянц А.* С. 650).

С. 107. *...получите завтра в пятницу..* — Цветаева отнесла стихи в субботу, 24 января, а не в пятницу, как предполагала.

...вся в Пушкине... — Цикл «Стихи к Пушкину» был написан Цветаевой в 1931 г. Два ст-ния из цикла («Бич жандармов,

бог студентов...» и «Петр и Пушкин») были напечатаны в № 63, еще два («Станок» и «Преодоление...») — в № 64 «Современных записок» за 1937 г., здесь же был опубликован и очерк «Мой Пушкин». Руднев довольно скептически отнесся к будущему очерку Цветаевой о Пушкине. В п-ме писателю и редактору П. Балакину в декабре 1936 г. он писал: «Я не уверен, что о Пушкине она смогла бы дать столь же блестящую статью, как о ряде своих современников» (Современник. Торонто, 1975. № 28—29. С. 65).

...буду читать в феврале... — Свой пушкинский вечер Цветаева провела 2 марта 1937 г. в зале Социального музея. В программе: проза «Мой Пушкин», стихи к Пушкину, французские переводы, лирика. Кроме того, она еще трижды участвовала в пушкинских чтениях: 21 февраля. Союз возвращения на родину. Утро, посвященное Пушкину. В помещении Театра Раймонда Дункана (стихи к Пушкину); 28 февраля. Вечер памяти Пушкина, устроенный негритянским населением Парижа. Зал Мютюалите (французские переводы); 8 июня. Русско-французская группа почитателей поэта. Помещение Американской церкви (французские переводы). См. также: Даманская А. Сын памятника Пушкина. На вечере Марины Цветаевой о великом поэте. В кн.: Марина Цветаева в критике современников: В 2 ч. Ч. I. Родство и чуждость. М.: Аграф, 2003. С. 471—473; Гефтер А. Пушкинский вечер Марины Цветаевой (Там же. С. 474—475).

87

С. 107. *На Пушкине не рассоримся...* — Цветаева отвечает на замечания Руднева, касающиеся ст-ния «Бич жандармов, бог студентов...».

Ох, бродатые авгуры... и т.д. — Первые строки строф, которые Цветаева предлагает исключить из ст-ния и которые не попали в опубликованный вариант. Авгуры — в Древнем Риме жрецы, прорицатели.

Очень хотелось бы оставить: Уши лопнули от вопля... — Эта строфа оставлена, так же, как и другие места в ст-нии, упоминаемые далее в п-ме. Полный вариант ст-ния «Бич жандармов, бог студентов...» впервые опубликован в кн.: *Цвета-*

ева М. Избранные произведения. М.; Л.: Сов. писатель, 1965. С. 281–283.

С. 108. *Ходасевич – пушкинянец – а стихи – приветствует!* – В.Ф.Ходасевич – один из авторитетнейших пушкинистов русской эмиграции. Автор книг «Поэтическое хозяйство Пушкина» (в эмигрантских периодических изданиях публиковалась по главам) и «О Пушкине» (Брюссель, 1937), множества отдельных публикаций в журналах, газетах, коллективных сборниках. (См.: *Филин М.Д.* Зарубежная Россия и Пушкин: Опыт изучения. Материалы для библиографии (1918–1940). Иконография. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2004. С. 274–278).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Марк Вишняк. В.В.Руднев

Вишняк Марк Вениаминович (1883–1975) – общественно-политический деятель, публицист, мемуарист. Выпускник юридического факультета Московского университета. В 1905 г. увлекся политикой, примкнул к партии эсеров. В эмиграции с 1919 г., жил в Париже. Соредатор и секретарь редакции (1920–1936) «Современных записок». Член парижского Союза русских писателей и журналистов. В 1937–1939 секретарь редакции журнала «Русские записки» (Париж – Шанхай). С 1940 г. жил в США.

Печ. по кн.: *Вишняк М.* «Современные записки»: Воспоминания редактора. – Bloomington: Indiana University Publications, 1957. – С. 51–63, 272–274, 290–293.

С. 111. *Руднев* привлек к себе мое внимание своей внешностью и почтительным отношением к нему со стороны окружающих. – К моменту своей первой встречи с Вишняком двадцатипятилетний Руднев уже успел побывать в ссылке в Сибири, куда был сослан в 1902 г. за участие в студенческом движении. В начале 1905 г. он возглавил московскую организацию эсеров.

Бабкин – один из политических псевдонимов В.В. Руднева. Другие псевдонимы: Роцин, Кушевский.

С. 112. *будущая жена* – Руднева (в первом браке Шмидт) Вера Ивановна (1878–1952). В 1908 г. была сослана вместе с В.В.Рудневым в ссылку в Енисейскую губернию.

Шмидт – возможно, речь идет об Эдуарде Викентьевиче Шмидте (1878–1946), московском враче, гистологе, участнике революционного движения.

Манифест 17-го октября (1905) – Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка», подписанный Николаем II. Провозглашал гражданские свободы и законодательную Думу.

С. 113. *Фондаминский* (псевдоним Бунаков) Илья Исидорович (1880–1942) – один из лидеров партии эсеров, публи-

цист. С 1919 г. в эмиграции. Соредатор «Современных записок» (1920—1940).

С. 114. *Церетели* Ираклий Георгиевич (1881—1959) — политический деятель, публицист. После революции эмигрировал.

Меерович Лазарь Соломонович (ок. 1877 — 1927) — адвокат, переводчик. После революции эмигрировал.

Бр<атя> Будилович — сведениями о них мы не располагаем.

Азефовская история. — В 1901—1908 гг. один из организаторов партии социалистов-революционеров, одновременно секретный сотрудник департамента полиции Евно Фишелевич Азеф (1869—1918) выдал полиции многих членов партии.

С. 115. *Авксентьев* Николай Дмитриевич (1878—1943) — общественно-политический деятель, публицист. В эмиграции жил в Париже. Входил в редколлегия журнала «Современные записки».

С. 116. «*Дань прошлому*» — книга воспоминаний М.Вишняка о жизни в России, начиная с детских лет (Нью-Йорк, 1954).

«*Труд*» (1917—1918) и «*Дело народа*» (1917—1919) — московские газеты эсеров, в которых М.Вишняк сотрудничал.

С. 117. *Ногин* Виктор Павлович (1878—1924), председатель Московского совета в 1917 г. и *Ломов* (Ломов-Оппоков) Георгий Ипполитович (1888—1937), первый народный комиссар юстиции. Книга *С.П.Мельгунова* «Как большевики захватили власть: Октябрьский переворот 1917 г.» вышла в Париже в 1953 г.

С. 118. ...*при открытии Собора*... — речь идет об открытии Всероссийского Церковно-Поместного Собора (1917—1918), на котором были заложены основы канонического устройства Православной Российской Церкви. Председателем Собора был избран митрополит Тихон, будущий Патриарх Московский и всея Руси.

Булгаков Сергей Николаевич (о. Сергей) (1871—1944) — протоиерей, философ, богослов. Выслан из Советской России. С 1925 г. жил в Париже.

Бердяев Николай Александрович (1874—1948) — философ, публицист. Выслан из Советской России. С 1924 г. жил в Париже.

Чернов Виктор Михайлович (1873–1952) – общественно-политический деятель, член ЦК партии эсеров. Романенко Павел Иванович и Быков Василий Петрович – эсеры, члены Учредительного собрания, избранные по Московскому и Курскому избирательным округам соответственно.

С. 119. «Союз Возрождения России» (1918–1919), контрреволюционная организация народных социалистов, эсеров и кадетов.

Сталинский Евсей Александрович (1880–1953) – публицист, литературный критик, эсер. В 1919 г. эмигрировал в Париж.

Толстой Алексей Николаевич, граф (1883–1945) – писатель. В 1923 г. вернулся в Советскую Россию.

Алдановы – Алданов (наст. имя Ландау Марк Александрович) Марк (1886–1957) – писатель, историк и его жена Алданова (урожд. Зайцева) Татьяна (1893–1968).

Цетлины – см. примеч. к п-му 9.

С. 120. Долгополов Николай Саввич (1879–1972) – врач-педиатр, в Гражданскую войну занимал в правительстве ген. Деникина пост министра народного здравоохранения. В 1920 г. эмигрировал. Возглавлял в Париже объединение земских и городских деятелей (Земгор).

«Еврейская трибуна» – еженедельник, «посвященный интересам русских евреев». Выходил в Париже в 1920–1924 гг. Его редактор *Винавер* Максим Моисеевич (1862–1926) – общественно-политический деятель, юрист, публицист. В эмиграции в Париже с 1919 г. В.В.Руднев, работая секретарем еженедельника, имел постоянный доход, в то время как в «Современных записках» он работал безвозмездно.

С. 123. ...давал в очередной статье. – В «Современных записках» М.Вишняк опубликовал более 70 статей и более 30 рецензий.

С. 124. ...то в экономику, то в юриспруденцию... – В первые годы работы в «Современных записках» Руднев напечатал статьи «Лига Наций и международное рабочее законодательство» (1920, 1), «Демократизация промышленности» (1921, 5), «К вопросу о судьбах русской промышленности» (1921, 6) и т.п.

С. 125. ...стал своего рода Иваном Калитой... — Иван I Данилович Калита (? — 1340) — князь московский, великий князь владимирский. Добился у Золотой Орды права сбора монгольской дани на Руси.

Василий Яновский. Из книги «Поля Елисейские»

Яновский Василий Семенович (1906—1989) — прозаик, мемуарист. В 1922 г. эмигрировал. С 1926 г. жил в Париже. Первую книгу «Колесо» (повесть) выпустил в 1930 г. (Париж—Берлин). Сотрудничал в журналах «Современные записки», «Русские записки», «Числа» и др.

Печ. по кн.: Яновский В. Поля Елисейские: Книга памяти. — СПб.: Пушкинский фонд, 1993. С. 73—74, 200.

С. 127. Зензинов Владимир Михайлович (1880—1953) — общественно-политический деятель, публицист. Член ЦК партии эсеров. С 1919 г. жил в Париже. Входил в редколлегия «Современных записок». В 1939 г. уехал в США.

Федотов — см. примеч. к п-му 63.

С. 128. Никаких Шмелевых, и даже без Алданова. — Начиная с 1935 г. «Современные записки» действительно перестали печатать прозу Шмелева. Шмелев Иван Сергеевич (1873—1950) — прозаик, публицист. В Париже с 1923 г. Что касается М.Алданова, то картина здесь совсем иная. Его произведения продолжали печататься в журнале вплоть до последнего номера (1940, №70).

Convention, rue de la — улица в 15-м округе Парижа. Редакция журнала «Числа» (1930—1934) находилась на соседней улице по адресу: 1, rue Jacques Mavas.

С. 129. Николаевский Борис Иванович (1887—1966) — историк революционного движения, журналист. В 1922 г. выслан из Советской России. Жил в Берлине, с 1933 г. в Париже. В 1940 г. переехал в США.

Елена Извольская. После разгрома

О Е.Извольской см. п-мо 20 и примеч. к нему.

Отрывок из ее воспоминаний печ. по публикации в «Новом журнале» (Нью-Йорк), 1942, № 2. С. 365–367.

С. 130. *По* – город на юго-западе Франции, столица департамента Атлантические Пиренеи. Во время оккупации Франции находился в свободной зоне. Немецкие войска остановились в тридцати километрах от города.

...*центр русской жизни в По*. – Установить фамилии русских эмигрантов, находившихся тогда в *По* и упоминаемых в очерке Е.Извольской, нам не представилось возможным.

От редакция «Нового журнала». Памяти ушедших

Новый журнал (Нью-Йорк). 1942. № 1. С. 367–370.

С. 133. *Отсутствие в Европе русской печати...* – С началом Второй мировой войны русские периодические издания в Европе стали закрываться одно за другим. Накануне вторжения фашистских войск в Париж в июне 1940 г. здесь вышли последние номера ведущих русских эмигрантских газет «Последние новости», «Возрождение», «Русский инвалид». Лишь в Берлине продолжала выходить русская еженедельная газета «Новое слово» (1933–1944), в которой еще публиковались траурные объявления, в редких случаях – некрологи.

...*считаем печальным долгом помнить...* – Помимо В.В.Руднева в разделе «Памяти ушедших» редакция напечатала краткие некрологи на следующих лиц: Калишевич (псевдоним Словоцов) Николай Викторович (1881–1941), журналист, литературный критик, сотрудник «Последних новостей»; Каплун (Сумский) Соломон Гитманович (1883–1940), журналист, издатель; Барятинский Владимир Владимирович, князь (1874–1941), писатель, переводчик; Кульман Николай Карлович (1871–1940), филолог, историк литерату-

ры; Грузенберг Оскар Осипович (1866–1940), адвокат, мемуарист; Брамсон Леонтий Моисеевич (1869–1941), общественно-политический деятель, журналист; Малявин Филипп Андреевич (1869–1940), художник.

С. 135. *Кизветтер* Александр Александрович (1866–1933) – историк, публицист. В 1922 г. выслан из Советской России. Жил в Праге. Сотрудничал в «Современных записках». О его письмах в редакцию журнала см. в кн.: *Вишняк М.* «Современные записки». С. 168–180.

Именной указатель

- Авксентьев Н.Д. 115, 196
Адамович Г.В. 9, 16, 143, 157, 168, 184, 188
Азеф Е.Ф. 114, 196
Айканов М.П. 73, 170, 171
Аксаков С.Т. 152
Алданов М.А. 55, 62, 119, 128, 129, 164, 182, 184, 197, 198
Алданова Т. 119, 197
Александр III 151, 154, 187
Алянский С.М. 165
Андреев Л.Н. 169
Андреева А.И. 68, 69, 70, 169
Андреева-Бальмонт Е.А. 92, 93, 180
Андроникова-Гальперн С.Н. 149, 153
Атрохина З.Н. 138
Ахматова А.А. 106
- Балакшин П.П. 193
Бальмонт К.Д. 39, 92–94, 97–99, 101, 157, 173, 180–183, 186
Барятинский В.В. 159, 199
Белый А. 7, 46–49, 52–54, 59, 61, 62, 158, 159, 161–164, 166
Бем А.Л. 73, 75, 104, 171, 184, 188
Берберова Н.Н. 7, 144
Бердяев Н.А. 118, 127, 196
Блок А.А. 31, 32, 45, 47, 61–63, 72, 100, 153, 159, 165, 166, 170
Блок Л.Д. 61, 62, 165, 166
Брамс И. 182
Брамсон Л.М. 200
Брюсов В.Я. 47, 159
- Будилович, бр. 114, 196
Булгаков С.Н. 118, 196
Бунаков И.И. см. Фондаминский И.И.
Бунин И.А. 28, 36, 39, 44, 102, 154, 157, 158, 186, 187
Бунина В.Н. 36, 45, 151–154, 158, 162, 167, 169, 172
Быков В.П. 118, 197
- Валериан 175
Варшавский В.С. 184
Вейдле В.В. 159, 188
Верн Ж. 165
Винавер М.М. 120, 197
Вит (Витт), св. 83, 175
Вишняк А.Г. 61
Вишняк М.В. 6, 8, 26, 27, 111–126–129, 150, 167, 186, 192, 195–197, 200
Волконский С.М. 22, 147, 182
Волошин М.А. 7, 8, 13, 14, 16, 17, 19–23, 27, 39, 55, 140, 141, 144–148, 150, 159
Волошина Е.О. 39
Вольгерс О.Н. 187
Врангель Л.С. 81, 174
- Газданов Г.И. 98, 100, 101, 183, 184
Гайдукевич Н.А. 172, 174
Георг V 89, 177
Гершензон М.О. 106, 192
Гёте И.В. 22, 86, 176
Герцык А.К. 191
Герцык Е.К. 191

Курсивом даны цифры, относящиеся к разделу примечаний.

Именной указатель

- Гефтер А.А. 193
Гиппиус З.Н. 102, 185–187
Гладкова Т.Л. 6, 156
Гоголь Н.В. 92, 161
Гомолицкий Л.Н. 171, 189–190
Горькова Т.А. 138
Грачева А.Н. 138
Гронская Н.Н. 73, 74, 76, 172
Гронский Н.П. 66, 67, 69, 72–75, 77, 98–100, 104, 167, 168, 171–173, 183, 184
Гронский П.П. 72–74, 76, 104, 159, 170, 171
Груздев И.А. 159
Грузенберг О.О. 200
Гуль Р.Б. 165
Гумилев Н.С. 101
Гюго В. 165
- Даманская А.Ф. 193
Дебюсси К. 182
Демидов И.П. 52, 72, 163, 170, 172
Деникин А.И. 120, 172
Долгополов Н.С. 120, 197
Достоевский Ф.М. 161
Дункан А. 100
Дункан Р. 193
Дэвис Р. 5, 139
Дюма А. (отец) 165
- Елпатьевский С.Я. 81, 175
Ельяшевич В.Б. 157
Есенин С.А. 47, 48, 100, 101, 159–161, 185, 186
- Жуковский В.А. 44
Жученко-Гернгросс З. 113
Зайцев Б.К. 141, 157, 172, 182, 183
Зеслер В.Ф. 142, 182
- Зензинов В.М. 127, 129, 198
- Иван I Калита 125, 198
Иванов Г.В. 26, 149
Иванова А.Н. 92, 93, 180
Иваск Ю.П. 51, 73, 75, 162, 163, 171, 172, 178
Извольская Е.А. 31, 32, 129–132, 153, 199
Иловайская В.Д. 150
Иловайская Н.Д. 29, 31, 40, 153
Иловайский Д.И. 27–31, 34, 35, 40–42, 150, 151, 153, 154, 156, 158
Иловайский С.Д. 29, 31, 40, 153
- Калишевич Н.В. 199
Каннегисер И.С. 182
Каннегисер Л.И. 100, 101, 185
Каннегисер С.И. 101
Кантор М.Л. 157, 188
Каплун С.Г. 199
Карсавин Л.П. 150
Керенский А.Ф. 93, 95, 96, 180–182, 191
Кизеветтер А.А. 135, 200
Киплинг Д.Р. 89, 177
Кирпотин В.Я. 189, 190
Клиффорд-Барни Н. 153
Клюев Н.А. 160
Коган П.С. 166
Коркина Е.Б. 181
Крачковский Д.Н. 22, 147
Крейд В. 7, 137
Крессон Ф.Е. 60, 165
Ксения Александровна, вел. кн. 169
Кузмин М.А. 7, 95, 96, 98, 182, 183

Именной указатель

- Кузмина-Караваева Е.Ю. 29, 151
Кульман Н.К. 157, 199
Куприн А.И. 157, 174
Куприяновский П.В. 183
- Лебедева М.Н. 93, 153, 180
Ленин В.И. 111, 190
Лимонт Г. 137
Липшиц Ж. 152
Лифарь С.М. 96, 97, 182
Ллойд-Джордж Д. 177
Ломов Г.И. 117, 196
Ломоносова Р.Н. 162, 181
Лосская В.К. 5–10, 138, 185
Лубяникова Е.И. 137
- Малявин Ф.А. 200
Мандельштам О.Э. 149
Маршак А.О. 34, 154
Маяковский В.В. 148
Меерович Л.С. 114, 196
Мейн М.А. см. Цветаева М.А.
Мельгунов С.П. 117, 196
Мещанинов О. 152
Милюков П.Н. 28, 29, 51, 52, 69,
72, 151, 170, 172
Москвин М. 147
Мочульский К.В. 159
Молчанова Н.А. 183
Мопассан Г. де 60, 165
Муромцева В.Н. см. Бунина В.Н.
- Набоков В.В. 7, 106, 144, 184, 192
Несмелов А.И. 51, 162
Николаевский Б. И. 129, 198
Николай II 151, 177, 195
Ногин В.П. 117, 196
Нолле-Коган Н.А. 63, 166
- Осоргин М.А. 7, 144, 184
Паппер М. 26, 27, 149, 150
Пастернак Б.Л. 86, 148, 152, 159–
161, 188–191
Пильский П.М. 165
Победоносцев К.П. 30, 151
Покровский М.Н. 86, 176
Полуэктова Т.Н. 138
Пушкин А.С. 104, 107, 108, 130,
131, 187, 192, 193, 196
- Радзинский Э.С. 177
Ремизов А.М. 16, 32, 33, 50, 100,
142, 150, 154, 161, 183, 186
Ремизова-Довгелло С.П. 154
Романенко П.И. 118, 197
Ростан Э. 27, 150
Руднева В.И. 71, 112, 119, 128,
131, 136, 195
Рыжак Н.В. 138
- Саакянц А.А. 139, 179, 192
Сабашникова М.В. 18–21, 23,
145, 146
Савинков Б.В. 185
Савинков Л.Б. 100, 185
Савинкова Е.И. 33, 154
Святополк-Мирский Д.П. 150
Сивер Ж. 182
Сирин см. Набоков В.В.
Сойкин, издат. 177
Соломон 37, 155
Соллогубы, гр. 178
Сосинский В.Б. 63, 166
Сталин И.В. 189, 190
Сталинский Е.А. 119, 197
Степанов И.В. 99, 103, 184, 187
Степун Ф.А. 125, 141

Именной указатель

- Струве Г.П. 6, 124
Сувчинский П.П. 150
- Тескова А.А. 143, 168, 178, 179, 184
Тихонов Н.С. 190
Толстой А.Н. 119, 197
Толстой Л.Н. 90, 178
Трубецкой Г.Н. 183
Трубников П. см. Пильский П.М.
Трухачев А.Б. 91, 92, 179
Тэффи Н.А. 183
- Устинов Г.Ф. 159, 160
- Федотов Г.П. 127, 141, 144, 145, 174, 198
Федотова Е.Н. 79, 174
Филин М.Д. 196
Флейшман Л.С. 190
Фондаминский И.И. 6, 113, 115, 119, 121–125, 127–129, 141, 157, 195, 196
- Ходасевич В.Ф. 25–27, 39, 61, 72, 77, 108, 149, 150, 152, 163, 170, 173, 196
Хохлов Г.Д. 169
- Цветаев И.В. 31, 76, 81, 150, 151, 173
Цветаева А.И. 91, 92, 106, 167, 179, 191
Цветаева В.И. 82, 86, 175
Цветаева М.А. 64, 82, 167
Цветковская Е.К. 173, 180
Церетели И.Г. 114, 196
Цетлин М.О. 6, 8, 119, 145, 146, 197
- Цетлина М.С. 18, 119, 145, 146, 197
- Чернов В.М. 118, 197
- Шайкевич А.Е. 182
Шаманова С.В. 138
Шаховская З.А. 188
Шестов Л. 150, 152
Шмелев И.С. 55, 128, 159, 164, 183, 198
Шмидт Э.В. 112, 195
Шопен Ф. 130
Штейгер А.С. 192
Шуман Р. 130
- Щепкина-Куперник Т.Л. 27, 150
- Эйснер А.В. 101, 186
Эренбург И.Г. 61
Эфрон А.С. 6, 16, 44, 48, 68, 74, 91, 94, 103, 105, 142, 158, 161, 172, 177, 179, 186
Эфрон Г.С. (Мур) 6, 8, 25, 27, 32, 37, 44, 47, 48, 52, 64, 66, 69, 71, 78, 80, 81, 82–84, 87, 89–92, 97, 105, 106, 174, 178, 179, 191
Эфрон Е.Я. 178
Эфрон С.Я. 6, 142, 150, 178, 179
- Юсупов Ф.Ф. 152
- Яновский В.С. 127–129, 198

Содержание

Вероника Лосская. Предисловие5

Надеюсь — сговоримся легко

Письма 1933—1937 годов

1. Цветаева — Рудневу. 7 янв<аря> 1933 г	13
2. Цветаева — Рудневу. 12 янв<аря> 1933 г	14
3. Цветаева — Рудневу. 31 янв<аря> 1933 г	14
4. Цветаева — Рудневу. <Февраль 1933 г.>	15
5. Цветаева — Рудневу. 22 февр<аля> 1933 г	15
6. Цветаева — Рудневу. 2 марта 1933 г	16
7. Цветаева — Рудневу. 15 марта 1933 г	17
8. Руднев — Цветасевой. 18 марта 1933 г	18
9. Руднев — Цветасевой. 16 мая <1933 г.>	18
10. Цветаева — Рудневу. 19 мая 1933 г	19
11. Руднев — Цветасевой. 22 мая <1933 г.>	19
12. Цветаева — Рудневу. 27 мая 1933 г	22
13. Цветаева — Рудневу. 10 июня 1933 г	24
14. Цветаева — Рудневу. 6 июля 1933 г	25
15. Цветаева — Рудневу. 11 июля 1933 г	25
16. Цветаева — Рудневу. 19 июля 1933 г	26
17. Цветаева — Рудневу. 9 сент<ября> 1933 г	28
18. Руднев — Цветасевой. <Не позднее 12 сент<ября> 1933 г.> ..	29
19. Цветаева — Рудневу. 19 сент<ября> 1933 г	31
20. Цветаева — Рудневу. 3 Окт<ября> 1933 г	31
21. Цветаева — Рудневу. 8 Окт<ября> 1933 г	33
22. Цветаева — Рудневу. 12 Окт<ября> 1933 г	34
23. Цветаева — Рудневу 4 ноября 1933 г	34
24. Цветаева — Рудневу. 11 ноября 1933 г	36

25. Цветаева — Рудневу. <Около 16 ноября 1933 г.>	37
26. Руднев — Цветасвой. 7 декабря 1933 г.	37
27. Цветаева — Рудневу. 9 декабря 1933 г.	38
28. Руднев — Цветасвой. 14 декабря 1933 г.	41
29. Руднев — Цветасвой. 31 декабря <1933 г.>	41
30. Цветаева — Рудневу. 4 янв<аря> 1933 <1934> г.	42
31. Цветаева — Рудневу. <5 января 1934 г.>	44
32. Цветаева — Рудневу. 8 янв<аря> 1934 г.	45
33. Руднев — Цветасвой. 16 марта <1934 г.>	45
34. Цветаева — Рудневу. 18 марта 1934 г.	46
35. Цветаева — Рудневу. 22 марта 1934 г.	48
36. Руднев — Цветасвой. 25 марта <1934 г.>	49
37. Цветаева — Рудневу. <Апрель 1934 г.>	50
38. Цветаева — Рудневу 19 апреля 1934 г.	51
39. Цветасва — Рудневу. 2 мая 1934 г.	51
40. Цветаева — Рудневу. 9 мая 1934 г.	52
41. Цветаева — Рудневу. 17 мая 1934 г.	53
42. Цветаева — Рудневу. 28 мая 1934 г.	53
43. Руднев — Цветасвой. 30 мая 1934 г.	54
44. Цветаева — Рудневу. 31 мая 1934 г.	54
45. Руднев — Цветасвой. 3 мая <июня> 1934 г.	56
46. Цветаева — Рудневу. 3 июля 1934 г.	59
47. Цветаева — Рудневу. 5 июля 1934 г.	61
48. Цветаева — Рудневу. 24 июля 1934 г.	62
49. Цветасва — Рудневу. 23 сент<ября> 1934 г.	63
50. Цветаева — Рудневу. 26 сент<ября> 1934 г.	64
51. Цветасва — Рудневу. 7 Октября <ноября> 1934 г.	65
52. Цветасва — Рудневу. 27 ноября 1934 г.	66
53. Цветасва — Рудневу. 13 дек<абря> <1934 г.>	67
54. Цветасва — Рудневу. 31 декабря 1934 г.	68
55. Цветаева — Рудневу. 4 января 1934 <1935> г.	69
56. Руднев — Цветасвой. 9 января 1935 г.	70
57. Цветаева — Рудневу. 15 января 1935 г.	72
58. Цветаева — Рудневу. 22 марта 1935 г.	73
59. Цветаева — Рудневу 28 марта 1935 г.	75
60. Цветаева — Рудневу. 1 апреля <1935 г.>	75
61. Цветаева — Рудневу. 14 мая 1935 г.	76
62. Цветаева — Рудневу. 22 мая 1935 г.	78
63. Цветаева — Рудневу. 21 июня 1935 г.	79

64. Цветасва – Рудневу. 6 июля 1935 г	80
65. Руднев – Цветасвой. 7 августа 1935 г	82
66. Цветасва – Рудневу. 17 авг<уста> 1935 г	82
67. Цветасва – Рудневу. 21 сентября 1935 г	84
68. Цветасва – Рудневу. 3 Октября 1935 г	85
69. Цветасва – Рудневу. 15 Окт<ября> 1935 г	87
70. Цветасва – Рудневу. 18 Октября 1935 г	88
71. Цветасва – Рудневу. 26 декабря 1935 г	88
72. Цветасва – Рудневу. 21 января 1936 г	89
73. Цветасва – Рудневу. 12 февраля 1936 г	91
74. Цветасва – Рудневу. 2 марта 1936 г	92
75. Цветасва – Рудневу. 6 марта 1936 г	93
76. Цветасва – Рудневу. 11 марта 1936 г	95
77. Цветасва – Рудневу. 3 апреля 1936 г	96
78. Цветасва – Рудневу. 12 апреля 1936 г	97
79. Цветасва – Рудневу. 22 апреля 1936 г	98
80. Цветасва – Рудневу. 6 мая 1936 г	100
81. Цветасва – Рудневу. 17 мая 1936 г	102
82. Цветасва – Рудневу. Июнь 1936 г	103
83. Цветасва – Рудневу. <4 июля 1936 г >	105
84. Цветасва – Рудневу. 5 авг<уста> 1936 г	105
85. Цветасва – Рудневу. 23 сент<ября> 1936 г	106
86. Цветасва – Рудневу. <22 января 1937 г >	107
87. Цветасва – Рудневу. 2 февраля 1937 г	107

Приложения

Марк Вишняк

В.В.Руднев

Василий Яновский

Из книги «Поля Елисейские»

Елена Извольская

После разгрома (Из воспоминаний о Франции).....

От редакции «Нового журнала»

Памяти ушедших

Примечания

Именной указатель

**МАРИНА ЦВЕТАЕВА
ВАДИМ РУДНЕВ**

Надеюсь – сговоримся легко

Редакторы Е.В.Толкачева, В.П.Кочетов
Художественный редактор Т.Н.Костерина
Технический редактор С.С.Басипова
Оператор компьютерной верстки А.В.Кузьмин
Оператор компьютерной верстки переплета В.М.Драновский
Корректор Н.В.Семенова

Подписано в печать 17.04.2005

Формат 60x90/16

Тираж 5 000 экз.

Заказ № 2554

ЗАО «Вагриус»

107150, Москва, ул. Ивантеевская, д. 4, корп. 1

E-mail: vagrius@vagrius.com

Информация об Издательстве в Интернете:

<http://www.vagrius.com>; <http://www.vagrius.ru>

Отпечатано во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14